

ИНЫЕ БЕРЕГА

1 (33) 2014

журнал о русской культуре за рубежом

«Пепел под гранатовым деревом»

Хроника судебного процесса над Сергеем Параджановым

ПАМЯТЬ О ГОРОДЕ ЭМИГРАНТСКЕ

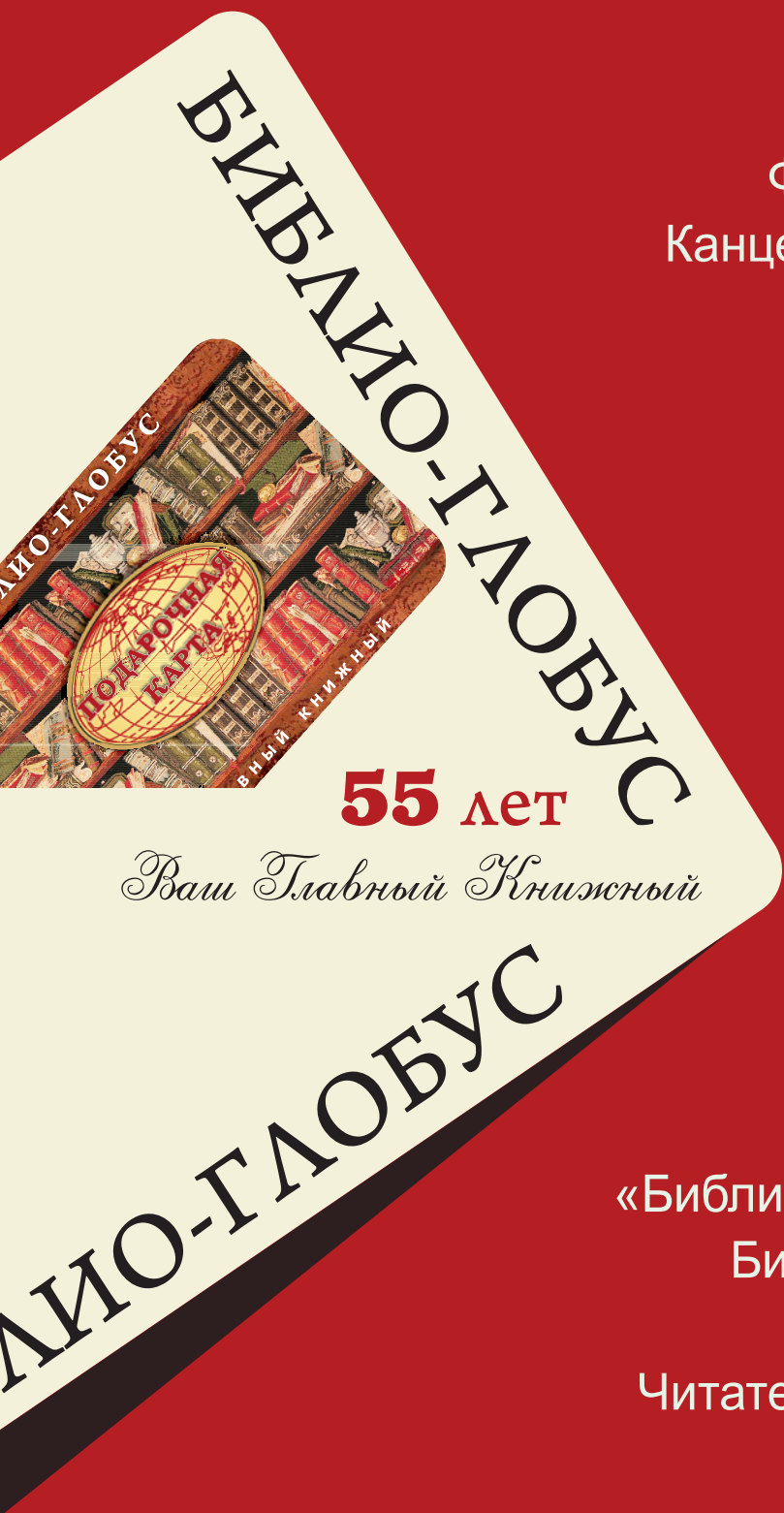
Книга «Некрополь русского Шанхая», о судьбах русских жителей самого европейского города Поднебесной

ТОЛЬКО ИСКУССТВО

Книжная графика Александра Серебрякова в собрании Ренэ Герра

ДВЕ ЭМИГРАЦИИ

Две главные даты судьбы замечательного прозаика, драматурга, историка Александра Амфитеатрова: 150-летие его рождения и 75-летие кончины

Более 200 тыс. наименований книг
Электронные книги и ридеры
Антиквариат и предметы
коллекционирования
Фильмы, музыка, игры, софт
Канцелярские и офисные товары
VIP - обслуживание
Услуги по формированию
библиотек и коллекций
Доставка книг из-за рубежа
Интернет-магазин
www.bgshop.ru
Корпоративные
подарки

Подарочные карты

Подарочная упаковка
Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru
Билеты в театры, на концерты
Встречи с авторами книг
Читательские клубы по интересам
Детский клуб «Библиоша»

Москва, ул. Мясницкая, д.6/3, стр.1
(495) 781-19-00
www.biblio-globus.ru

*Наши авторы пишут
со всех концов мира, наши
герои жили и живут по всему
земному шару.*

Теперь вы можете читать
наш журнал в Интернете:
<http://www.inieberega.ru>

ИНЫЕ БЕРЕГА

**ЖУРНАЛ О РУССКОЙ
КУЛЬТУРЕ ЗА РУБЕЖОМ**

№ 1(33) 2014

Журнал издается в рамках Программы государственной и общественной поддержки русского театра за рубежом под патронатом Президента Российской Федерации.

Главный редактор:

Наталья Старосельская

Редактор:

Анастасия Ефремова

Дизайнер:

Людмила Сорокина

Технический редактор:

Евгения Раздирова

Адрес редакции:

107031 Москва,
Страстной бульвар, 10/34 стр.1
Телефон: (495) 650 3089
e-mail: berega@stdrf.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-25141 от 28 июля 2006 года.

© Все права защищены

Перепечатка и воспроизведение частично или полностью текстов и фотографий из журнала «Иные Берега» только с письменного разрешения держателей авторских прав.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Выходит четыре раза в год.

Тираж 1000 экз.

Типография ООО «СВ-принт»

Предыдущие номера журнала вы можете приобрести по адресу: Страстной бульвар, дом 10/34 стр. 1

Учредитель и издатель:

© Союз театральных деятелей России

Издание призвано соединять соотечественников, разбросанных далеко друг от друга после развала СССР и оказавшихся в разных странах. Нас интересуют судьбы не только тех, кто очутился в эмиграции, но и тех, кто невольно оказался по ту сторону границы — русских, родившихся и выросших в нынешних странах СНГ и Балтии, но сохранивших русский язык и русскую культуру.

*На обложке: Сергей Параджанов
Фото Юрия Мечитова*

Дорогие друзья!

Нынешний год объявлен в России Годом культуры. С одной стороны — очень радостно, что именно на эту область нашего существования наконец-то решено обратить внимание, с другой же — о каком календарном годе может идти речь, если восстанавливать утраченное хотя бы за последние 10-15 лет придется столько же и еще раз столько же?

Слишком многое потеряно, забыто, растрчено в стремительных ритмах нашей жизни, ориентированной сегодня едва ли не во всех областях на критерии, ценности и образ существования Европейского сообщества и Запада. В каком-то смысле это, наверное, хорошо, но в каком-то... Ведь для того, чтобы уверенно «владеть» культурой собственного народа, человек должен ориентироваться в мировой культуре — анализируя, сопоставляя, противопоставляя, потому что культура каждого без исключения народа выросла на глубоко проросших в почву корнях, на традициях, которые нельзя ни принимать, ни опровергать огульно, скопом.

Я не хочу повторять довольно банальные истины, я надеюсь, что вы, читатели журнала «Иные берега», и сами ощущаете то же. Иначе — вряд ли вас притягивало бы это издание, которое на протяжении вот уже восьми лет упорно трудится во имя того, чтобы прошлое и настоящее не были отгорожены непроходимыми барьерами, а проникали друг в друга, исподволь созидая будущее. То самое будущее, в котором Культуре посвящены будут не 365 дней, а 365 лет.

И в этом — залог величия и неистребимости великого русского языка и великой русской культуры.

Давайте попытаемся все вместе сделать этот год памятным для всех, кому эти ценности дороги!

Искренне Ваша
Наталья Старосельская
главный редактор журнала «Иные берега»

Язык и культура

Поэты встречаются на Лебединой горе

Лола Звонарева

На новый международный фестиваль «На Лебединой горе» в Хельсинки приехали люди, по-настоящему влюбленные в русское слово и продолжающие служить ему не одно десятилетие. **8**

Событие

Память о городе Эмигрантске

Елена Глебова

Когда-то Шанхай был знаковым городом в истории восточной ветви Русского Зарубежья, крупным торговым и культурным центром. **10**

Три сюиты на третий день Рождества

Вера Астрова

Программа интернационального фортепианного дуэта москвича Александра Кобрин и парижанина Фредерика Д'Ориа–Николя, явилась в третий день Рождества как чудо сопричастности бессмертному гению русского искусства. **18**

Лица

Американская «Баядерка» Натальи Макаровой в Москве

Елена Ларина

Знаменитый балет русской императорской сцены «Баядерка», поставленный Мариусом Петипа, вновь появился на московской сцене, на этот раз в редакции русской балерины Натальи Макаровой. **21**

Академия. «Как сказку сделать былью»

Александр Максов

Victoria International Ballet Academy — танцевальных школ в Торонто, основанная десять лет назад супружеской четой Викторией Мироновой и Владимиром Демина. **25**

Лица

«Дом моего детства»

Валентина Резникова

У всех театральных детей похожие судьбы. Их с малолетства таскают с собой в театр мамы, которым не с кем их оставить дома, а в детском саду не оказалось места. Фарид Тагиев жил в театре лет с четырех. Так и запомнил себя: между кулисами и маминой гримеркой. 30

Любовь Лазарева — одна из пионеров армянского оперного и джазового искусства

Арцви Бахчинян

Неизданные мемуары первого мужа артистки – инженера Константина Кечека. 39

«Только искусство»

Елена Романова

Книжная графика Александра Серебрякова в собрании Ренэ Герра. 46

Две эмиграции

Тимофей Прокопов

Незамеченными ушли две главные даты судьбы замечательного прозаика, драматурга, историка, публициста Александра Валентиновича Амфитеатрова: 150-летие его рождения (14/26.XII.1862) и 75-летие кончины (26.II.1938). 60

История одной судьбы

Любовь Кривченко

Заочно познакомившись с писателем В.Ю. Янковским, захотелось проследить его судьбу по документам БРЭМа... 72

Его высшее звание

Наталья Старосельская

Жизнь Рустама Ибрагимбекова — это служение. Не только литературе, театру и кинематографу, но культуре в ее преемственности, в наследовании традиций и следовании лучшим из них... 78

Содержание

ЛИТЕРАТУРА

Морская душа

Юрий Лиманов

На книжной полке, рядом с моим письменным столом, в ряду немногих сокровищ стоит изящно переизданный в шестидесятые годы роман Леонида Соболева «Капитальный ремонт» с дарственной надписью автора. **80**

ФЕСТИВАЛИ

Театральная осень в Будапеште

Алла Зорина

Международный фестиваль русских театров зарубежья «Лукоморье», в столице Венгрии. **95**

ТЕАТР

Просто шут захлебнулся слезами

Елена Францева

«Нахлебник» Тургенева в постановке Михаила Резникова — о патологическом стремлении человека самоутвердиться за счет более слабого, зависимого существа, доказав таким образом свое превосходство. **99**

Не надо убивать коростель

Ада Бернатоните

Армянский театр показывает в Литве Тургенева на русском языке. **106**

Про уродов, любовь и людей

Татьяна Одыня

Спектаклю «Якиш и Пупче», поставленному известным режиссером Евгением Арье и его командой на сцене Рижского русского театра им. Михаила Чехова уже почти год. **108**

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

«Добро пожаловать в мою жизнь»

Валентина Кошкарян

Встречи в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. **112**

СОВЕТСКАЯ АТЛАНТИДА

«Пепел под гранатовым деревом» История одного процесса...

Арменуи Эмин

Сергей Параджанов – необычный неосуществленный талант. Талант не для снятия одной, двух, трех картин, это талант внесоциальный, надреальный. **120**

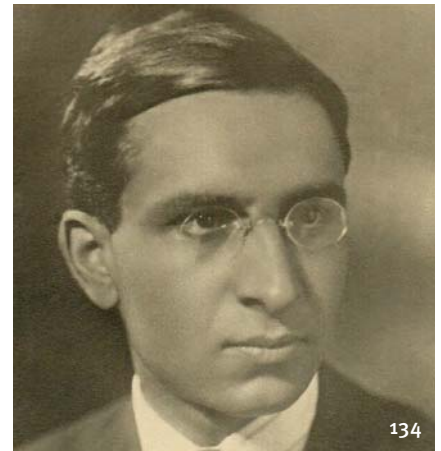

ИЗДАЛЕКА

Конечно, я приду...

Наталья Казимировская

Неожиданным открытием оказалось для меня посещение виллы в одном из районов Стокгольма — Альвике, ничем не примечательной, на первый взгляд... История дома такова: в 30-ые годы XX века в нем жил русский эмигрант актер Матвей Шишкин, в прошлом артист МХАТа. Он создал в этом пригороде Стокгольма любительское театральное общество, которое собиралось регулярно в его доме. **131**

АРХИВ

Воспоминания Константина Кечека

Гоар Мурадян

Марк Григорян

Отрывок из неизданных мемуаров армянского инженера Константина Кечека, написанных в США на русском языке о событиях в России 1917–1923 гг. **134**

ПОЭТЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ НА ЛЕБЕДИНОЙ ГОРЕ

Лола Звонарева

На новый международный фестиваль «На Лебединой горе» в Хельсинки приехали люди, по-настоящему влюбленные в русское слово и продолжающие служить ему не одно десятилетие. Международное общество поддержки молодежных инициатив «Логрус» (Хельсинки, продюсер — Ольга Сванберг) организовало душевную, сердечную и в то же время интеллектуальную встречу, во время которой писатели, музыканты, певцы, переводчики из России, Финляндии, Беларуси, Эстонии, Израиля, Дании смогли представить свои новые книги, сделать оригинальные сообщения о состоянии современной русскоязычной литературы в разных странах и послушать замечательные песни.

Открытие фестиваля состоялось в Финском Доме писателя — на вилле Киви, расположенной в живописном месте в центре Хельсинки с видом на озеро. Гости творческой встречи не только услышали выступления писателей. Одной из целей фестиваля было показать местной молодежи лучшие образцы русскоязычной литературы и музыки. На открытии был показан короткометражный фильм (производство «Логрус», режиссер Евгений Камардин), занявший второе мес-

то на Международном кинофестивале в Праге осенью 2013 года. Открыла фестиваль самая юная участница Катя Архипова, получившая гран-при на конкурсе GLORIA STAR 2013 в рамках проекта «Мечта дает крылья» с песней на финском языке «Ребенок и птица». На открытии также выступила молодежь, участвующая в проектах «Логруса»: Даша Шадрин с песней «Нежность», Николай Пурцеладзе с фортепьянным этюдом собственного сочинения. Гала-концерт второго фестивального дня открыли Ольга Пуссинен и Евгений Гузев, исполнившие переведенную Ольгой Пуссинен на русский язык известную песню финской певицы Энни Вартиайнен «Мой любимый». На другой день в конференц-зале при кафе «Санделс» прозвучали информативные сообщения всех без исключения участников фестиваля — в том числе автора этих слов (о теме смерти в молодой русскоязычной поэзии).

Известный московский поэт и переводчик французской и английской поэзии Григорий Певцов зачитал «Манифест нового символизма». О непростом существовании современной русскоязычной поэзии в Беларуси рассказала поэтесса из Минска Татьяна Шеина, о своих переводах с немецкого — Алексей Астров. Журналист и поэтесса из Копенгагена Нина Гейдэ вспомнила о судьбе журнала «Берег», который

она когда-то возглавляла. Писательница из Таллинна Мария Розенблит поведала о русскоязычных журналах современной Эстонии. Поэтесса Наталья Мери и переводчик Мария Логинова из Хельсинки рассуждали о современной финской и русскоязычной литературе, создаваемой авторами, живущими сегодня в Хельсинки. Московский композитор Вера Астрова поделилась наблюдениями о национальной образности русской музыки. На семинаре и гала-концерте прозвучали переводы с финского Элеоноры Йоффе, а также песни композитора Сергея Соколова в исполнении полюбившейся в Хельсинки певицы Евгении Подымалкиной.

С большим успехом прошел музыкально-литературный вечер, в котором приняли участие все гости и участники фестиваля. Звучала замечательная музыка, профессионально и с большим чувством пели Ксения Глонти и тринадцатилетний Алексей Астров, читали свои стихи Нина Гейдэ, Григорий Певцов, Татьяна и Максим Шейн, Олег Сешко из Витебска, Мария Розенблит, а также живущие в Хельсинки литераторы Наталья Мери, Ольга Пуссинен, Алексей Ланцов, Ольга Сванберг.

В последний фестивальный день в конференц-зале городской библиотеки Пасила состоялись презентации новых книг и периодических изданий. Открыла встречу писательская делегация из Карелии, рассказавшая о новом журнале «Снегири», начавшем выходить в Петрозаводске. Затем слово взяла главный редактор журнала «Иные берега Vieraat rannat» Ольга Пуссинен, представившая свое издание: она

предоставила слово почти каждому из авторов последнего, шестнадцатого номера. Автор этой заметки обратилась к публикациям международного альманаха «Литературные знакомства», выходящего в Москве с 2008 года — уже выпущено 14 номеров, в каждом из которых представлено творчество авторов из 6–8 стран Европы и США. Юный литератор и журналист Алексей Астров рассказал о возглавляемом им детско-юношеском альманахе «Серебряные сверчки» и прочитал свое стихотворение, опубликованное в первом номере альманаха. Также он представил свою первую книгу стихов «Вкус луны» (М., 2013). Нина Гейдэ также рассказала о своей первой поэтической книге «Тень незабудки», вышедшей в этом году в московском издательстве «Нонпарель» с предисловием известного критика Льва Аннинского. Татьяна Шеина прочитала стихи из новой книги стихов «Шестеренки иллюзий» (Донецк, Нор-Пресс, 2012). Владимир Ищенко со своей гитарой украсил встречу в библиотеке, так же, как и молодая певица из Израиля Ксения Глонти, которой постоянно аккомпанировала Вера Астрова.

Все представленные авторами и издателями книги, журналы и альманахи были переданы в дар библиотеке: теперь хельсинские читатели смогут самостоятельно познакомиться с состоянием русскоязычной литературы в разных странах мира.

Прощаясь, участники и гости фестиваля «На Лебединой горе» говорили о том, что творческая встреча помогла многим из них обрести новых друзей и реально убедила в жизнестойкости и значительном творческом потенциале литературы русского рассеяния и современной отечественной словесности. А значит, через год на Лебединой горе вновь зазвучит русское поэтическое слово. **ИБ**

Память о городе ЭМИГРАНТСКЕ

Елена Глебова

*А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем —
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени...*

Марина Цветаева

Когда-то Шанхай был знаковым городом в истории восточной ветви Русского Зарубежья, крупным торговым и культурным центром. В 1930-х годах в театрах давали премьеры, открывали художественные выставки, организовывали концерты. А еще возводили православные храмы и учебные заведения и даже всем миром воздвигли памятник А.С. Пушкину к 100-летию со дня смерти поэта.

*Виктория Шаронова,
автор книги «Некрополь
русского Шанхая».
Фото М. Петровой*

Маятник истории раскачивался, город принимал все новых и новых бывших жителей России (по статистике эмигрантского комитета только за 10 лет — с 1922 по 1932 год — в Шанхае было зарегистрировано почти 16 тысяч человек, а к 1937 году их число достигло 26–27 тысяч), радужные периоды в жизни русской колонии сменялись трагическими. К середине 1950-х число россиян значительно сократилось, а с середины 1960-х под натиском Культурной революции в облике Шанхая постепенно начали стираться русские черты. Уезжая, люди были вынуждены оставлять не только обжитые места, но и могилы своих близких. Кладбища зарастали, ухаживать за ними было уже некому, Шанхай же активно строился и разрастался. В 1955 году все консульские учреждения были официально уведомлены китайским правительством о том, что бывшие шанхайцы могут забрать прах своих родственников и перенести на новое место, но лишь немногие сумели это сделать, безвозвратно потеряв памятные места. К середине 1970-х старые кладбища исчезли с лица земли: захоронения «закатали» в асфальт, разбив там парки, надгробные плиты растащили.

Казалось бы, как в цветаевских строчках: не осталось ни следа, ни тени... Но, благодаря поистине счастливому стечению обстоятельств, в свет вышла книга «Некрополь русского Шанхая», в которой буквально по пылинке собрана информация о судьбах русских жителей самого европейского города Поднебесной. Автор Виктория Шаронова

В.Г. Шаронова и Д.П. Шпиленко, издатель книги «Некрополь русского Шанхая». Фото М. Петровой

посвятила ее россиянам, оставшимся навсегда в шанхайской земле. В предисловии она пишет: «Тысячи безвестных судеб русских людей, не по своей воле покинувших свою Родину в 1920-е годы прошлого века, неизвестны нынешним потомкам. Жаркий Китай принял их и дал короткую передышку перед новой дорогой на чужбину. Но не всем было суждено уехать в новые края».

Виктория Геннадьевна Шаронова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), член Ученого Совета Центра изучения России Шанхайского университета иностранных языков. Историей русской эмиграции в Китае в первой половине XX века занимается с 1992 года. Тогда, приехав в Шанхай вместе со своим мужем, который работал в Генконсульстве России в Китае, Виктории Геннадьевне посчастливилось познакомиться с последним русским белым эмигрантом Александром Ивановичем Порошиным. Именно он и пробудил в ней интерес к «городу Эмигрантску».

Прожив в Шанхае более 10 лет (последние пять из них как супруга генерального консула России), Виктория Шаронова работала в национальных архивах, как исследователь занималась вопросами пребывания русских колоний в Харбине, Даляне, Циндао, Ханькоу, Кулине и др., изучала историю КВЖД. Виктория Геннадьевна тесно сотруднича-

ет с китайскими учеными, и тот факт, что она имеет доверенность профессора Шанхайской Академии общественных наук Ван Чжичэна на совместную публикацию книг в России, говорит о ее серьезной научной репутации. В 2009 году в Шанхае на китайском языке вышла ее книга «История русской эмиграции в Китае» в соавторстве с академиком В.С. Мянниковым и кандидатом искусствоведения Т.А. Лебедевой, весь гонорар от которой был перечислен в китайский онкологический центр (позднее на эти средства провели операции трем китайским женщинам из бедных семей провинции Аньхуэй). В настоящее время готовятся к печати исследования «История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века» (по гранту фонда «Русский мир») и «Художественная культура Русского Шанхая» (по гранту РГНФ).

Однако вышедшая в 2013 году в московском издательстве «Старая Басманная» книга «Некрополь русского Шанхая», презентация которой состоялась в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, стоит в особом ряду. В ней впервые воссоздана максимально полная картина, дающая представление о русском некрополе Шанхая. И работа для этого была проделана поистине колоссальная. Исторический труд создавался в течение семи лет, автором переработан огромный массив ежедневных эмигрантских газет «Слово» и «Шанхайская заря» за период с 1927 по 1943 год,

зафиксированы все опубликованные там некрологи, заметки в память об усопших, сообщения о панихидах. Полученная информация о том или ином человеке, нередко достаточно скудная, дополнена сведениями из справочной литературы и архивных собраний. Встречалась Виктория Шаронова и с бывшими шанхайцами и их потомками, которые сегодня живут по всему миру, и это общение во многом помогло разобраться в ситуации, сложившейся в Шанхае в 1920–1960-е годы. Истинным везением стала встреча в Сан-Франциско с дочерью зрителя одного из шанхайских кладбищ, сохранившей записи отца.

Несмотря на строгую научную форму (автор дает краткую историю Шанхая и русской колонии, детальное описание всех кладбищ, входящих в состав международного некрополя Шанхая с приложением карт, схем), книга Виктории Шароновой создает удивительный эффект присутствия. Благодаря ярким штрихам, которыми обрисованы

*П.М. Иванов-Мумжиев. 1914 г.
Из архива внучки В.Г. Ивановой-Мумжиевой*

*В.Г. Иванова-Мумжиева рассказывает о родном деду — боевом русском генерале П.М. Иванове-Мумжиеве.
Фото М. Петровой*

судьбы того или иного человека, газетным публикациям той поры с их характерной стилистикой, уникальным фотографиям из семейных архивов потомков русских шанхайцев и личного архива автора, причем, многие из них опубликованы впервые.

Листаешь эти страницы и словно оказываешься в многоголосом и многоголосом Эмигрантске, где сошлись линии жизни боевых офицеров, казаков, юристов, врачей, журналистов, музыкантов, артистов, сестер милосердия, духовенства, крестьян... Кто-то и в эмиграции сумел не потерять себя, у кого-то не хватило сил сопротивляться.

Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс, участник Русско-японской и Великой войн, служил в армии А.В. Колчака, а после отставки из-за разногласий с ним возглавил Военное совещание при главнокомандующем вооруженными силами Российской Восточной окраины атамане Г.М. Семенове. Как сообщала газета «Слово», в эмиграции дом генерала Дитерихса фактически являлся центром русской военной эмиграции в Шанхае. Перу Михаила Константиновича принадлежит книга-исследование «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале». 27 ок-

тября 1937 года через газету «Слово» его жена Софья Эмильевна Дитерихс (к слову, основательница Ольгинского приюта для девочек-сирот, лишившихся родителей в годы Гражданской войны) и дочь известили друзей и знакомых о панихиде в двадцатый день кончины М.К. Дитерихса.

Судьба Николая Алексеевича Иванова — дипломата, выпускника факультета Восточных языков Петербургского университета — складывалась удачно: по направлению Министерства иностранных дел служил в российских консульствах в Пекине, Харбине, Кульдже, Ханькоу, в 1919 году стал вице-консулом и консульским судьей в Шанхайском Генеральном консульстве, а после его закрытия возглавил Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае. Но в 1940 году жизнь Николая Алексеевича Иванова оборвалась: прямо на улице его в упор расстреляли китайские террористы. Отпевали Н.А. Иванова в Богородицком соборе, тело предали земле на кладбище Бабблинг велл. Газета «Слово» сообщала: «По окончании заупокойного богослужения Владыка Иоанн указал на заслуги убиенного Николая, как в годы верной беспорочной службы Российскому государству, так и во время изгнания, выполняя не за страх,

А.Г. Хрептович. 1921 г. Нагасаки.
Из личного архива внука А.Г. Хрептовича

А.Г. Хрептович — внук морского офицера А.Г. Хрептовича.
Фото М. Петровой

а за совесть свои тяжелые общественные обязанности». А на кладбище Люкавей упокоился его однофамилец — Емельян Егорович Иванов, выходец из Орловской губернии. Бывший гардемарин Морского Управления во Владивостоке, он служил в армии Колчака, а с 1927 года — в муниципальной полиции Шанхая. В 1940 году, в возрасте 43 лет погиб при исполнении служебных обязанностей.

В Шанхае в 1942 году завершился земной путь Антонины Петровны Тирбах — супруги генерал-майора Станислава Иоанновича Тирбаха, погибшего во время Русско-японской войны, сестры милосердия. Поистине удивительный жизненный путь у этой женщины. В книге приводится ее письмо генералу А.В. фон Шварцу, в котором А.П. Тирбах пишет, что во время Гражданской войны она работала в Карпатах, Буковине и на границе Румынии, была ротным фельдшером, совершила Кубанский поход с Корниловым, была в Донской армии у Деникина. Стремилась попасть к Колчаку, но оказалась в плену у красных, где также пригодились ее медицинские навыки. Она искала своих детей, ходила по деревням, переодевшись крестьянкой, и так добралась до Читы. Там была арестована, подверглась до-

просам, но смягчающим обстоятельством стала годичная служба в госпитале Красной армии. После освобождения Антонину Петровну Тирбах тайно вывез в Маньчжурию Международный Красный Крест. «...Бездна горя, страданий и героизма, и гибель лучших людей...»

В том же 1942 году в «Шанхайской заре» напечатана заметка под заголовком «Панихида по художнику Я.Л. Лихоносу». Короткий, пронзительный текст: «Эпидемическая болезнь вырвала его из рядов русских эмигрантов, полного сил и вдохновения, творческих предположений. Похороны скончавшегося были исключительно многлюдными — русский Шанхай был искренно опечален утратой талантливого человека». Да, Яков Лукич Лихонос, архитектор, ученик Н. Рериха оставил о себе добрую и зримую память — Кафедральный собор Божией Матери «Споручницы всех грешных» в Шанхае, воплотивший черты разрушенного большевиками Храма Христа Спасителя. Собор возводили очень трудно, в течение 10 лет, собирая по крупницам необходимые средства. Чудом он уцелел во время Культурной революции в Китае, хотя и был поруган (в разное время там размещались фондовая

Кафедральный собор во имя иконы Божией Матери «Споручница грешных». Шанхай. Архитектор Я.Л. Лихонос. Из архива В. Шароновой

биржа, ночной клуб). В мае прошлого года состоялось событие действительно историческое: святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил божественную Литургию в Кафедральном соборе Божией Матери «Споручницы всех грешных». Это была первая после более чем полувекового перерыва божественная служба и первый за всю историю российско-китайских отношений визит православного Патриарха.

На титуле «Некрополя русского Шанхая» стоит посвящение: памяти Сергея Николаевича Тимирева. Именно с этого человека, прожившего героическую жизнь, Виктория Геннадьевна Шаронова начала работу над своей книгой. Контр-адмирал С.Н. Тимирев прошел Русско-японскую войну, плен, Первую мировую. В 1919 году командовал морскими силами на Дальнем Востоке. В эмиграции жил в Сайгоне, затем в Шанхае. Плавал на разных судах, нередко испытывал нужду, но при этом сохранял достоинство, оставался лидером и стал инициатором создания Союза военнослужащих и Кают-компаний в Шанхае. Сергей Николаевич оставил воспоминания о плавании на Императорской яхте «Штандарт», отрывки из которых публиковались в шанхайском журнале «Время» в 1929 году, а его «Воспоминания морского офицера» увидели свет только

через тридцать лет в Нью-Йорке, в 1961 году. Сергей Николаевич Тимирев скончался от тяжелой болезни в 1932-м, и все эти последние страшные дни рядом с ним была семья Крашенинниковых. И воспоминания, написанные русским офицером, тоже сохранились благодаря Петру Ильичу Крашенинникову.

В настоящее время в Льюшуньском музее Реликвий (Порт-Артурский краеведческий музей) идет подготовка большой выставки о Русско-японской войне, и отдельная ее часть будет посвящена Сергею Николаевичу Тимиреву. Занимается выставочным проектом Виктория Геннадьевна Шаронова, поскольку является Privatdocentом этого музея.

Что бы ни происходило в нашей жизни, связь времен остается неразрывной. И вышедшая в свет книга Виктории Шароновой еще раз это доказала: на ее презентацию пришли потомки русских шанхайцев, тех, о ком мы читаем на страницах «Некрополя русского Шанхая». В Москве живут внучатые племянницы контр-адмирала Тимирева. Из Екатеринбурга прилетел внук и полный тезка морского офицера, капитана второго ранга, служившего на корабле «Андрей Первозванный», Александра Георгиевича Хрептовича. Вместе с Викторией Геннадьевной

Сестра милосердия А.П. Тирбах

Бывший гардемарин Е.Е. Иванов. Российский государственный архив военно-морского флота

В.Ф. Гроссе. 1925 г.

он разыскивал в Шанхае дом, где когда-то жила семья Хрептовичей, прошел по улице, по которой в 1933 году двигалась траурная процессия в сторону кладбища Люкавей. Внучка архитектора Лихоноса Татьяна Игоревна живет в Москве. Она рассказала, что вся жизнь их семьи проходила в рассказах о дедушке Якове Лукиче, а сегодня своим детям и внукам она может еще и показать книгу «Некрополь русского Шанхая».

А ведь в этом и есть главная задача, которую ставит перед собой Виктория Геннадьевна Шаронова: сохранить память о том поколении людей, которые любили Россию и мечтали сюда вернуться. Многие ее статьи и исследования посвящены истории русской эмиграции в Восточном Китае, в том числе и последнему генеральному консулу Императорской России Виктору Федоровичу Гроссе. Он и его супруга Элла Павловна упокоились в шанхайской земле и тоже являются персонажами книги «Некрополь русского Шанхая». К сожалению, имя В.Ф. Гроссе на его родине, в местечке Грива (когда-то Курляндская губерния, а ныне часть города Даугавпилса в Латвии) было забыто. И только благодаря совместным усилиям В.Г. Шароновой и Краевой Думы Даугавпилского края горожане узнали о своем замечательном земляке. При-

Вид на Набережную Шанхая. 1928 г. Открытка

Генеральное консульство СССР в Шанхае. 1945 г.
Открытка. Личный архив Р.Н. Соколовского

Генеральное Консульство России в Шанхае. 2009 г.

С.Н. Тимирев. Шанхай. 1924 г. Личный архив В.Г. Шароновой
(передано в дар внуком П.И. Крашенинникова — А.Н. Трояном)

ехавший в Москву на презентацию книги «Некрополь русского Шанхая» латышский историк-краевед Янис Кивриньш рассказал, что в настоящее время готовится передвижная экспозиция, посвященная выдающемуся российскому дипломату и его семье, которая будет перемещаться по всем волостным управлениям края. Планируется также установить на здании Гривской школы памятную доску и провести реставрационные работы на могилах родителей и крестной Виктора Федоровича на Беркенельском лютеранском кладбище. Виктория Геннадьевна участвует в проекте в качестве ведущего научного консультанта. Она говорит, что относится к этому поручению с большой ответственностью и радостью, поскольку в Шанхае ей довелось жить в здании Генерального консульства России, построенном в 1916 году по инициативе и частично на личные средства В.Ф. Гроссе, и считает восстановление его памяти своим личным долгом.

В материале использованы фотографии из книги В.Г. Шароновой «Некрополь русского Шанхая» ИБ

ТРИ СЮИТЫ

на третий день Рождества

Вера Астрова

Московскую публику удивить трудно, особенно посетителей концертов, проводимых в консерватории имени П.И. Чайковского. Однако слушатели, пришедшие в Рахманиновский зал 9 января на благотворительный концерт, были потрясены. Они наградили дуэт восторженными, переходящими в овацию, аплодисментами. Пресса также отметила небывалый успех знаменитых артистов. Программа интернационального ансамбля, фортепианного дуэта москвича Александра Кобрин и парижанина Фредерика Д'Ориа–Николя, названная «HERITAGE», что означает «наследие, наследство» в переводе с французского, явилась в третий день Рождества как чудо сопричастности бессмертному гению русского искусства.

В этот вечер в переполненном зале не было случайных посетителей, собрались представители культурной духовной элиты, желая послушать сложнейшую, глубокую по содержанию, редко исполняемую программу из трех крупных сочинений С.В. Рахманинова. Все знали имена всемирно прославленных музыкантов и ожидали получить большое эстетическое удовольствие. Но впечатление, произведенное ансамблем, превзошло все ожидания.

В старинном зале с его прекрасной акустикой публика будто ощутила соприкосновение с живой душой композитора, выраженной в звуках его творений. Технически совершенный дуэт с первых нот повел аудиторию за собой в мир, над которым не властны время и исторические коллизии. Мастера фортепианного искусства, тонко владеющие динамикой, властно организовывающие ритмику, продемонстрировали пример ансамблевого слияния сильных индивидуальностей в единый инструмент для передачи композиторского замысла. Два великолепных концертных рояля под чуткими пальцами обоих маэстро заменили собой большой, богатый тембрами оркестр, будто управляемый незримой дирижерской палочкой.

Единство ансамбля двух звезд фортепианного искусства, живущих столь далеко друг от друга, объясняется не только сходством характера дарования и художественных вкусов. Оба музыканта в юности получили крепкую «Гнесинскую» школу фортепианной игры у профессора, заслуженного работника культуры Российской Федерации Татьяны Абрамовны Зеликман, воспитавшей многих звезд фортепианного исполнительства. Единство истоков искусства обоих пианистов обусловило возможность их полного художественного взаимопонимания, единство туше и приемов педализации, характер мелкой техники, пластику и синхронность. Даже сценический облик дуэта был пронизан токами единства. Внешне строгий, классический стиль ансамбля оттенялся гармонично подобранными, красивыми юными партнершами, осуществляющими важную функцию: перелистывание нот.

В целом ансамбль выглядел в своей интерпретации рахманиновского наследия как высоко профессиональный, синхронный, детально отточенный, концептуальный и вдохновенный.

Концерт состоял из двух отделений. Программа началась Первой сюитой для двух фортепиано, вобравшей в себя всю светлую одухотворенность раннего рахманиновского творчества с ее сияющим Пасхальным финалом. Далее шла Вторая сюита. В ней музыканты развернули мощь и глубину, свойственную сочинениям зрелого периода. Второе отделение завершило экспозицию наследия Сергея Васильевича интерпретацией его последнего опуса: были исполнены «Симфонические танцы» — сложнейшее, философское, яркое и загадочное произведение, подводящее итог творческих исканий и жизненного пути великого композитора.

Личность творца этих масштабных дуэтных полотен незаурядна, как и его искусство. Сергей Васильевич Рах-

Александр Кобрин и Фредерик Д'Ориа-Николя

Рахманинов заключил в свои опусы высокий смысл, чувство высшей любви, сопричастности судьбе России. В его музыке бьет набат, звучит и поет вселенский звон, словно собраны воедино голоса всех колоколов, умолкнувших тогда в бескрайней отчужденности. Композитор, вынужденный покинуть горячо любимую Россию, никогда не переставал думать о родине, тосковать, переживая вместе с великой страной ее тяжелые времена. Находясь в эмиграции, в годы Великой Отечественной войны Рахманинов дает в США несколько концертов, чтобы послать весь денежный сбор в фонд Красной армии.

Поэтому знаменательно и символично привлечение искусства Сергея Васильевича к благотворительной акции, проводимой в наши дни Российским детским фондом — первой в России общественной организацией в защиту детства, более четверти века во главе с известным писателем, академиком Альбертом Лихановым оказывающей многостороннюю помощь нуждающимся детям.

В настоящий момент очень многие российские дети остро нуждаются в поддержке. Наверняка чуткий Рахманинов, будь он жив, лично поддержал бы начинания Фонда. И на этот раз все средства, полученные от проведения концерта рахманиновских произведений, на высочайшем уровне исполненных в носящем его имя зале, были перечислены в Российский детский фонд, в поддержку детей, пострадавших от наводнения.

Поэтому перед выходом пианистов на сцену выступил с благодарственной речью заместитель председателя Российского детского фонда Дмитрий Лиханов. Теплые сло-

ва, адресованные аудитории, тронули публику. Сидевшие в зале ощутили единство, сопричастность доброму делу защиты больных и социально незащищенных детей, опекаемых Российским детским фондом. Отдельная благодарность адресовалась ректору Московской Государственной Консерватории имени П.И. Чайковского, профессору А.С. Соколову, а также организациям, способствовавшим проведению благотворительного концерта — авиакомпания «Трансаэро», артистическому агентству *Fondamenta* (Франция) и, разумеется, самому дуэту пианистов.

Все участники получили памятные дипломы и незабываемые впечатления от этого, поистине чудесного, вечера.

За кулисами пианистов ждала теплая, долгожданная встреча с их лучшими друзьями, в числе которых была профессор Татьяна Зеликман.

Отвечая на вопросы прессы, преподающий в Нью-Йорке Александр Кобрин отметил положительные перемены, происшедшие в Москве и пожелал чаще посещать концерты фортепианной музыки. Его партнер, концертирующий парижанин Фредерик Д'Ориа-Николя, также отметил, насколько в лучшую сторону изменилась столица со времен его последнего визита в Москву. В 2005 году дуэт выступал в Рахманиновском зале, но это происходило в рамках конкурсного прослушивания и не носило столь уникальный характер. Оба музыканта пожелали россиянам успехов в наступившем году. В их творческих планах — новые интерпретации шедевров из наследия русских композиторов, в том числе Сергея Васильевича Рахманинова. **ИБ**

АМЕРИКАНСКАЯ «БАЯДЕРКА» НАТАЛЬИ МАКАРОВОЙ В МОСКВЕ

Елена Ларина

Знаменитый балет русской императорской сцены «Баядерка», поставленный обрусевшим французом Мариусом Ивановичем Петипа, вновь появился на сцене Музыкального театра имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко. На этот раз в редакции легендарной русской балерины Натальи Макаровой. В 1970-ом году, будучи ведущей солисткой Ленинградского театра оперы и балета, она оказалась в эмиграции. С тех пор балерина работает в Американском театре балета Михаила Барышникова, на сцене которого не только станцевала много блистательных ролей, но и поставила как балетмейстер несколько русских балетов — «Лебединое озеро», «Спящую красавицу», «Жизель» и «Баядерку». Вместе с Натальей Макаровой на московской сцене работала ее постоянная помощница Ольга Евреинова, в прошлом танцовщица, а ныне педагог-репетитор в Ковент Гардене. В главной роли Солора

выступил Сергей Полунин, в прошлом солист Лондонского королевского балета, два года назад пополнивший труппу театра Станиславского и Немировича-Данченко. Вот так благодаря «Баядерке» пути из Нью-Йорка и Лондона пересеклись на сцене московского музыкального театра.

В истории балета найдется не так много советских балерин, которые сумели реализовать себя столь полно и разносторонне, как Наталья Макарова. Гастроли по всему миру принесли ей славу выдающейся исполнительницы классического и современного танца. Такие известные хореографы, как Джордж Баланчин, Джером Роббинс, Серж Лифарь, Ролан Пети считали за честь работать с ней. Специально для Макаровой Аштон поставил балет «Соловей», Бежар — «Мефистофель», Ноймайер — «Эпилог». Этот список можно было бы продолжить. В 1982 году балерина попробовала себя как драматическая актриса в бродвейском мюзикле «На пуантах». За роль танцовщицы Веры Бароновой в этой постановке Наталья Макарова получила множество театральных премий, в том числе Топу и Лоуренса Оливье. А в 1980-ом состоялся ее дебют в роли балетмейстера — «Баядерка» Минкуса. «За выдающийся вклад в американскую и мировую культуру» Наталья Макарова удостоена премии Центра исполнительских искусств имени Кеннеди в Вашингтоне, которую, пожалуй, можно сравнить со званием рыцаря в Великобритании и орденом Почетного легиона во Франции. И кто знает, как сложилась бы судьба этой сильной и успешной женщины, если

Ольга Евреинова

Наталья Макарова

бы в 1970-ом году, во время гастролей Кировского театра в Лондоне, Наталья не попросила политического убежища в Великобритании. Первая советская балерина, решившаяся на такой шаг. И только в 1988-ом в том же Лондоне «невозвращенка» Макарова вновь вышла на сцену вместе с труппой Кировского театра в «белом акте» «Лебединого озера» в партии Одетты. А год спустя балерина получила визу в Советский Союз. Ее мама впервые смогла увидеть своего к тому времени десятилетнего внука Андрея. И вот через 25 лет еще один важный шаг на творческом пути выдающейся балерины — московская премьера «Баядерки», на которую Наталья Макарова прилетела вместе со своим супругом, бизнесменом Эдвардом Каркаром.

Прежде чем причалить к берегу московского театра, «Баядерка» Натальи Макаровой обошла ведущие сцены мира. В Москве балетоманы хорошо помнят постановку Большого театра, которую считают эталонной. Редакция Натальи Макаровой по сравнению с первоисточником более камерная, рассчитанная на небольшие европейские сцены. Два первых акта объединены в один, убраны пантомимные и танцевальные номера. Волшебный по красоте акт теней сделан безупречно. И реанимирован последний «забытый» в России акт возмездия небес, в котором рушатся стены древнего города в наказание за предательство Солора.

— Наталья Романовна, вы ставили «Баядерку» на Украине и сейчас впервые в Москве. Какие чувства вы испытываете?

— Я очень волнуюсь. Это моя альма матер. И я представляю здесь не как танцовщица, а как хореограф, постановщик, это большая ответственность. Хочется, чтобы российским зрителям понравилась моя постановка. И для меня это очень важно.

— 17 стран поставили вашу редакцию балета «Баядерка» на своих сценах. Что для вас было важным в работе на московской сцене?

— Во-первых, одна школа. Мне очень трудно приходилось в Америке, когда я впервые поставила «Баядерку». Артистов надо было учить буквально каким-то азам и объяснять с нуля. В этом смысле здесь проще, здесь больше работа артистическая. Хотя у меня вагановская школа, но истоки те же, одна и та же база. Петербургская и московская школы отличаются какими-то нюансами, которые могут быть нивелированы. Трудно было в том смысле, что мало времени, и все в последний момент — костюмы, декорации. Но меня предупредили: «Не волнуйтесь, все будет». И действительно все готово. Работать с танцовщиками было приятно, они отнеслись к работе с большим пониманием, и я думаю, что они сделали карьерные успехи. Танцовщикам труппы эта работа пригодится на будущее, особенно молодому поколению.

— Вы сейчас сказали, что вам очень приятно окунуться в традиции русской школы, скажите, как она проросла в контексте мирового балета?

— Она была и остается все равно лучшей школой в мире, самой завершенной, самой цельной.

«Баядерка». Сергей Полунин и Наталья Сомова

— Когда вы решили сделать свою редакцию «Баядерки», чем это было продиктовано, какая была необходимость?

— У меня было желание своим багажом, который я принесла из России, поделиться с американцами. Поскольку я получила от них много в смысле современного танца, танца модерн, я хотела дать им то, чем я хорошо владею. И они приняли это с радостью, потому что классический балет, академический балет там не был на достаточно высоком уровне. Сейчас ситуация изменилась к лучшему.

— Какой самый плодотворный период в вашей творческой биографии как танцовщицы и как постановщика вы могли бы отметить?

— Это очень разные вещи. Я просто очень довольна, что моя творческая жизнь не закончилась после того, как я перестала танцевать, что все продолжается в постановках. И я довольно востребована, что меня даже удивляет. По-моему, это огромная удача моей жизни.

— Наталья Романовна, у вас есть внуки?

— Нет. Мой сын еще не женат. Он пошел не по моим стопам, он занимается финансами, как его отец.

— Где состоится ваша постановка в ближайшем времени и какая?

— «Баядерка» в Нью-Йорке. Они уже два года повторяют «Баядерку», поэтому все время новые составы и приходится работать с новыми людьми. Только что «Жизель» была поставлена в Стокгольме. В Париже – «Лебединое озеро», которое также взяла и Пекинская труппа.

— А с каждой постановкой вы что-то меняете или стараетесь сохранить в точности рисунок спектакля?

— В нюансах меняю, конечно. Часто это зависит от исполнительницы. Я могу поменять движения рук, головы, еще что-то.

Партию Солора в московской премьере исполнил недавний солист английского королевского балета Сергей Полунин, которого московская публика полюбила сразу и навсегда. Два года назад он дал себя уговорить хударку балета театра Станиславского и Немировича-Данченко Игорю Зеленскому. Московская труппа, несомненно, приобрела в лице Сергея бесценный дар. И вот уже третий сезон каждая премьера с участием танцовщика, каждый его ввод в уже идущие спектакли притягивают любителей балета в театр на Большой Дмитровке. И конечно постановка «Баядерки» была лишь делом времени.

— Сергей, вы ведь уже работали с Натальей Макаровой...

— «Баядерка» в постановке Натальи Макаровой — это мой первый балет в Лондоне и вообще первый балет. Я учил его месяцами и поэтому все про него знаю, это мой любимый балет. Мне легко в нем, я чувствую себя очень комфортно. Это не только моя первая сольная партия, но и моя первая роль в кордебалете. И роль Божка я тоже с удовольствием танцевал. Я буквально купаюсь в нем.

— Наталья Макарова требовательный хореограф?

— Да, она требовательная. Но, мне кажется, к танцовщицам она относится с большей любовью, чем к балеринам. К ним она более требовательна, а мне она может показать всего пару движений, в основном она предоставляет мужчине полную свободу.

— **Вы знаете другие версии этого балета или только эту?**

— Я танцевал редакцию Игоря Зеленского в Новосибирске. На самом деле, они очень похожи, отличаются лишь нюансами. Но фундамент один и тот же. У Макаровой может быть, больше женских танцев, больше актерского начала, которое она взяла от Запада. А у Игоря больше от Мариинской версии, которую он хорошо знает, там больше классического танца, но меньше мимической роли.

— **Перед премьерой травмировался один из исполнителей роли Солора. Вам пришлось его заменять?**

— Да, это добавляет некоторую нервозность, конечно, потому что репетировал с одними партнерами, а сейчас надо комбинировать. Всего три состава. Сейчас я танцую с Натальей Сомовой, а в другом составе моей партнершей будет Кристина Шапран.

Но я нахожусь в хорошей форме, думаю, что вряд ли когда-нибудь еще буду в такой хорошей форме. Надеюсь, что смогу сделать зрителям подарок.

— **Чем для вас интересна роль Солора?**

— Роль Солора отличается мужественностью, просто должен быть мужчина на сцене. В остальном не так все сложно, это классический балет. Для классического танцора все довольно просто, но нужно ощущать себя мужчиной, контролировать пространство, быть воином на сцене. Раньше я даже просматривал какие-то гладиаторские фильмы, чтобы помочь себе найти это ощущение. Сейчас я уже чувствую себя свободно в этом образе. Просто не нужно много двигаться по сцене, больше стоять и ощущать себя центром, все крутится вокруг тебя. Ты не должен перебирать ногами, это вокруг тебя все должны бегать. Главное, не суетиться в этой роли.

Осуществлять хореографические замыслы Наталье Макаровой неизменно помогает педагог-репетитор Ольга Евреинова. И у нее тоже русские корни.

— **Ольга, вы родились в Праге, а где вы учились балету?**

— Балету я училась сначала в Москве, а потом в Ленинграде. Потом я опять вернулась в Прагу, а в 68-ом году мы уехали. Хотели в Канаду, а ехали через Вену, потом Париж, оттуда в Канаду, а из Канады я уехала обратно в Европу, сначала в Норвегию, потом в Италию. Я очень много скиталась. Сначала я танцевала, потом бросила, и очень рано начала преподавать. Я всегда к этому стремилась.

— **А когда вы соединили свои творческие усилия с Натальей Макаровой?**

— Когда я работала в Американском балетном театре у Барышникова. Меня Миша пригласил работать там педагогом-репетитором. Наташа тогда еще танцевала там. И она меня попросила помочь ей сделать постановку «Баядерки» много лет назад. До этого я поставила только

третий акт «Спящей красавицы» в Монте Карло. После этого я уже ставила другие балеты. С Наташей я ставила «Лебединое озеро» и «Баядерку» очень много раз. Но последние лет десять я ставлю балеты и работаю педагогом-репетитором в основном в Ковент Гардене.

— **Как вы находите труппу музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко?**

— Мне она очень нравится. Я скоро уезжаю и даже думать об этом не хочу. Работа здесь была долгая, я была здесь весь июнь и половину июля. И еще две с половиной недели после перерыва. Мы так сжились с артистами, я их так полюбила.

— **Получается, что вы в Ковент Гардене и с Сергеем Полуниним успели поработать?**

— Это был его первый балет, он станцевал два утренника, где-то пять лет назад. Это была его первая ответственная партия. Тогда он был просто феномен, потому что у него все от Бога, это известно. Талант огромный. А сейчас он уже более законченный как танцовщик. Он вырос, но я надеюсь, что он еще будет расти, потому что он молодой и у него все впереди, должно быть все впереди.

— **У Королевского балета осталась какая-то обида на Сергея за то, что он решил вернуться в Россию?**

— Нет. Я думаю, что просто сложилась сложная ситуация с балеринами, точно не могу сказать. Не хочу вникать в эти вещи. Я люблю с людьми работать, помогать им и видеть в них самое лучшее.

— **А как педагог-репетитор вы можете сказать, Сергею полезен этот приезд в Москву?**

— Не знаю, посмотрим, надеюсь, что да. Что он сможет расти. Нужно, чтобы у человека был свой дом, в смысле артистический, художественный дом. Надеюсь, что этот театр станет для него таким домом. И девочки, которые с ним танцуют, очень хорошие.

— **Это первый ваш приезд в Москву в качестве педагога?**

— Меня Игорь Зеленский пригласил два года назад сюда давать мастер-классы. А до этого я в Перми ставила «Лебединое озеро» с Наташей. Потом должны были ставить в Питере в Михайловском театре, но по каким-то причинам постановка не состоялась.

— **На ваш взгляд, в чем сложность балета «Баядерка»?**

— Это самый трудный балет, который можно себе представить. Особенно для кордебалета. Например, акт теней. Его легко выучить, потому что порядок движений почти примитивный. Но за простые вещи трудно спрятаться. Это можно сравнить с музыкой Моцарта. Все прозрачно, все насквозь, и это трудно. И для ведущей солистки в партии Никии это очень трудно, и для кордебалета. Но здесь необходима безупречность, все танцовщицы должны дышать, как одна. Осуществить это технически невероятно сложно, плюс неприятное освещение боковых прожекторов, которые спят. И весь балет безумно трудный. В России и СССР хорошо знают «Баядерку» и ожидают от этой постановки что-то новое. Балеты не должны быть пыльными, это очень плохо. Хотелось бы, чтобы этот балет задышал новой жизнью. **ИБ**

АКАДЕМИЯ. «КАК СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ»

Александр Максов

Студенты перед зданием Академии

От Москвы до одного из крупнейших городов Канады — Торонто почти семь с половиной тысяч километров, «Боинг» покрывает около десяти часов. Выдержав это испытание перелетом, вы оказываетесь в стране, название которой (kanata) на языке лаврентийских ирокезов — коренного населения — означало «деревня» или «поселение». В Торонто и впрямь есть район роскошных вилл, где царит почти деревенская идиллия. Тишина, мир, покой. Зеленые луга и парки, площадки для гольфа, аккуратно подстриженные лужайки и мелодичное щебетанье птиц с причудливым опереньем. Проворные белки не боятся есть с человеческих рук, еноты с умными мордочками

кажутся ручными. По изумрудной траве вдруг пробежит ушастый зайчишка и встреча с косулей местных жителей не удивляет. Машины останавливаются и терпеливо ждут, пока дорогу вразвалочку пересечет семейство диких гусей, направляющихся к пруду. Впереди — важный гусак-глава, убедившийся в безопасности шустрых птенцов, а замыкает чинное шествие гусь-наблюдатель. Воздух свеж и прозрачен — экология такова, что вода из крана не требует кипячения. Но и через это очаровательное «гнездышко» пролегает улица Yonge. Начинаясь с берега Онтарио, она устремляется на север мимо озера Симко. Длина этой мировой рекордистки составляет, по некоторым сведениям, чуть ли не 1900 километров. Хорошо,

Алексей Азудин, Виктория Миронова, Александр Максов, Владимир Демин — участники летних мастер-классов Академии

Владимир Демин

что, не зная этого, я не поддался искушению пройти улицу от начала до конца. Номера домов 7000, 8000, 12000 действительно впечатляют. Однако, на машине из спального района, даже с учетом небольших пробок, можно за час добраться до центра города. А здесь уже кипит жизнь мегаполиса-миллионника, одетого в стекло и бетон высоток, которые едва не задавили старинные церквушки и другие здания, сохранившиеся чуть ли не с XII века.

Центральная часть города вызывает экскурсионное любопытство. В нескольких кварталах от Yonge Street расположен студенческий городок основанного в 1827 году престижного Торонтского Университета (University of Toronto), где канадскими учеными Фредериком Бантингом и Чарльзом Бестом в начале XX века был впервые выделен инсулин. Борьба с главными болезнями современности успешно ведется здесь и сегодня.

Торонто не может похвастать красотой средневековой архитектуры на манер Праги, Парижа или Лондона. Но вот здание Законодательного собрания провинции Онтарио, куда, кстати, может свободно войти любой желающий, выдержит сравнения с иными европейскими достопримечательностями. Неподалеку и недавно отстроенное здание театра оперы и балета Four Seasons Centre. Он не только славится своей акустикой, но и любопытен тем, что является детищем Джека Даймонда, вызвавшего столь бурные дебаты предложенным про-

ектом Мариинского театра — 2. Впрочем, кажется, в Петербурге автор учел уроки Торонто.

Вообще, Россию и Канаду многое объединяет. Крепкие узы принадлежат искусству классической хореографии. В репертуаре Канадского балета «Лебединое озеро» и «Щелкунчик». В Торонто много различных танцевальных школ, однако, мы сосредоточим внимание на Victoria International Ballet Academy. Это учебное заведение по своему уникально. Оно было основано около десяти лет назад супружеской четой Виктории Мироновой (Евдокимовой) и Владимира Демина.

Виктория — выпускница Ленинградского академического хореографического училища имени Агриппины Вагановой (ныне Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой), в прошлом артистка Малого театра оперы и балета, которому возвращено его дореволюционное название — Михайловский театр. В творческой биографии Виктории учеба на педагогическом отделении Вагановской академии. Диплом подписан авторитетнейшими деятелями балетного театра — Наталией Дудинской и Константином Сергеевым. Вполне естественно, что Виктория Миронова (Евдокимова) принесла на канадскую землю педагогическую методику Вагановой, прославленную во всем мире. И те, кто понимает преимущество «русской школы классического танца», конечно же, приходят за знаниями и сценическим опытом сюда.

Алексей Агудин (артист Американского театра балета АБТ) дает мастер-класс в Академии

Над рабочим столом Владимира Демина висит карта мира. «Здесь я разрабатываю планы захвата балетной вселенной», — улыбается своей открытой улыбкой директор. Конечно же, это добрая шутка, но истина заключается в том, что Виктория и Владимир очень эффективно продвигают свое дело, обогащая его новыми идеями. Поначалу Академия занимала помещение, которое вскоре стало тесновато. Увеличивалось число учеников. Для участия в спектаклях Академии приглашались танцовщики из Азербайджана и даже премьеры Мариинского театра.

Владимир Демин эмигрировал в Канаду в 97 году, желая резко поменять свою жизнь. До этого он работал судьей по гражданским и семейным делам Красногвардейского района Москвы. Однако решать чужие проблемы ему претило, прежде всего, потому что компромисс между истцом и ответчиком был недостижим, и все больше укреплялось желание не копаться в чужом «грязном белье», а делать нечто созидательное на «хозяйственном фронте». Уволившись, он начал искать работу и нашел ее в корпорации, занимавшейся поставками нефти. По тем временам хорошо оплачиваемая должность юрисконсульта в таком месте была очень завидной. Это выразилось словом «круто»! Там Демин проработал три года, вплоть до отъезда в Канаду, о которой, как и об Австралии всегда, сам не зная почему, мечтал, устремляя взор далеко за горизонт.

Эмиграционный офицер на интервью предупредила: «В России вы были «белым воротничком», а в Канаде станете в лучшем случае «синим» — помощником юриста». Однако, Демин был готов на все, даже работать в шахте, как его отец. Впрочем, в забой спускаться не пришлось, а вот на стройке очутился, да и пиццу немного поразвозил.

Приехав на североамериканский континент, Демин сразу погрузился в работу по юридическому профилю, чему помогли поиски местного адвоката. Параллельно осваивался язык, улучшался словарный запас «американизмов», приобреталась свобода лексического общения. Не долго думая, Владимир за три месяца закончил двухгодичный юридический курс колледжа и создал профильную фирму, которая помогала российским соотечественникам адаптироваться в Канаде. Оказалось, что в этой стране не обязательно иметь лицензию на адвокатскую деятельность, если судья разрешает представлять людей на процессе. Как коллега, Демин такое одобрение получил. И в течение трех лет успел даже заслужить рекомендацию министра здравоохранения. По ней он был включен директором от общественности в состав профессиональной организации фармацевтов, где участвовал в работе дисциплинарного комитета. Подтвердил это назначение и Указ лейтенанта — губернатора Онтарио — представителя Английской королевы.

После экзамена, май 2013 г.

Шел двухтысячный год. К тому времени в Канаду переселилась и Виктория. Судьба их объединила. В качестве семейного бизнеса Демин предложил создать балетное учебное заведение.

Поначалу школа, открытая в 2003 году, представляла собой типичную канадскую балетную студию, обучающую маленьких детей. К счастью, детки подошлись хорошие, и пришла идея все-таки сделать школу профессиональной, дневной. Несмотря на все отговоры людей, сомневающихся в том, что в Канаде балетное дело может быть успешным, Демин занялся регистрацией и лицензированием. И добился этого на удивление быстро. Семь первых учеников превратились в тридцать пять. С одной стороны, стремительные успехи российской четы кажутся феерическими. Прорасти в незнакомой почве и даже расцвести на ней Владимиру и Виктории удавалось в краткие сроки, которые у других потребовали бы куда более значительного отрезка времени.

С другой — лишь поверхностный взгляд может не заметить естественных препятствий, которые приходилось преодолевать на пути к намеченной цели.

У вновь образованной школы не было государственного финансирования, бюджет складывается из оплаты за обучение. За триста пятьдесят долларов приходилось не только учить детей, но кормить их горячими обеда-

ми, решать вопросы транспортной доставки и другие проблемы функционирования учебного заведения. Несколько лет доплачивали из своих средств, все время погружаясь в долги. Но развивались быстрее, чем даже сами ожидали. Через три года ушли из первого помещения, где стало тесно. Правда, при этом подрастеряли часть студентов, привыкших к старому месту, а вот аренда нового здания выросла чуть ли не втрое. Зато теперь Victoria International Ballet Academy имеет собственный просторный дом: огромные, проветриваемые балетные залы, учебные классы, столовую, складской ангар для хранения многочисленных сценических костюмов и декораций. Однако и успокаиваться Владимир с Викторией не стали. Едва выправив финансовую ситуацию, уже запланировали очередную перестройку, позволяющую обзавестись дополнительным репетиционным залом. Отличием Victoria International (международный статус оправдывают студенты, приезжающие учиться из разных стран мира) Ballet Academy от других учебных заведений Торонто в том, что здесь работают дипломированные педагоги, образование которых является важным дополнением к сценическому опыту...

Помимо профессиональных дисциплин Академия дает среднее образование. Для этого приглашены педагоги,

Фото группы летнего интенсива, 2013 г.

обучающие детей даже по более высоким стандартам, чем предлагает обычная канадская школа.

Преподают здесь и дополнительные предметы, например, музыку и изобразительное искусство. Иностранцев привлекает возможность изучения английского языка. Сегодня Академия представляет то ли концерт, то ли корпорацию со своими структурными подразделениями, как, например, детский сад. Все это позволяет не только выживать, но и извлекать средства для развития главного — балетного дела. У Виктории и Владимира амбиции не снижаются. Теперь они озабочены тем, чтобы выпускники Академии не уходили в небытие, не занимались изнурительными поисками достойной работы. Этому помогла бы собственная балетная компания, создание которой в ближайших планах. Ставя перед собой все новые сложные задачи, Виктория и Владимир, кажется, проверяют свой созидательный потенциал, наполняют жизнь смыслом.

Сопряжено это с тяжелым трудом по 20 часов в сутки. Школа для них как ребенок — живой организм. «С возрастом ребенка меняется его характер, потребности. То же происходит со школой, и мы постоянно думаем, как ее развивать в нужном направлении. Нужно контролировать ее настроение, ауру. Те, кто приходят сюда работать, не могут так ощущать ситуацию, как это доступно нам»,

— признается Владимир. И можно только восхищаться тем, как человек — отнюдь не причислявший себя к балетоманам — пересев из кресла в партере в директорское, увлеченно зажил в атмосфере балетных станков, арабесков и пируэтов, счетов и переговоров.

У супружеской пары в Академии замечательное разделение обязанностей. Жена занимается творчеством и художественным руководством, супруг — коммерческой стороной. Оба прекрасно дополняют друг друга: она по-питерски сдержанна, он — по-московски открыт, эмоционален, энергичен.

Чем же объяснить столь впечатляющие успехи? Думаю, не только высоким профессионализмом каждого в своей области. Девизом Виктории и Владимира могли бы стать еще три слова: «Любовь», которой озарено каждое мгновение жизни наших героев, «Ответственность» и «Порядочность». А еще чистота помыслов. По всей видимости, это импонирует добрым высшим силам, которые, несомненно, оказывают свою помощь и поддержку. Так что детский «Щелкунчик», ежегодно представляемый силами воспитанников Академии на Рождество, становится прекрасной иллюстрацией того, как любовь творит чудеса, и как сказка воплощается в реальность. **ИБ**

«ДОМ МОЕГО ДЕТСТВА»

Валентина Резникова

Фарид Тагиев — актер Московского Театра на Юго-Западе. Родился и вырос в Баку. Там же окончил Университет культуры и искусства, факультет «Актер театра и кино». Начинал как драматический актер в Русском драматическом театре имени Самеда Вургуня в Баку. На гастролях (ноябрь 2005 г.), организованных для театра Центром поддержки русских театров за рубежом СТД РФ (ВТО) по городам России — Белгород, Орел, Брянск — был отмечен российской театральной критикой как перспективный молодой актер за роль Константина Тrepлева в спектакле «Чайка». С 2006 г. — актер Московского Театра на Юго-Западе.

У всех театральных детей похожие судьбы. Их с детства таскают с собой в театр мамы, которым не с кем их оставить дома, а в детском саду не оказалось места. Фарид жил в театре лет с четырех. Так и запомнил себя: между кулисами и маминой гримеркой. Его мама — актриса Бакинського Русского драматического театра Наталья Багирова (в замужестве Тагиева) была живой легендой азербайджанского театрального искусства и до сих пор эту утрату восполнить невозможно. Вот и получается, что фраза «незаменимых нет» не всегда себя оправдывает. Ушла Наташа, и зритель осиротел. Потому что у театра нет альтернативной кандидатуры на ее амплуа. Сына она приводила с собой, оставляя с коллегами в актерском предбаннике, где для него все народные были просто дядями — Котиком, Толиком, Сашей. А публика шла в театр, чтобы увидеть Адамова, Фальковича, Маркатуна, Шаровского, его маму — Наталью

Тагиеву. И как-то так вышло, что в сознание маленького Фариды театр вошел как общий большой дом. Ему даже казалось, что люди во всем мире живут именно так, как живет он, его мама и все эти дяди и тети, которых называют актерами.

— Я рос в театре, как некоторые растут во дворе. Для меня грим, костюм и человек, который только что был просто дядей Сашей, казались обычными и привычными. Для меня это было настолько естественным, что я думал: именно ТАК и живут люди во всем мире.

— И как долго ты заблуждался?

— Мне кажется, лет до тринадцати-четырнадцати. Только в этом возрасте я получил относительную «свободу» и мог передвигаться по городу самостоятельно. Вот тут-то и начались дворовые «университеты»: первые драки до крови, первые влюбленности, первая сигарета. Но потом я стал заниматься спортом и так увлекся, что ничего более важного в моей жизни какое-то время и не было...

Он говорил, а я, глядя на него, вспоминала, как Наташа беспокоилась о будущем сына. Ей казалось, что у него нет никаких ярко выраженных способностей и нет тяги ни к чему серьезному. Кем он станет, чем будет заниматься в этой жизни? Наташе хотелось, чтобы он обрел какую-то серьезную профессию и смог обеспечить себя в будущем. Я тогда ассистировала главному режиссеру и в одном из спектаклей нам нужен был молодой красивый парень с хорошей пластикой, не боящийся сцены. Я предложила Фариду, который все равно приходил после школы в театр и болтался за кулисами, томясь ожиданием конца репетиции. Главному идея понравилась, и мы спросили у Наташи: нет ли у нее возражений? Наша идея ее не вдохновила, но аргумент занять парня делом оказался веским. И никто тогда даже предположить не мог, что именно это обстоятельство определит профессиональную судьбу мальчишки, который оканчивал школу.

Фарид Тагиев

Фарид с мамой

— Мама очень не хотела, чтобы я стал актером. Профессия зависимая и эмоционально изматывающая. Она не хотела, чтобы я пережил то, что пришлось пережить ей. Мама хотела для меня материального благополучия, которого профессия актера не давала, независимо от званий и всевозможных наград. А когда я понял и решился сказать ей, что ничего другого, кроме театра, мне в этой жизни не нужно, то у нас состоялся очень жесткий разговор. Мама, несмотря на то, что была человеком мягким и добрым, умела говорить так, что ты понимал: если

дашь слово, то лучше его потом не нарушать!

Это на самом деле было так. Видимо, у людей особого таланта всегда есть тот арсенал средств, который не обязательно облекать в слова. Не обязательно выяснять отношения и устраивать скандалы. А она этого и не делала, считая, что из мальчика мужчину не вырастишь, если воспитывать истериками, скандалами и слезами. Наташа могла вдруг стать подчеркнуто вежливой или — безразлично внимательной. О! Это — высший пилотаж психологического воздействия! Особое состояние, когда

все внимание сконцентрировано на тебе, но именно это внимание и подчеркивает: насколько сильны отрицательные эмоции, мысли и чувства, которые она к тебе в данный момент испытывает. Поэтому Фарид никогда не скрывал полученных двоек в школе или дворовых «подвигов». Принимал, что лучше сразу и честно во всем признаться. Сообщение сына о выборе будущей профессии повергло ее если не в шок, то в глубочайшее уныние. Она не знала, что с этим делать: запретами ведь ничего не добьешься! Попробовала отговорить. Очень серьезно, ничего не скрывая об этой профессии. Но он не понимал, не мог понять. Снимая грим, она посмотрела на свое отражение в зеркале и, переведя взгляд на меня, сказала: «Я не хочу ему испортить жизнь запретами. Но кто мне может дать гарантию, что, не запрещая, я поступаю правильно?». Наташин голос прозвучал почти трагически, и я подумала о том, что амплу острохарактерной актрисы могло быть не единственным! В театре же многие сравнивали ее с Фаиной Раневской, молодость которой тоже прошла на подмостках этого театра...

— Когда мама поняла, что я не отступлю, что желание быть актером — это не блажь, она сказала примерно следующее: если пришел в эту профессию, то не надо ее позорить своим дилетантизмом и претензией на избранность; пришел — вкалывай, вгрызайся, постигай, а не сможешь — лучше уйди.

Она сама была очень одаренной, требовательной к себе, бесконечно сомневающейся, выверяющей каждую деталь в структуре роль-персонаж-образ и от него требовала того же.

— Я не понимал тогда, чего именно хотела от меня мама. Просто старался не подвести ее. И только сейчас, годы спустя, оглядываясь назад, иногда перечитывая собственные записи того периода, понимаю, что все, что я тогда делал, думал, пытался переосмыслить — сплошной дилетантизм! Я ничего не понимал в профессии, которую выбрал! Да и сейчас я нахожусь на подступах к пониманию этого.

Фарид не лукавил. И я понимала его: он приблизился к сути того открове-

Наталья Тагиева

ния в профессии, когда начинаешь не только разумом, но и всем своим естеством понимать, что же это значит — быть лицедеем. Определяющей формулой профессии он выбрал слово «быть». Давно выбрал. Еще в Баку.

— Я прошел хорошую школу для начинающего артиста. Если бы не было бакинского театра, то не было бы и московского. Театр в Баку — это не только дворик моего детства. Я вспоминаю его, как один из важных периодов в моей жизни. Там было мое все: и первая любовь, и попытка в профессии «быть», а не «казаться», и стремление совершить профессиональный «подвиг». Я и пытался. Как мог, как понимал. Но настоящие мои университеты начались здесь, в Москве. В Театре на Юго-Западе. Здесь я впервые не интуитивно, но разумом, сердцем и еще какой-то точкой в организме понял, прочувствовал, кожей ощутил, что же это такое «быть актером».

— Но ты, прежде чем покинуть Баку, сыграл Константина Треплева в чеховской «Чайке», Меневаля в «Наполеоне Первом» Ф. Брукнера, Себастьяна в «Двенадцатой ночи» У. Шекспира, Вандалино в «Учителе танцев» Лопе де Вега...

— Не думаю, что можно называть игрой то, что я делал интуитивно, инстинктивно, не осознавая. Мама, посмотрев репетицию «Учителя танцев»,

рассержено спросила, кого я вообще играю? Я не понял. Долго перечислял: сильный, храбрый, заводной, влюбленный... Она прервала вопросом: а короче? Я завис. Для меня достаточно было того, что Вандалино молод и горяч и что шпагу из ножен готов вытащить в любую минуту! Мне нравилось это! Мы с Вандалино были ровесниками, но все, что нас объединяло — это молодость и любовь к шпаге!

«Чайка».
Константин
Треплев —
Фарид Тагиев.
Русский
драматический
театр им. С. Вургуна

«Азалия». Леа — Наталья Тагиева, Матье — Фарид Тагиев.
Русский драматический театр им. С. Вургуна

Меневаль — секретарь у Наполеона. Роль небольшая, а мне не хватало опыта выгащить что-то помимо текста. Я все думал: ну, что у него может быть такое, что делает его в своих собственных глазах особенным? И пришел к мнению, что это — его манера говорить, четко выговаривая слоги хорошо поставленным голосом... Я многого не умел. И только когда репетировал Треплева, впервые выстроил формулу образа: Константин — постоянный декадент!

— Ты играл с мамой в спектакле по пьесе Ива Жамиака «Азалия». Играл ее сына Матье. Интересно было?

— О! Невероятно трудно и тяжело. Я стыдился маминых подсказок, зажимался, когда мы вместе выходили на сцену. Хотел казаться более профессиональным и значимым, чем был на самом деле. Но она была удивительной женщиной и актрисой: каким-то непостижимым образом умела сделать так, что я забывал, что она — моя настоящая мама. Передо мной была Леа. Сейчас, оглядываясь назад, думаю, что сыграл бы Матье по-другому...

— Когда пришло понимание профессии как чуда?

— Впервые и неосознанно в раннем детстве. Мне было лет 6, когда я вышел на сцену в спектаклях «Самобийца» и «Шейх Санан» и воспринимал это как сказку. Но ощущение

сотни влетевших в лицо иголок, заставивших чувствовать себя каким-то особенным, запомнил навсегда. И только когда стал служить в Театре на Юго-Западе, понял, что это значит — поймать волну от зрителя.

— И что же?

— Шел второй год моей жизни в этом театре и мне дали роль почтмейстера в спектакле «Ревизор». Роль не давалась, я долго не знал, что мне с этим персонажем делать, режиссер был

недоволен, я нервничал. И в какой-то момент понял, что надо играть такую крысу, у которой нет собственной интересной жизни, но есть чужие жизни! В этих письмах. И он только и может, что принохиваться к чужой жизни! Потом — срочный ввод на роль Харона в спектакле «Фотоаппараты». Хожу по сцене и нутром поймать ничего не могу! А от этого еще хуже: ощущение полной пустоты и безысходности. Выход Харона в конце второго акта, а до этого я занят в массовке с колоссальной физической нагрузкой. В зале зрители и им нет дела до моих трудностей. Им нужен Харон, а я не могу им его дать, потому что не понимаю: что такое этот Харон? зачем он? Пазлы сложились буквально к выходу. Не знаю, что здесь помогло: музыка, собственный кураж от переизбытка нервного напряжения, но только к выходу на сцену я понял — кто он такой, зачем и с какой миссией пришел сюда. Он пришел, чтобы спасти неродившихся гениев, а значит, проявил человеколюбие. Он вышел за рамки своего предназначения — перевозить души в царство мертвых через Лету, и пошел против закона. Я — Харон, двигаюсь в потоке падающего лучом света и вдруг... как будто это не я, а кто-то другой издает

«Странная миссис Сэвидж». В центре Джефф — Фарид Тагиев

«Вальпургиева ночь». Гуревич — Фарид Тагиев. Театр на Юго-Западе. Фото С. Тупталова

сильный утробный звук. Трубный и страшный. Я видел потом свои глаза в видеозаписи! Могу сказать только то, что чудо магического преображения в профессии случается.

— **Ты хочешь сказать, что в этой профессии часто случаются моменты, не поддающиеся актерскому контролю?**

— На самом деле, мне не хочется делать таких заявлений. Все не так однозначно. Скажу только, что профессия актера дает возможность учиться не только ремеслу, но и быть, становиться другим человеком. Я учусь быть не только Фаридом Тагиевым, но и еще кем-то. А это дает возможность внутреннего очищения.

— **Эзотерики говорят, что профессия лицедея посылается человеку свыше для того, чтобы развязать кармические узлы...**

— Не знаю. Я не рассматривал эту позицию в таком аспекте. Но, служа на Юго-Западе, понял, почему театр называют храмом. Ведь многие люди ищут Бога там, где найти его нельзя. А театр дает человеку возможность выбрать, куда идти — в сторону добра или в сторону зла. Джорджо Стрелер говорил, что искусство призвано нести возвышенные и благородные идеи, иначе оно не заслуживает права называться искусством.

— **Что еще ты понял о профессии, служа в Театре на Юго-Западе?**

— О! Очень многое. Я стал просто иначе смотреть и на мир, и на театр.

— **Можно подробнее?**

— Когда я делал свои первые шаги в бакинском театре, то главный режиссер Александр Яковлевич Шаровский дал мне возможность поверить в

то, что эта профессия для меня. Он показал этот путь и сказал: «Иди и ничего не бойся». Потом — Салман Байрамов, выпускник пермского института, человек, абсолютно одержимый театром... Его рассуждения о профессии и театре тоже заставляли думать, анализировать, смотреть на какие-то моменты в творчестве глубже. Очень много мне дал осветитель Коля Сидоров. Такой театральный домовый, сказочник, который возился со всеми театральными детьми, как со своими, и увлекал нас в мир волшебных фантазий, фантастики! Все мамы коллеги, которые заменили мне друзей, дали ощущение одной огромной семьи, в которую я был допущен на равных! У меня в школе не было друзей. Все мои друзья были в театре — и Анатолий Фалькович, и Лев Грубер, и Саша Маркатун, и Ко-

тик Адамов! Это все мои детские и дворы, и университеты. Я гордился тем, что они со мной разговаривали, как со взрослым. И поэтому самому себе казался очень умным!

— *Это понятно. Но хотелось бы о Театре на Юго-Западе...*

— Но ведь это начало истории и без нее не получится продолжения. Так вот. Будучи актером бакинского театра, я думал, что театр — это место для развлечений и приятного времяпрепровождения. Мне казалось, я такой способный, такой умелый! Но когда пришел в театр Валерия Беляковича, понял, что ничего не умею и ничего о театре не знаю из того, что должен бы знать. Мама знала, Фалькович знал, Салман знал, а я вдруг почти на физическом уровне ощутил, что у меня, грубо говоря, ни рук, ни ног, ни спины, ни голоса. Я — просто никто.

торые посланы мне как спасение, есть такое, чего нет во мне? И что в этой профессии является для меня тайной за семью печатями, а для них — нет?

— *Понял?*

— До сих пор учусь это понимать. Знаете, а еще я нутром понял то, о чем слышал неоднократно и что казалось мне просто банальностью. «Век живи — век учись!». Это о моей профессии. Дипломы самых престижных вузов не могут дать того понимания и того ощущения профессии, которое тебе дает живой театр.

— *И в роли какого персонажа на тебя снизошло такое откровение?*

— Нет такой единственной роли. Это, знаете, такой процесс накопления, когда шаг за шагом открываешь для себя еще раз и еще раз нечто, чего не понимал и не ощущал до этого. А открывая это, ты открываешь себе и

«Дураки». Театр на Юго-Западе. Фото С. Тупталова

Но я не мог подвести людей, которые верили в меня. Рискнул Валерий Романович, принимая меня в труппу, рисковала Наталья Старосельская, давая мне рекомендации после увиденной ею бакинской «Чайки». Мог я их подвести? И тогда я на полгода ушел в добровольное театральное монашество. Я просто не выходил из театра, дня и ночью там. Пытался понять, постичь: что во всех этих людях, ко-

самого себя. И вот тут начинаются моменты, которые, наверное, можно сравнить с ощущением эмоционального драйва! Ты подсаживаешься на это и уже иначе себя не мыслишь. Каждый раз выходя на сцену, хочешь пережить это снова и снова. Вот, например, Патриций Октавио в спектакле «Калигула». Я поймал этот момент от непосредственного контакта с залом. Но зал — это множество глаз

и множество лиц. Невозможно общаться сразу со всеми. Ты находишь среди всех одного и вот он и становится твоим проводником на пути к власти над залом. Потом были Лаэрт, Меркуцио и другие.

— *Иначе говоря, ты чувствуешь власть над зрителем и переживаешь это как допинг?*

— Наверное и так можно сказать. Не знаю. Знаю, что с этим ощуще-

«Мастер и Маргарита». Афраний — Фарид Тагиев. Театр на Юго-Западе. Фото С. Тунталова

нием ничего не может сравниться! Но, чтобы не утратить возможность властвовать над умами, эмоциями и чувствами зрителей, нужно самому постоянно быть в процессе, оставаться живым и интересным. Поэтому практический театр как школа важен для творческой личности, но и театральная школа как навыки к ведению творческого поиска тоже важна. Театральная школа лепит человека, по-

могая создавать характер, превращая в личность, укрепляя дух. И такой школой для меня стал театр Валерия Беляковича.

— **Но многие утверждают, что театральная школа для актера не так уж и важна. Потому что актера можно воспитать в театре.**

— Знаете, в принципе ничего невозможного нет. И все допустимо. Говоря о школе, я не имею в виду вуз,

студенческую скамью. Я говорю о школе как о системе, связующей жизнь, личность, процесс, желание постигать и совершенствоваться. Но! Школа театральная важна, потому что она не только навыки дает, но и формирует восприятие реальности сквозь призму драматургического материала, превращает работу в служение, потому что творчество и служение настоящему искусству делают

«Гитары». Театр на Юго-Западе. Фото С. Тупталова

человека лучше. Поэтому важно, чтобы театральным делом занимались живые люди.

— **Какая же, по-твоему, сегодня роль у театра?**

— Я уже вскользь говорил об этом. И ничего нового в моем взгляде на это

нет. Театр вечен, как и любое подлинное искусство. Поэтому он не должен становиться частью массовой культуры. Немирович-Данченко говорил, что театр — это разумное развлечение, которое уводит от повседневного быта и заставляет задуматься:

что такое совесть? нравственность? честь? достоинство? любовь? и так далее. Речь идет о живом театре. О театре, который способен волновать и умы, и сердца.

Я слушала его рассуждения и думала о том, что он вырос: интеллектуально, профессионально. А еще о том, что Наташа могла бы гордиться им сегодня. Потому что Фарид, оставшись в этой профессии, сдержал когда-то данное ей слово: работает, ищет, совершенствуется. И не роняет престиж профессии, которую как генетическое наследие принял от своей мамы, от ее коллег — народных артистов и любимцев бакинской публики; как эстафетную палочку той русской театральной культуры, которая продолжает жить в городе ветров, белого солнца и открытых к дружеским и творческим диалогам людей. Дом всегда остается домом, куда бы ты ни отправился, где бы ты ни жил. А его дом там, где Театр. Не важно, на какой улице и в каком городе этот Театр прописан. Важно, что он есть... ИБ

«Ромео и Джульетта». Меркуцио — Фарид Тагиев. Театр на Юго-Западе. Фото С. Тупталова

ЛЮБОВЬ ЛАЗАРЕВА — *одна из пионеров армянского оперного и джазового искусства*

Арцви Бахчинян

У истоков оперного и джазового искусства в Армении, среди десятков имен, свое достойное место занимает имя Любови Викторовны Лазаревой (1909–1990) — певицы украино-русского происхождения. Интерес к жизни и творчеству этой артистки у меня возник после прочтения неизданных мемуаров ее первого мужа — инженера Константина Кечека (1907–2000), которые публикуются в этом номере «Иных берегов». Записи певицы, к сожалению, не сохранились, но благодаря архивным материалам, газетным статьям прошедших времен и воспоминаниям родных удалось воссоздать портрет этой женщины...

Она же — Любовь Прудченко

Дата рождения будущей певицы — 30 сентября 1909 года, место — город Царицын (ныне — Волгоград). Ее семья, по фамилии Прудченко, по отцу происходила из Украины, мать же была русской. Отец семейства, Виктор Иванович Прудченко, до советских времен был мелким чиновником в полиции и управлял сахарным заводом, где на старости лет служил ночным сторожем. Мать же, Татьяна Георгиевна, по воспоминаниям будущего зятя, была заботливой и энергичной хозяйкой, «словно прототип Пульхерии Ивановны из «Старосветских помещиков»... которая вся жила не для себя, а для своих детей». А детей у нее было целых семеро — пять дочерей и двое сыновей. С 1920-х годов семья жила в городе Борисоглебске Тамбовской области, в маленьком одноэтажном до-

миком с небольшим садиком, обнесенным заборчиком из штакетника.

Способности Любы Прудченко к пению проявились еще в юношеском возрасте (девочка выступала в церковном хоре). Ей было 19 лет, когда ее послали в Ленинградское музыкальное училище по классу вокала, где она училась у педагога О.Н. Нардуччи. Люба одновременно участвовала в хоре одной из уцелевших небольших церквей на Петроградской стороне, а также работала в постановке «Цирк под водой» в ленинградском цирке. «Это была довольно сенсационная одноактная пьеса с романтическим содержанием, по ходу пьесы показывались цирковые номера на воде (для этого на арене цирка был устроен бассейн), сопровождаемые музыкой и хоровым пением. Она имела громадный успех и шла долгое время. Любе приходилось очень

Любовь Лазарева
в юности

много работать между цирком и церковью, что всегда служило предметом наших шуток. Все эти обстоятельства и ее борьба за жизнь меня очень трогали и возвышали в моих глазах», — вспоминал ее муж.

Неизвестно, как сложилась бы жизнь начинающей певицы, если бы она не оказалась на одном увеселительном вечере, организованном ленинградскими армянами с благотворительной целью, якобы для помощи нуждающимся армянам, а на самом деле для поддержки нуждающегося священника, оставшегося после советизации без работы... На этом вечере Люба Прудченко встретила с молодым армянским инженером Константином Кечеком, родом из Новой Нахичевани, приехавшим из Еревана для усовершенствования профессии в Ленинграде...

Кстати, нижеприведенный отрывок из его воспоминаний весьма ярко преподносит историю их встречи и развития чувств:

«Это была русская девушка лет восемнадцати-девятнадцати, статная шатенка очень привлекательной внешности и веселого характера. Я был сражен с первого взгляда».

«И вот, на этом вечере Суся познакомила меня с одной из своих подруг из музыкальной школы, Любой. Это была русская девушка лет восемнадцати-девятнадцати, статная шатенка очень привлекательной внешности и веселого характера. Я был сражен с первого

взгляда. Мы много танцевали... Между танцами Суся и Нина (кузина и сестра Кечека — А.Б.) со своими солидными ухажерами образовали кружок вокруг столика, уставленного «чаем» и пирожными. Я со своими скромными средствами не решился к ним присоединиться, но они, после очередного танца, затащили меня с Любой, и мы долго наслаждались прекрасной веселой компанией, остроумными разговорами и «чаем» с пирожным. Время текло быстро, и мы не заметили, что было уже почти 2 часа ночи, и публика стала расходиться по домам. Наши дамы, Суся, Нина и Люба, удалились для приведения себя в порядок, а мужчины потребовали счет, который оказался в 60 рублей! Каждый из них выложил по 20 рублей, и мне не оставалось ничего большего, как приложить мою последнюю двадцатку. Я внутренне был в панике, но держал себя как Рокфеллер. Радость от встречи с Любой не покидала меня.

Всем нам нужно было ехать в разных направлениях, так что мы распрощались, и я взялся провожать Любу домой. Трамваи в такое позднее время уже не ходили. Был довольно сильный мороз, и надо было нанять извозчика, другого выхода не было. У меня в кармане еще было что-то около трех рублей, но я, хоть и со страхом в сердце, нанял извозчика, и мы прикатили к дому, где жила Люба. Расплатившись (слава богу, денег хватило), я дал еще гривенник дворнику, открывшему Любе дверь, робко поцеловал Любину руку и пошел домой. Я объяснил ей перед уходом, что уезжаю на две-три недели домой, но свяжусь с ней через Сусю после приезда. Она не возражала».

Она же — Люба Кечек

Она не противилась чувствам своего нового галантного ухажера, высокого южанина Константина Кечека. Некоторое время Любовь Прудченко проживала у двоюродной сестры Кости, Сусанны Евангуловой, так что молодые часто встречались, и возникли взаимные чувства. Они твердо решили создать семью, только Люба остерегалась реакции матери. Возвратившись домой, она начала писать о своих тяжелых днях, так как мать о чем-то догадывалась, особенно, когда стали приходить письма Константина. А узнав о намерении дочери выйти замуж, Татьяна Георгиевна «заболела от всех этих “ужасных” известий. Между прочим, позднее я узнал, что на ее “благочестивую мамочку” большое влияние имело то, что я — армянин. В представлении этой малообразованной женщины, мир которой ограничивался кругом провинциальной России и которая лишь раз или два, будучи в Москве, где-то видела чистильщиков сапог на улице, из которых многие были бедными армянами, сложилось неблагоприятное мнение об этой “дикой нации”, один из которых пытается похитить из семьи их любимую дочь. Я только

Любовь Лазарева

представляю себе, как она честила меня, и как это было в Любиных глазах несправедливо и причиняло ей жгучую боль...».

Но все оказалось не таким уж страшным. Скоро Люба вернулась в Ленинград, где закончила музыкальное училище, а Константин после окончания учебы назначили на работу в родную Армению. По пути в Армению пара посетила Борисоглебск. Недоверие Любиной матери к жениху дочери сразу исчезло, и она приняла его как сына, увидев, что дочь счастлива и что Константин — достойный человек. В будущем она тоже подолгу жила у дочери в Армении...

«Невеста с севера», Любовь Прудченко, ставшая Любой Кечек, была рада приезду в столицу Советской Армении. Шел 1931 год. Бывший провинциальный городок постепенно превращался в культурный центр с оперным театром и филармонией, что в будущем дало Любе возможность применения своего таланта. Константин Кечек начал работать на строительстве гидроэлектростанций. К концу года у Кечеков родилась единственная дочь Людмила. И так как Люба хотела продолжать музыкальное образование, они привезли из России в семью Любину сестру Валю, чтобы та помогла сестре. Младшая дочь семьи Прудченко всегда умиляла Константина своей скромностью, чистотой помыслов и любящим характером.

Люба поступила в ереванскую консерваторию по классу вокала и училась у профес-

Любовь Лазарева
с Артемием
Айвазяном

сора Надежды Григорьевны Кардян (кстати, педагог великого русского тенора Сергея Лемешева). В начале 1934 года трех наиболее обещающих учениц, в том числе и Любу, решили послать для усовершенствования на год в Московскую консерваторию для занятий по классу пения у профессоров высокого класса. Отказаться от такого предложения было бы непростительно, так что Татьяна Георгиевна Прудченко приехала в Ереван для ведения хозяйства и ухода за ребенком, а Люба уехала в Москву на весь учебный год.

Вернувшись, она продолжала учебу в ереванской консерватории. 20 июня 1937 г. в Ереване состоялся дипломный концерт Л.В. Кечек. Сохранившаяся программка удивляет обилием композиторов и вокальных произведений, исполнявшихся одним человеком в течение одного сольного концерта. Моцарт, Верди, Масснэ, Григ, Делиб, Россини, Шопен, Штраус, Глинка, Чайковский, Кюи, Рахманинов, Хачатурян, Дунаевский, Айвазян... После окончания консерватории Люба сразу была принята в оперную труппу Государственного академического театра оперы и балета имени Спендиарова, а в 1938 г. работала в Армфилармонии, успешно выступая в качестве солистки в новооснованном эстрадном оркестре Армении под руководством Артемия Айвазяна...

Она же — Любовь Айвазян

Говоря об Артемии Айвазяне (1902–1975) — композиторе, дирижере, виолончелисте, основателе джазового оркестра Армении, вновь невозможно обойти мемуары Константина Кечека, причем придется цитировать большие отрывки:

«Люба успешно заканчивала консерваторию с возможностью далее попасть в состав артистов новоорганизованного оперного театра. В числе этого артистического окружения был Артюша Айвазян. Еще лет 10 тому назад, когда я был студентом в Ереване, он был молодым, подающим надежды музыкантом-виолончелистом. При этом он считался красивым парнем и был покорителем сердец... Он стал часто заходить к нам, но знакомство было как бы семейное и не носило характера ухаживания за Любой, так что не казалось опасным. Во время моего пребывания на участке, по словам Любы, он также иногда заходил, но вел себя корректно, и она отрицала элементы романтического порядка. И не было никаких слухов или намеков, которые могли бы меня беспокоить.

Работая теперь в ереванской опере, она проводила много времени на репетициях и спектаклях. Я часто, если бывал свободен от дел, по вечерам ходил на очередной спектакль, где Люба пела в хоре, а иногда — на маленьких ролях, и был счастлив ее успехами. Когда она возвращалась домой поздно, то я не беспокоился, зная, что она в театре и после окончания спектакля вернется домой. К этому времени оперным театром была принята к постановке комедия, высмеивающая жизнь армянских эмигрантов за границей, автором которой был Артюша Айвазян. В этой опере Люба получила уже более существенную роль и была очень занята.

Наконец как-то мама позвонила ко мне на работу и попросила зайти вечером. И тут она открыла мне глаза, ссылаясь на факты, явно указывавшие на любовную связь Любы с Айвазяном, о которой, по ее словам, говорит весь город. Я был совершенно подавлен всем этим, и по возвращении домой имел объяснение с Любой. Впрочем, Люба не отрицалась и во всем созналась, утверждая, что это произошло лишь на днях. Не было истерик ни с ее, ни с моей стороны, и мы старались обсудить дело по возможности разумно. Я старался убедить Любу, чтобы ради сохранения семьи и ради нашей дочери Милочки она порвала бы отношения с Артюшей и что я не буду ее упрекать в произошедшем, и мы восстановим нашу жизнь на прежних началах. Люба как будто стала склоняться к этому решению и пробовать вернуться в лоно нор-

Любовь Лазарева
с Артемием
Айвазяном

мальной жизни. Около недели она почти не покидала дома и казалась спокойной. Но все же она не смогла совладать с охватившей ее страстью и решила покинуть меня ради Артюши. Я еще раз попытался добиться отсрочки и попросил ее устроить мне свидание с Артюшей, дабы выяснить, каковы будут его намерения.

На следующий день я с ним встретился, и мы имели долгий разговор. Он мне сразу заявил,

дидлись его сыновья, он успешно продолжал инженерную карьеру и скончался в преклонном возрасте в 2000 году...

Она же — Любовь Лазарева

А его первая жена до последних дней своих осталась в ставшей для нее родной Армении. Начиная карьеру под именем Люба Кечек, после развода по совету второго мужа она взяла сценическое имя Лазарева. Звезда Любви Лазаревой-Айвазян скоро взошла в армянском музыкальном мире, так как ее можно было услышать в опере и в джазе, в камерных и симфонических концертах, на радио и в дальнейшем — на телевидении. Начало войны она встретила вместе с армянским джазовым оркестром на Дальнем Востоке, в дальнейшем неоднократно выступала в шефских концертах в воинских частях Советской армии и флота. За свое активное участие Лазарева была удостоена двух медалей и почетных грамот.

Во время войны армянским джазовым музыкантам позволили «прорваться» через «железный занавес» и гастролировать в соседнем капиталистическом Иране для советских воинов. Для местных армян эти гастроли стали громадным культурным и национальным событием, джаз в военное время, к тому же из родной Армении. Артемий и Любовь Айвазяны получили в подарок от армян города Тебриза большую серебряную конфетницу с выгравированными портретами Ленина и Сталина и с надписями на армянском, русском и персидском языках...

В 1947–1964 годах Любовь Лазарева, обладающая звонким лирико-колоратурным сопрано, была солисткой ереванского Театра оперы и балета, исполняя главные роли и

«Звезда Любви Лазаревой-Айвазян скоро взошла в армянском музыкальном мире, так как ее можно было услышать в опере и в джазе, в камерных и симфонических концертах, на радио и в дальнейшем — на телевидении».

что имеет серьезные намерения на жизнь с Любой и сразу после оформления развода женится на ней. Он заверил, что, разумеется, вместе с Любой к нему переедут также ее сестра Валя и Милочка, и он обеспечит их будущее Я, конечно, всем этим уверениям не особенно поверил, но понял, что ничего сделать не смогу».

Таким образом разошлись пути некогда романтически влюбленных Кости и Любы. Позже Константин женился на армянке, у него родился сын. Но участие в Великой Отечественной войне полностью изменило его жизнь. Он попал в немецкий плен и жил некоторое время в Германии, после чего больше не возвратился в Советский Союз. Вместе с третьей (последней) женой-немкой Константин Кечек эмигрировал в США. Здесь ро-

Любовь Лазарева
с дочерью
Людмилой

роли второго плана в европейских и русских оперных постановках — Мюзетта («Богема»), Иоланта («Иоланта»), Норина («Дон Паскуале»), Ольга («Русалка»), Антонида («Иван Сусанин»), Микаэла («Кармен»), Лакме («Лакме»), Джильда («Риголетто»), Виолетта («Травиата»), Джульетта («Ромео и Джульетта»), Розина («Севильский цирюльник»). Участвовала также в постановках советских опер — «Великая дружба» Вано Мурадели (Мейрана) и «Тихий Дон» Ивана Дзержинского (Наталия). Ее единственной ролью в армянской опере был образ царицы Олимпии в первом национальном оперном произведении композитора Тиграна Чухаджяна «Аршак Второй».

«Ее единственной ролью в армянской опере был образ царицы Олимпии в первом национальном оперном произведении композитора Тиграна Чухаджяна "Аршак Второй"».

Партнерами Любови Лазаревой на оперной сцене были все выдающиеся певцы армянской оперы той поры, звезды советской оперы Павел Лисициан, Евгений Окунев, Донат Донатов, Ян Вутерас, Димитр Узунов из Болгарии, Гарбис Зобян и Давид Оганесян из Румынии (также знаменитая румынская певица Зинаида Палли). В 1946 г. она удостоилась звания заслуженной, в 1959 г. — народной артистки Армянской ССР. Участвовала в декадах армянской культуры в Москве (1939 и 1956 гг.), гастролировала в ряде городов СССР.

Во время московских гастролей в 1947 году Г. Биндер написал: «Большой успех в концерте выпал на долю заслуженной артистки Армянской ССР Любови Лазаревой. Артистка обладает прекрасным голосом. Вечно юные, легкие и выразительные вальсы Штрауса в исполнении Лазаревой звучат как гимны красоте и обаянию природы».

А вот отзыв о ее Джильде скупого в оценках, выдающегося армянского певца Шара Тальяна: «В мягких тонах, в красивой вокальной линии она воссоздает образ светлой, самоотверженной, любящей Джильды».

О Джульетте: «Любовь Лазарева сумела правильно раскрыть образ нежной, любящей Джульетты. У артистки красивое лирико-колоратурное сопрано. Поет она задушевно и выразительно, хорошо передавая разнообразные динамические оттенки партии. Лазарева тонко осознает «музыку» слова, и потому текст в ее исполнении приобретает особенное значение. Очаровательно прозвучал легкий, прозрачный, в высшей степени эффектный вальс, который поет юная Джульетта, кружась среди гостей в первом действии» (М. Маргалитадзе).

О Виолетте: «Переходя к исполнителям, хочется в первую очередь отметить Виолетту, роль которой исполняла Л. Лазарева. Свободное звучание голоса, начиная с нежного пианиссимо и кончая широко и звонко льющимися верхними нотами, сценическое мастерство, искренность и правдивость — вот характерные черты исполнительницы роли Виолетты. Не впадая в излишний сентиментализм, на который иногда наталкивает трогательность какого-либо музыкального отрывка, артистка, тем не менее, достигает своим исполнением большой силы впечатляемос-

Любовь Лазарева
вместе дочерью
Людмилой
и внучками
Заруи и Гоар

ти. С большой теплотой была проведена сцена с Жермоном. Особенно удалось артистке четвертое действие. Последняя ария Виолетты “Простите навсегда” была исполнена с большим чувством. Музыкально-сценическая трактовка роли Виолетты является безусловно большой творческой удачей Л. Лазаревой» (М.Казахян).

О мастерстве Любви Лазаревой тепло писали не только музыкальные критики. Поэт Аветик Исаакян, в присутствии восточном стиле, сказал однажды певице: «Когда я Вас вижу, как будто капля меда попадает мне на уста». А художник и скульптор Ерванд Кочар, который долгие годы жил и творил в Париже, сказал ей, что во Франции ему никогда не приходилось слышать такой замечательный голос как у Лазаревой. Прозаик Яков Самойлов, написавший в 1955 г. рассказ «Актриса», посвятил его Любви Лазаревой, а одна из ее ереванских подруг, пианистка Ольга Вагенгейм, посвятила ей шуточный стишок (публикуется впервые):

*Есть у нас одна певица,
Что всего всегда боится,
И при этом как на грех
Нездорова чаще всех.*

*Для нее страшнее смерти
Есть орехи, пить коньяк,
И в трамвае, и в концерте
Ей мерещится сквозняк.*

*Страхов жизнь ее полна,
Но порой поет она,
Так поет, что слушать любо,
Молодчина наша Люба.*

*Мораль:
Все певицы славе падки
И немного психопатки.*

Образ Лазаревой как человека и деятеля искусства раскрывается также в статье певицы, народной артистки Армении и Грузии Эльвиры Узунян, написанной много лет спустя, когда Любовь Викторовна уже покинула сцену. В своей статье «Театр — искусство коллективное», вспоминая диву армянской оперы, Гоар Гаспарян, Эльвира Узунян отметила, что последняя «возмущаясь дерзкой, самовлюбленной выходкой одной из наших певиц, рассказывала о том удивительном, которое она испытывала, работая с певицей Любовью Викторовной Лазаревой. Она умела создавать вокруг себя атмосферу удивительного такта и доброжелательности».

И действительно, характер у Любви Лазаревой был удивительно легкий и светлый: благодаря своей доброте и жизнерадостности она пользовалась любовью окружающих. После выхода на пенсию проявила себя как хорошая хозяйка, которая готовила всевозможные русские и армянские блюда. Она любила красиво одеваться, быть в хорошей компании и часто принимала гостей.

Любовь Викторовна Лазарева скончалась в 1990 г., в возрасте 81 года. Хотя она заботилась о музыкальном образовании дочери и внучек, никто из них не стал музыкантом, однако успешно проявили себя в других отраслях. Дочь, Людмила Кечек, долгие годы преподавала английский язык в ереванских вузах, в основном — в Институте русского и иностранных языков имени Брюсова. Людмила Кечек вышла замуж за известного живописца, народного художника Армении Саркиса Мурадяна и у них родились две дочери. Заруи пошла по стопам отца, став художницей, а Гоар посвятила себя филологии, изучая древнеармянские, древнегреческие и латинские тексты... **ИБ**

«ТОЛЬКО ИСКУССТВО»

Книжная графика Александра Серебрякова в собрании Ренэ Герра

Елена Романова

А. Серебряков под своим портретом работы З.Е. Серебряковой в гостях у Р. Герра. Исси-ле-Мулино, июнь 1987. ©Р.Герра.

Творчество и имя Александра Серебрякова (1907–1995), и не только как сына знаменитой художницы Зинаиды Серебряковой, становится все больше известно на родине. Эксперт коллекции З.Серебряковой в Париже А.Ю. Старовойтова в своей статье о художнике, опубликованной в сборнике «Академик Императорской Академии Художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище» в 2012 году, писала, что об А.Серебрякове готовится книга. И это очень отрадно, поскольку творчество Александра Борисовича по праву заслуживает того, чтобы о нем знали соотечественники.

А.Серебряков — живописец, график, дизайнер, художник театра. Больше всего он известен как «портретист интерьеров» (выражение Ротшильдов, издавших с таким названием альбом с работами А.Б.Серебрякова), что принесло ему, по мнению Никиты Лобанова-Ростовского, «всефранцузскую известность», а также как «певец» улочек старого, ушедшего навсегда Парижа. В любой информации об Александре Борисовиче обязательно присутствует фраза о том, что он оформлял и иллюстрировал книги, однако в этой части все заканчивается упоминанием двух-трех изданий. Благодаря книжному собранию французского коллекционера и хранителя богатейшего архива русской художественной эмиграции Ренэ Герра сегодня появилась возможность восполнить этот пробел.

Родившись в семье художественной династии Бенуа-Лансере — мать — родная племянница А.Н. Бенуа, один дед по линии матери — скульптор Е.А. Лансере, другой — знаменитый архитектор Н.Л. Бенуа, — Серебряков впитал эстетику объединения «Мир искусства» с младенчества, считал себя представителем его младшего поколения. В 1925 году, по вызову матери, которая уехала из Ленинграда годом раньше, он едет в Париж, благодаря чему его минует чаша обязательного в советской России «социалистического реализма». На всю жизнь в своем творчестве художник со-

А. Серебряков,
Р. Герра, Е. Серебрякова.
Мастерская
З. Серебряковой,
Париж, 1989. ©Р.Герра.

хранил любовь к искусству прошлых веков, вкус к старине, пристрастие к декоративизму, внимание к мельчайшим деталям как украшению повседневности. По воспоминаниям сестры Александра Борисовича Екатерины, брат отличался необычайным трудолюбием. В интервью газете «Русская мысль» Екатерина Борисовна говорила: «Главное для нее [мамы] было — работа. Как и для всех нас. И чтобы сделать все то, что мы сделали, нужно было, прежде всего, очень хорошо уметь рисовать»; «Он первый приехал к маме в Париж — совсем молоденький мальчик, который очень старался быть полезным и сразу начал зарабатывать немножко денег». Важна и оценка матери, Зинаиды Серебряковой, хорошо известной своей работоспособностью, о сыне в разные годы она не раз писала в письмах близким: «Он [Шурик] рисует целыми днями, без усталости» (1930), «Шура все сидит над иллюстрациями» (1935), «Наш Шурик много работает, устает и приходит к нам в изнеможении — ведь у него своя мастерская на другом конце Парижа» (1953) или «Я удивляюсь Шуриному мастерству и что он берется за все...» (1959).

По свидетельству Ренэ Герра, дружившего с Александром Борисовичем почти тридцать лет, художник брался за любую работу — главное, чтобы она была связана с искусством, — материальное положение семьи было очень сложным: в Ленинграде оставались еще двое детей Зинаиды Серебряковой, Татьяна и Евгений, вместе с ее матерью, Екатериной Николаевной Лансере, урожденной Бенуа, а сама художница никогда не отличалась практичностью в быту. Тем не менее, к работе художника-иллюстратора А. Серебряков относился как к второстепенной. Он считал себя живописцем прежде всего. При этом, вспоминает Р. Герра, как бы ни был занят Серебряков, он никогда не отказывал в поддержке русским друзьям, и тогда материальная составляющая отходила на задний план. Именно поэто-

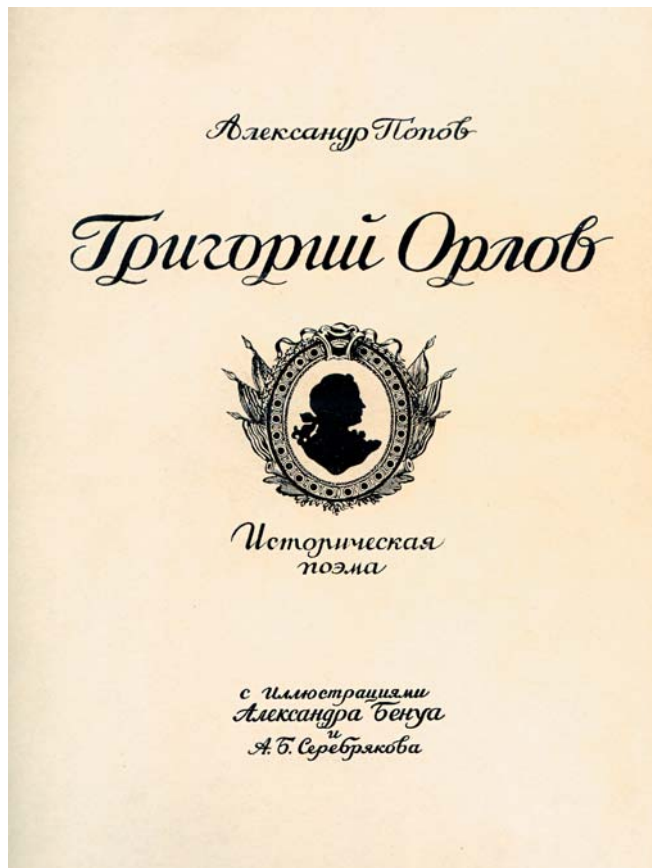
му в книжном собрании Герра на долю русскоязычных книг в оформлении Александра Борисовича приходится большая часть его оформительского и иллюстративного наследия.

Наиболее показательной с точки зрения характеристики творчества А. Серебрякова как наследника мирискуснической художественной традиции служат книги, оформленные им для антикварной фирмы Maison Poroff, и в первую очередь историческая поэма Александра Попова «Григорий Орлов» (1946) на русском языке. Эту книгу Серебряков иллюстрировал совместно с А.Н. Бенуа, что уже само по себе показательно. Фолиант внушительный по размеру — 26,5×34 см, в суперобложке, с черно-белыми рисунками и цветными сюжетными акварелями А. Бенуа. Александр Николаевич исполнил 8 заставок и 4 акварели. Александр Борисович

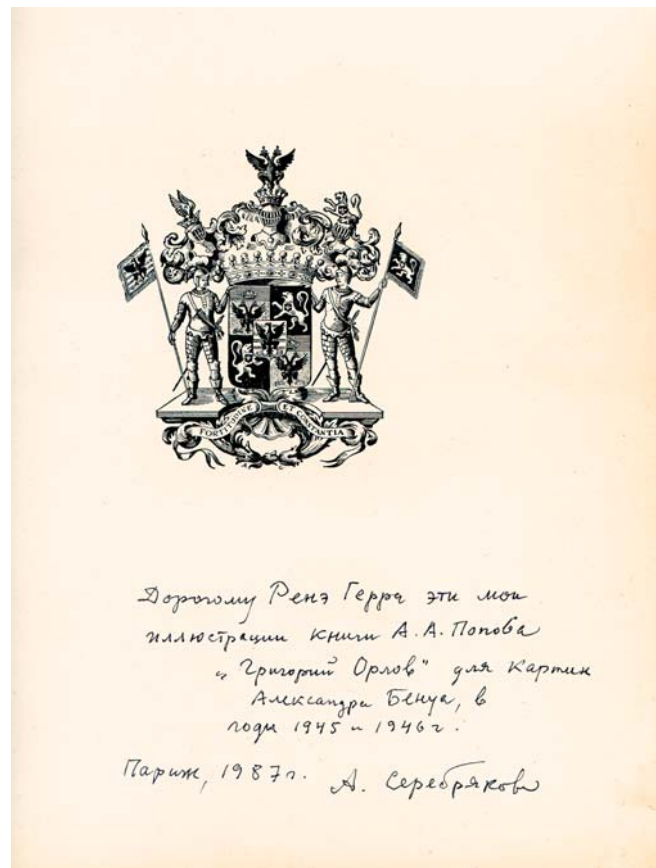
«Наиболее показательной с точки зрения характеристики творчества А. Серебрякова как наследника мирискуснической художественной традиции служат книги, оформленные им для антикварной фирмы Maison Poroff...»

взял на себя всю оформительскую сторону работы и создал рисунки для обложки, фронтисписа, титульного листа, а также многочисленные заставки (14), концовки (21), виньетки (16), картуши (3) под цветными акварелями — всего 57 рисунков. Огромный труд! В конце книги приведен подробнейший перечень всех иллюстраций, благодаря чему можно уверенно атрибутировать любой рисунок.

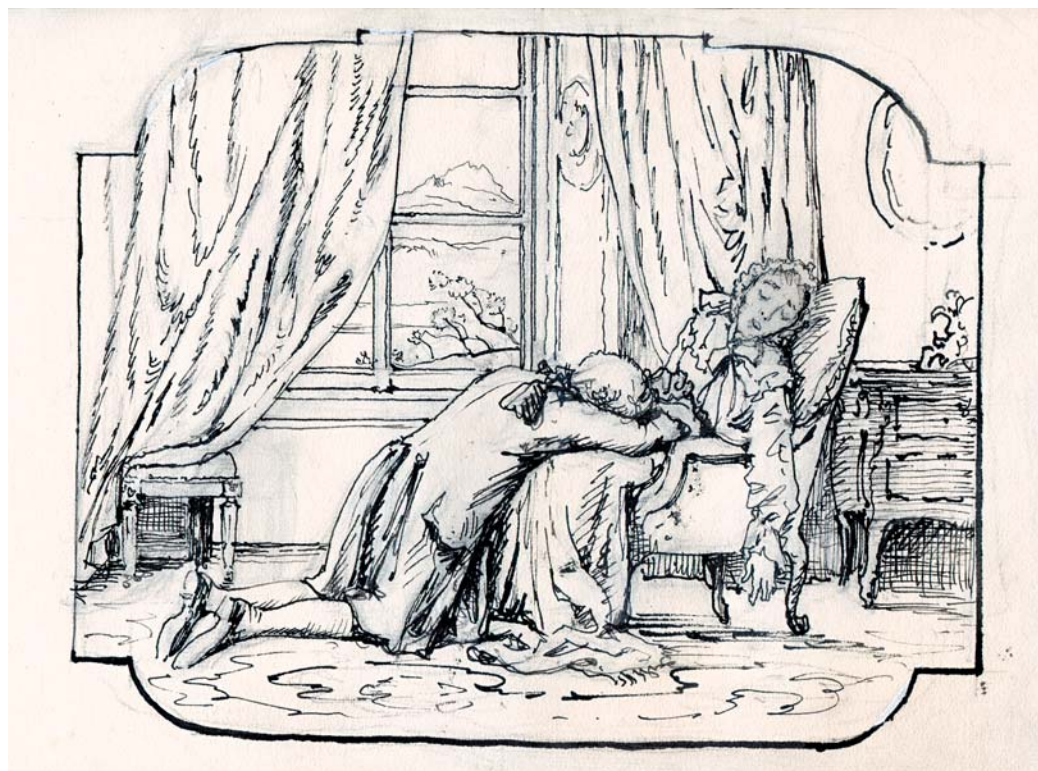
В книге с золотым обрезом не указаны ни издательство, ни тираж. Вероятно, этот альбом издавался автором для себя и своего ближайшего окружения, в силу многих причин подобная практика у русскоязычных изданий во Франции была распространена. В книге имеется дарственная надпись А. Серебрякова Ренэ Герра, сделанная в 1987 г., из

А. Попов. Григорий Орлов. Париж, 1946.

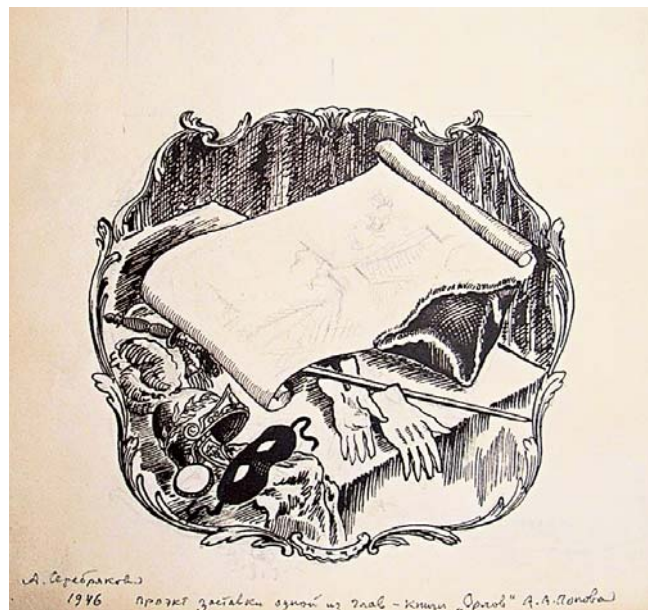

А. Попов. Григорий Орлов. Париж, 1946. Форзац работы А. Серебрякова с его дарственной надписью. ©Р.Герра.

А. Попов. Григорий Орлов. Оригинал иллюстрации А. Серебрякова. ©Р.Герра.

А. Попов. Григорий Орлов. Оригинал варианта заставки работы А. Серебрякова (с. 21). ©Р.Герра.

А. Попов. Григорий Орлов. Иллюстрация А. Серебрякова.

которой узнаем, что художник работал над рисунками для книги в 1945–1946 годах. При этом на оригинале варианта обложки (или титульного листа) указан 1943-й год, а на других оригиналах рисунков фигурируют 1944-й и 1946-й годы, что свидетельствует о длительной работе.

Хочется отметить полное соответствие рисунков А. Серебрякова стилистике А. Бенуа. Для Александра Николаевича, как одного из основателей объединения «Мир искусства», пассивизм был органичен, а к сороковым годам XX века он создал уже множество произведений на исторические темы, особенно посвященных любимому им XVIII столетию. Серебрякову же, будучи младше Бенуа почти на 30 лет, удалось безошибочно отразить мирискуснический дух в своих рисунках, а также подтвердить свое высокое мастерство художника.

На обложке в расположенный в центре листа медальон вписан заливкой черной тушью погрудный силуэт в профиль графа Г.Г. Орлова. С наружной стороны медальон украшают флаги, ленты, трубы. Изображение соответствует портрету графа на Орловской табакерке — подарке императрицы Екатерины II своему фавориту. Текст на обложке, набранный витиеватым курсивом, расположен полукругом с нижней и верхней сторон изображения. Широкая орнаментальная рамка обрамляет лист. В списке иллюстраций имеется указание на то, что обложка составлена «из мотивов Орловского сервиза», причем речь идет не о знаменитом серебряном сервизе, подаренном императрицей графу (отдельные предметы из него успешно продавались осенью 2013 года на парижском аукционе Christie's), а о фарфоро-

вом. На оригинале варианта обложки Серебрякова в центре листа в картуш вписана знаменитая табакерка Орлова. Но, как видно, художник переменял свои намерения, и Орловская табакерка украсила заднюю обложку книги.

На первый взгляд, участие маститого мэтра А. Бенуа в оформлении книги писателя, имя которого не звучало среди имен выдающихся русских литераторов той поры, удивляет. Но только на первый. Александр Александрович Попов был известным коллекционером, основавшим в Париже, напротив Елисейского дворца, в 1920 году галерею Roroff, просуществовавшую без малого почти столет — вплоть до 2012 года. И хотя в сферу его интересов входил, прежде всего, фарфор, Попов поддерживал тесные отношения с видными представителями русских художественных кругов, в частности близко дружил с С. Чехониным, Д. Бушеном и А. Бенуа, многие из них выставляли в галерее свои работы. Начиная с 1930-х годов, в число клиентов Maison Roroff входили известные люди, в том числе уже в недавнее время Мстислав Ростропович и Леонард Бернстайн. Любовь А.А. Попова к русскому искусству была безгранична и, как уже говорилось, особенно к фарфору, что помогло ему собрать богатейшую коллекцию фарфоровых изделий, до сих пор считающуюся непревзойденной по качеству работ среди собраний частных коллекционеров. Приятно осознавать, что многие уникальные произведения из коллекции Попова сегодня вернулись в Россию, в частности, в собрание Эрмитажа. В 1940-х же годах Орловский фарфоровый сервиз находился у коллекционера, и его

разнообразные мотивы были использованы Александром Серебряковым при оформлении книги А. Попова.

«Орлов рожден был, чтоб любить...», — утверждает автор поэмы. Поэтому художник на титульном листе изображает два медальона со светлыми профильными погрудными силуэтами графа и императрицы, любовно объединенных лавровыми ветвями и осененных гербом Российской империи. Рядом, на фронтисписе, Серебряков воспроизвел увеличенный в полтора раза в красках портрет Григория Орлова работы художника А. Чернова 1762 года (по мнению некоторых специалистов — Ф. Рокотова), помещенный на внутренней стороне крышки Орловской табакерки. Открывает книгу герб рода Орловых, исполненный Серебряковым также в соответствии с изображением на табакерке. К слову сказать, эта табакерка тоже вернулась в Россию и находится в собрании Константиновского дворца в составе коллекции Ростроповича-Вишневецкой, приобретенной и подаренной государству бизнесменом Алишером Усмановым.

Художник в своей работе воспользовался богатейшим собранием автора поэмы и заказчика оформления — изображениями на фарфоровых изделиях и ими самими. В списке иллюстраций к книге подробно перечислены рисунки, которые были использованы Серебряковым в работе: например, рисунки с Орловской табакерки и с рюмочной передачи Охотничьего сервиза, тарелка Орловского столового сервиза, мотив с края этой тарелки, мотив с Орловской табакерки, рисунок пакетовой табакерки Г. Орлова, саксонская фарфоровая фигурка «Левретка Екатерины II»... Или, к примеру, донце ручной работы из туалета Орлова, а также сам ручной кувшин и два флакона из того же прибора и т.п. Другая часть иллюстраций Серебрякова в книге А. Попова — это архитектурная графика с изображениями Гатчинского дворца, циркумференции Царскосельского дворца, Гатчинских ворот по проекту А. Ринальди, дворца Монплеизир и пр. Есть изображение и самого графа, например, в костюме участника карусели (заставка к XII главе).

Глядя на эту книгу, осознаешь важность столь редкого момента, когда все участники проекта оказываются, что называется, «на одной волне»: писатель, художники и... коллекция, столь богато дарующая визуальные образы для образов стихотворных. Поэтому как оммаж этому рукотворному фарфоровому чуду — Орловскому сервизу — читается заставка к V главе, для которой Серебряков создал натюрморт с предметами из сервиза, принадлежащего главному герою поэмы полтора столетия назад.

Из вышеприведенных примеров резко выделяется заставка к XIV главе, на которой изображен смертоносный всадник, летящий над Москвой, олицетворяющий чуму, без пощады разившую жителей древней столицы в 1771 году, ту беду, которая послужила причиной так называемого «чумного бунта», усмиренного войсками под управлением Г. Орлова. Художник мастерски передает безостановочную

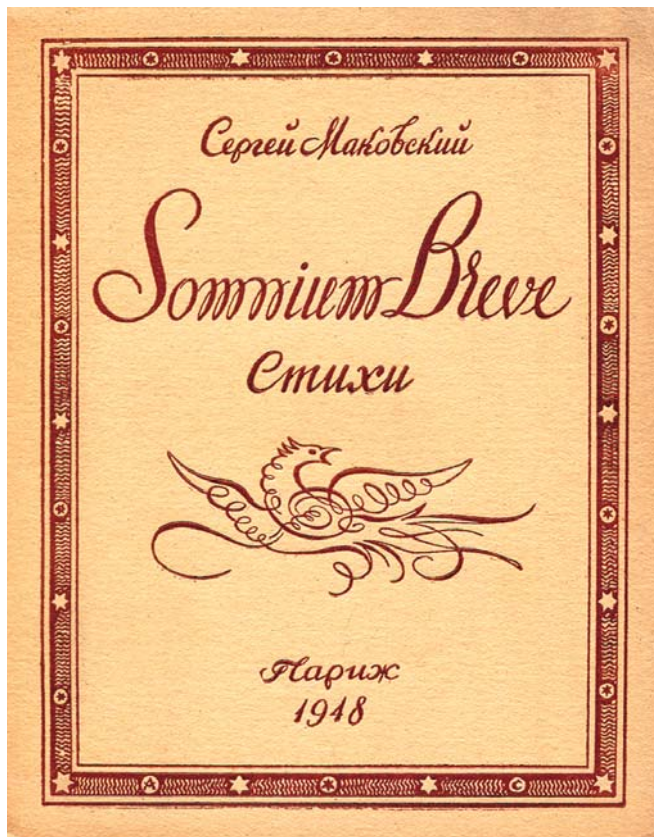
стремительность напасти под названием чума — мчащийся на вздыбленном коне тощий всадник с черепом вместо головы, поднявший косу высоко в руке, вовлекший в свою гонку черных птиц, едва успевающих за его обезумевшим конем, вызывает ужас. При этом на той же самой заставке Серебряков изображает прелестную панораму части Кремлевской стены с ее башнями и близлежащими церквями, утопающими в зелени. Если убрать атрибуты смерти — злобного всадника с косой, черепа и кости, использованные автором как символы разразившейся беды, можно было бы любоваться изысканным архитектурным пейзажем со множеством деталей — зубцами стены и ее нишами, окнами башен и церквей, их гербами и крестами...

Как большинство рисунков Серебрякова в книге, эта заставка обрамлена в барочную рамку и органично вписывается в череду сюжетов XVIII столетия. Кстати, благодаря подобному обрамлению, которое так явно вычленивает изображаемое из реальности, невольно вспоминаются старые улочки Парижа на картинах и рисунках Александра Борисовича с изображением зеркал на фасадах домов. В старом Париже улицы были столь узкими, а комнаты такими темными, что жители устанавливали за окнами зеркала, чтобы они светили внутрь отраженным светом. Рисунки к поэме «Григорий Орлов» очень напоминают зеркала «золотого века» и, благодаря художнику, отражают для нас красоту и изысканность блестящей эпохи.

«Рисунки к поэме «Григорий Орлов» очень напоминают зеркала «золотого века» и, благодаря художнику, отражают для нас красоту и изысканность блестящей эпохи.»

Участие в оформлении русскоязычных книги как полноценного иллюстратора для Александра Серебрякова, скорее, исключение, в основном он оформлял для них обложки. Для двух других книг А. Попова — «Побрежушки кухмистерские» (Париж, 1951) и «Последний поход» (год издания не указан) — художник тоже исполнил только обложки. Черно-белые издания отпечатаны на дешевой бумаге, на обоих — инскрипты Александра Борисовича от 1991 года. По стилистике оформления обложки для книг А. Попова похожи между собой. В центре обложки «Последнего похода», обрамленной рамочкой, — картуш с фантазийной монограммой из стеблей и листьев, который на титульном листе трансформируется в герб Российской империи с двуглавым орлом. Имя автора и название книги расположены в верхней части обложки, имена художников — в нижней. Здесь воспроизведен рисунок подноса из «портретного» чайного сервиза Екатерины II (шедевр Императорского фарфорового завода). Концовка изображает вазочку Охотничьего сервиза императрицы. Орел для титульного листа взят с эрмитажного Берлинского сервиза, подарка Фридриха Великого Екатерине II. Использование для оформления издания мотивов императорских фарфоровых сервизов объясняют строчки вступительного сти-

С. Маковский. *Somnium Breve. Стихи*. Париж, 1948.
Обложка — по рисунку А.Б. Серебрякова.

хотворения: «У древней горки, / Богато убранной кругом / Точеным вычурным узором, / Набитой дедовским фарфором, / Каким-то странным волшебством / Тихонько отворилась дверка, / И я услышал речи звук — / То говорила табакерка, / Орлову дар из царских рук...»

Книга «Побрехушки кухмистерские» представляет, по сути, сборник дифирамбов чревоугодию, преимущественно русскому: автор воспевает соленый огурчик и квас, простоквашу, запеченного поросенка и уху и т.п. В центре лаконичной обложки художник поместил аппетитный натюрморт, составленный из поросенка на подносе («творения венец»), роскошного осетра («в аршин, бревном»), горшка с кашей, горкой блинов, шашлыком на шампуре, бутылки водочки... Рамка с таким же орнаментом, что и на обложке «Последнего похода». Предисловие к книге, по просьбе автора, написал Александр Бенуа, исполнивший часть иллюстраций (остальные принадлежат блистательному художнику — автору многочисленных рисунков дворцовых церемоний М.А. Зичи, 1827–1906), и нельзя удержаться, чтобы не привести из него фрагмент: «Дорогой Александр Александрович, Вы выразили желание поместить в начале Вашего нового сборника несколько моих строчек. Этой честью я вероятно обязан той славе любителя покушать, коей я пользовался в былое время и которую я тогда вполне заслуживал. Но это дела давно минувших дней, а ныне я уже не тот. Никаких балычков и стерлядей, никаких лещей с кашей или поросят под хреном, никаких пирогов, пирожков и пирожных. <...> Читая Ваши изумительные побрехушки, я испытываю нечто близкое к тому сладос-

трастию, что охватывало меня, когда, на семейных собраниях, я подходил к заставленному яствами закусочному столу и принимался отведывать “и таго и другаго”. Вспоминая меню обедов у своих старших братьев на даче в Петергофе, Бенуа завершает предисловие словами: «Я и не знаю, благодарить ли Вас или напротив сердиться — зачем Вы потревожили тени невозвратного...»

В книжном собрании Ренэ Герра хранятся еще 13 книг на русском языке семи авторов, обложки для которых оформлял Александр Серебряков. Коллекционер вспоминает об отзывчивости, доброте, добросердечности художника как отличительных чертах его характера. От оказания помощи друзьям-эмигрантам Серебряков никогда не отказывался, часто работал без оплаты. Этим-то, судя по всему, и объясняются порой повторяющиеся мотивы на разных изданиях, как, например, рамки на обложках двух книг А. Попова. Русскоязычные книги в оформлении Серебрякова имеют крохотные тиражи, которые указаны в размере 50 или 100 экземпляров, а чаще и не указаны. По существу, их и не было, просто для писателей и поэтов невозможно было не издавать свои произведения хотя бы для себя, не для продажи... Теперь эти книги — предмет мечтаний любого коллекционера.

Например, две небольшого формата книжечки стихов Сергея Маковского “*Somnium Breve*” (в переводе с латинского — «Жизнь коротка», 1948) и «Год в усадьбе» (1949) в мягких обложках парижского издательства «Рифма». Первая, посвященная матери поэта, отпечатана в количестве 50 нумерованных экземпляров на меловой бумаге, во второй указание тиража отсутствует. Для оформления обложки “*Somnium Breve*” Серебряков выбрал изящный,

словно струящийся шрифт и в соответствии с ним сделал рисунок: спиралевидные линии образуют летящую диковинную птицу, полет которой прервался из-за того, что птица оборачивается назад и что-то вещает. Эта тема обращения к прошлому звучит в стихах С. Маковского с первой страницы («недостижимая страна, покинутая мной когда-то...»). По краям обложки — строгая рамка, орнамент которой строится из плотных горизонтальных волнистых штрихов, чередующихся с контурным изображением шестиконечных звезд и маленьких цветных звездочек, вписанных в круг. Использован темно-бордовый цвет, который соответствует настроению стихотворений, вошедших в сборник. В обложке сборника «Год в усадьбе» Серебряков повторил все элементы графического оформления «Somnium Breve», изменив цвет на темно-синий, что, как гласит предисловие, «соответствует настроению 25-летней давности» автора.

Ностальгическая тема, свойственная стихам С. Маковского, была присуща большинству русских писателей в изгнании, а тем более тем, кто, не являясь профессиональным литератором, испытывал потребность поделиться своими воспоминаниями. В их числе и Борис Пантелеймонов, Петр Бобринский, Александр Клягин, для книг которых А. Серебряков готовил обложки. Это очень скромные издания, черно-белые, лишь обложки напечатаны в две, редко в три краски. На обложке сборника рассказов-воспоминаний Б. Пантелеймонова о детских годах, прошедших на Иртыше, «Зеленый шум» (Париж, издательство «Подорожник», 1947, без указания тиража) художник поместил изображение смешанного леса с елями и дубравами, столь милого сердцу любого русского.

Мотивы русской природы и мифов использованы Серебряковым и при оформлении книги А. Клягина «Страна возможностей необычайных» (Париж, 1947). В центре листа стилизованным под древнерусские буквы шрифтом написаны имя автора, название книги и имя автора предисловия — И.А. Бунин. Под текстом — рисунок: птица Сирина, сидящая на стебле с причудливыми цветами, изображена на фоне елей. Всю композицию обрамляет рамка, рисунок которой художник составил из еловых шишек, желудей, дубовых листьев и хвойных веточек. Здесь используются два цвета — черный для букв и темно-зеленый, цвета елей, для рисунка и рамки. Присутствие на обложке сказочного персонажа не случайно и заслуживает, чтобы сказать о причинах этого несколько слов. Дело — в авторе, о котором И. Бунин подробно рассказал в предисловии и которого считал «своим литературным крестником» и «одним из даровитейших русских людей». Они познакомились в Грассе, где оба проводили годы войны. Оказавшись соседями — Бунин снимал английскую виллу, а Клягин жил в собственной великолепной, они «часто коротали на ней время в долгих беседах...» Далее Бунин пишет: «Так и узнал я, что этот миллионер, уже четверть века живущий во Франции и ставший французским

подданным, родился и рос в орловской деревне, в очень и очень скромном именьеце своего отца, человека из народа, и чуть не с детства проявил ту стойкую энергию своей природы, что уже никогда не покидала его впоследствии...» В конце же знаменитый писатель отмечал: «Насколько этот русский американец все же остался прежде всего русским человеком и каким крепким русским духом, складом и ладом полны его богатые повествования». Серебрякову удалось отразить и характеристику автора книги как сказочного самородка, способного на поразительные достижения, и характер его рассказов, поместив на обложку

«Серебрякову удалось отразить и характеристику автора книги как сказочного самородка, способного на поразительные достижения, и характер его рассказов, поместив на обложку персонажа славянской мифологии».

персонажа славянской мифологии. В книге имеется надпись А. Серебрякова, сделанная в 1992 году, с указанием, что обложка — его работа. Такой же инскрипт художник сделал и во второй книге А. Клягина «Клад Мамаея» (Париж, Editions du Scribe, 1948).

Лоллий Львов — литературный и художественный критик, литератор, поэт, автор пяти стихотворных сборников в собрании Р. Герра: «Венок» (Париж, 1938; экз. № 67; напечатан на императорской японской бумаге 206 экз. — 100 из них пронумерованы с 1 до 100, следующие 100 не имеют нумерации, 6 экз. пронумерованы К, L, N, R, S, Y); «Отъезд в Венецуэлу» (Париж, 1939); «Странствия. 1938–1957» (Мюнхен, 1953; тираж — 100 экз., в продажу не поступали); «Флоренция. 1956–1957» (Мюнхен, 1957; экз. № 6; тираж — 100 экз., 50 — пронумерованы от 1 до 50, в продажу не поступали); «Царица. Часть 1-ая» (Мюнхен, 1958), посвященная царице Евдокии Лукьяновне из рода Стрешневых, второй жене царя Алексея Михайловича. Рисунки, выполненные А. Серебряковым для обложек и концовок этих книг, кочуют с одной на другую, иногда с соответствующими подписями. Так, на книге «Царица» читаем: «Венок из русских цветов на обложке по рисунку Александра Серебрякова (Париж, 1938)». Показательно указание на «русские цветы». И действительно, венок художник искусно «сплел» из цветов, типичных для садов и парков усадебных домов именно в России: в нем колокольчики садовые и цинии, ромашки и гвоздики, царица цветов роза и др. Впервые этот сюжет встречается на задней обложке сборника «Венок». Другой пример — рисунок корабля для обложки поэмы «Отъезд в Венецуэлу» был использован автором для оформления сборника стихов «Странствия» 15 лет спустя. На строгой литографии изображен накренившийся в бушующем море корабль. Резкий контраст черного фона, выполненного сплошной заливкой, и белого с черными контурами, словно прозрачного, невесомого кораблика вызывает ощущение тревоги. Ей вторит и форма фоновой плоскости с острыми, будто

Сто лет смерти Пушкина. Парижские отклики в 1837 году. Париж, 1937. Обложка, титульный лист и концовка работы худ. А. Серебрякова.

ощетинившимися, краями. Корабль накрেনяют упругие, сильные волны, исполненные округлыми, плотно прилегающими друг к другу штрихами.

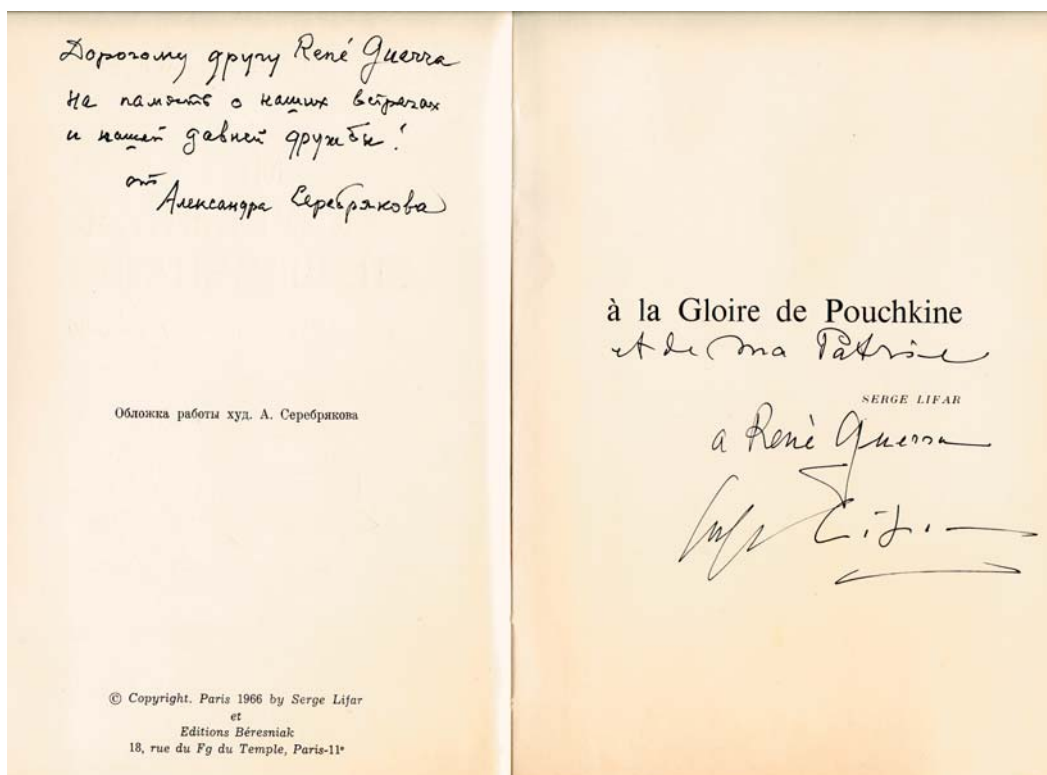
Говоря о русскоязычных книгах в оформлении Александра Серебрякова в собрании Р. Герра, нельзя не упомянуть о сборнике, собранном все тем же Л. Львовым, «Сто лет смерти Пушкина. Парижские отклики в 1837 году» (Издание Комитета по устройству Дня Русской Культуры во Франции, Париж, 1937); книге С. Лифаря «Моя зарубежная Пушкиниана» (Париж, 1966) и буклете «Дань светлой памяти Императора Великого Мученика» (Союз Ревнителеев памяти Императора Николая II, Париж, 1939). Это скромные, в основном черно-белые издания в мягких обложках, оформленные Серебряковым, каждая книга имеет дарственную надпись художника. Обложка буклета «Дань светлой памяти...», посвященного сооружению Креста-Памятника в парижском храме Александра Невского в ознаменование 20-летия Екатеринбургской драмы, решена лаконично. В центре — овал, напоминающий яйцо, символ Воскресения в христианстве. В нем на черном фоне изображен восьмиконечный крест на постаменте. У подножия креста

— царская корона; на фасаде постамента — российский герб в виде двуглавого орла; от креста исходит сияние. Части креста, на которых должны находиться иконописные образы, обобщены и не прописаны. Текст расположен над верхней и нижней частями рисунка полукругом, повторяя очертания овала. Александр Борисович в рисунке выразил цель участников мероприятия, о чем высказался митрополит Евлогий: речь шла о памятнике, «основной замысел коего — воплощать чувство скорби по убиенному Императору и всем жертвам красного террора и быть в то же время и символом надежды на воскресение Святой Руси».

Обложку книги «Сто лет смерти Пушкина» украшает графическая композиция, составленная из свитков, лиры, пылающего огня на постаменте, садовых цветов и кустарника. Простая рамка из широкой и узкой полос обрамляет лист. Инскрипт Серебрякова от 1975 года напоминает о том, что художник вместе с Р. Герра были членами Общества охранения русских культурных ценностей за рубежом (художник являлся одним из учредителей Общества в 1945 году и автором его эмблемы). С этой обложкой перекликается и черно-красная обложка изданной спустя почти 30 лет книги

С. Лифарь. Моя зарубежная Пушкиниана. Париж, 1966. Обложка работы худ. А. Серебрякова.

Обложка работы худ. А. Серебрякова

С. Лифарь. Моя зарубежная Пушкиниана. Париж, 1966. Инскрипты А. Серебрякова и С. Лифаря. ©Р.Герра.

Сергея Лифаря «Моя зарубежная Пушкиниана». В центре листа красным цветом акцентировано название. Под ним — графический черно-белый натюрморт, составленный из книг поэта, его портрета, рукописей, гусяного пера... На форзаце — две дарственные надписи Р. Герра от А. Серебрякова и С. Лифаря. Имя гениального танцовщика и хореографа на его родине связывается с пушкиноведением только узким кругом специалистов. Однако Сергей Михайлович был страстным коллекционером пушкинских реликвий и текстов: «Обожание Пушкина сопровождало меня всю жизнь», — писал он и собрал внушительную коллекцию, которая демонстрировалась в 1937 году в рамках памятных мероприятий по случаю 100-летия гибели поэта в Париже. Лифарь был одним из самых молодых членов Пушкинского Зарубежного Комитета, выступил организатором Пушкинской Выставки, а впоследствии возглавил Комитет. Книгу в мягкой обложке открывают портреты А.С. Пушкина работы Ю. Анненкова, Ж. Кокто, Ал. Ремизова, самого автора, а также иллюстрация А. Бенуа к поэме «Медный всадник» и фото юбилейной медали, выбитой в память Пушкинской Выставки, адрес С. Лифарю от имени Пушкинского Комитета. С Лифарем Александра Серебрякова связывали давние творческие и дружеские связи. Художник неоднократно делал для Сергея Михайловича афиши, а после его кончины сменил на посту председателя Общества охранения русских культурных ценностей за рубежом.

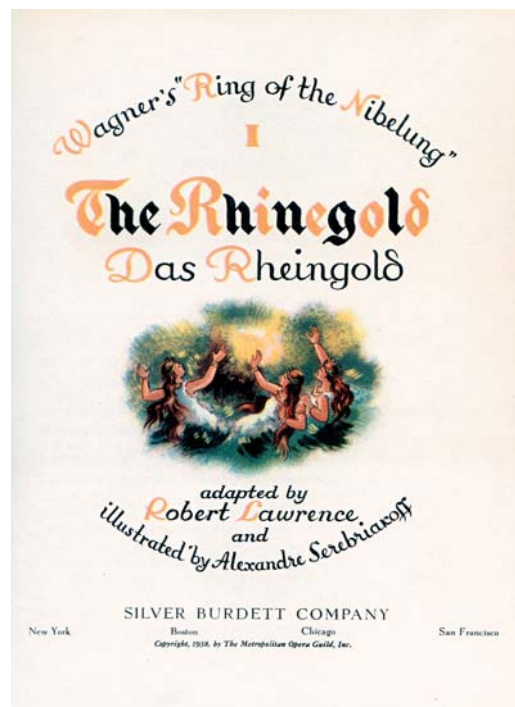
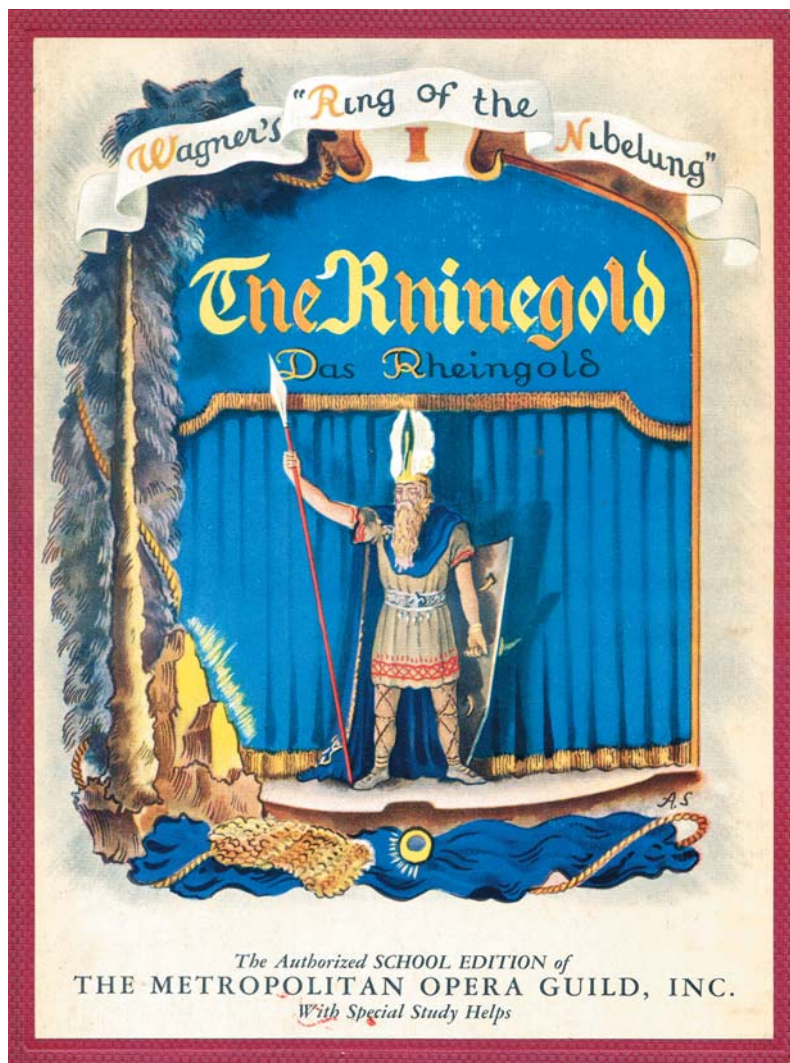
Не менее значительная часть художественного наследия А. Серебрякова в собрании Ренэ Герра связана с детской книгой — тем направлением книгоиздательской деятельности, в котором всегда работали лучшие художники своего времени, а в результате эмиграции после революции 1917 года на Запад выдающихся представителей русского искусства — лучшие из лучших. Александр Борисович начал сотрудничать с французскими, бельгийскими и американскими издательствами еще до войны, поэтому детские книги в его оформлении выходили не только на французском языке, но и на английском. Интересна серия книг для школьников, посвященная опере и балету, изданная в США. По мнению издателей, такие книги с подробным изложением сюжета, нотами главных музыкальных тем и с «волнующими красочными» иллюстрациями важны для предварительного знакомства со спектаклем, чтобы юный любитель музыки мог получить «истинное» удовольствие. Книги «Кармен» (Grosset & Dunlop, New York, 1938), «Кольцо Нибелунга Р. Вагнера», включающая 4 издания — «Золото Рейна» (Silver Burdett Company, New York, Boston, Chicago, San Francisco, 1938), «Валькирия», «Зигфрид» и «Гибель богов» (все три — Grosset & Dunlop, New York, 1939), а также «Борис Годунов» (Artists & Writers Guild Inc., New York, 1944) посвящены опере, для них художник выполнил все оформление и иллюстрации (лишь в «Борисе Годунове» автором обложки стал Пол Киннер (Paul Kinnear)). «Пет-

рушка» и «Треуголка» (Random House, New York, 1940) посвящены русскому балету, вкус к которому Соединенные Штаты впервые почувствовали благодаря Сергею Дягилеву, привезшему за океан антрепризу «Русский балет».

В каждой из этих книг черно-белых и цветных иллюстраций очень много. После насыщенной деталями обложки юный читатель встречался на фронтисписе с изображением всех персонажей оперы; затем — обязательные заставки и концовки на протяжении всей книги, а также сюжетные изображения чуть ли не на каждой странице. В итоге получалось издание, богато насыщенное сценическими образами, потенциальный зритель легко ориентировался в сюжетной линии спектакля, а потому его просмотр, который мог длиться 3–4 часа, не вызывал затруднений. В этих своеобразных либретто проявились все особенности иллюстраций Серебрякова для детских книг 1930–1940-х годов. В подавляющем большинстве случаев художник создает обособленный фон для изображения героев, предметов, природных и архитектурных пейзажей. Чаще всего фон однотонный, остальные цвета в рисунке подбираются уже в соответствии с ним. Обычно фон выглядит как случайное пятно с неровными краями (они могут быть, например, плавными и округлыми или, наоборот, резко заточенными — в зависимости от смысловой составляющей текста). При этом художник оставляет достаточно незаполненного пространства фона, в результате чего это «пятно» как бы очерчивает особую территорию непосредственно рисунка. Реже Серебряков использует такое «пятно» как подножие, если можно так сказать, для основного изображения. Так, во всех книгах тетралогии «Кольцо Нибелунга» изображения расположены на фоне с однородными неровными краями, штриховка создает эффект свечения, словно отблески золота сквозь воды Рейна. В книгах «Кармен» и «Треуголка» при общности

«... во всех книгах тетралогии «Кольцо Нибелунга» изображения расположены на фоне с однородными неровными краями, штриховка создает эффект свечения, словно отблески золота сквозь воды Рейна».

испанского колорита — перекликающихся костюмов героев, архитектуры, бытовых мелочей, характер изображений отличается друг от друга. В «Кармен» все рисунки острые, колючие, сразу настраивающие на обостренное восприятие сюжетных перипетий. Художник достигает этого эффекта за счет фона цветных литографий, придавая ему не просто неровные края, а с помощью штрихов контрастной длины делая эти края оскалившимися, словно держащими оборону. В «Треуголке» же — все ровно наоборот. Фоны рисунков, образованные крупными локальными цветовыми пятнами с ровными краями округлой формы, создают ощущение покоя и безмятежности. Цвета пастельных оттенков передают неторопливый и равномерный ритм сюжетной линии.

Р. Вагнер. Кольцо Нибелунга. I. Золото Рейна. Нью-Йорк, 1938. Иллюстрации А. Серебрякова.

Р. Вагнер. Кольцо Нибелунга. I. Золото Рейна. Нью-Йорк, 1938. Иллюстрации А. Серебрякова.

И еще две англоязычные книги были оформлены А. Серебряковым — «Бельгия» (Harper and Brothers, New York, London, 1940) и «Alphabet Book» (Whitman Publishing Co., U.S.A., 1937). Шестнадцать полос азбуки формата 24×33 см на фактурной бумаге не содержат текста, лишь рисунки и буквы. Страницы красиво заполнены лаконичными и ясными рисунками.

Из детских книг на французском языке в оформлении А. Серебрякова вышли «Petites Histoires de Tante Nène» («Маленькие истории тетушки Нэн») и «Notre France» («Наша Франция») (обе — в известном франко-бельгийском издательстве Desclée de Brouwer et Cie, Paris, 1931 г. и 1934 г. соответственно), «Tirely Astronome» («Астроном Тирели»), в самом престижном французском издательстве nrf Gallimard, Paris, 1935). Уже на обложке «Tirely Astronome» художник использует тот же прием обособленного пространства, на котором располагается изображение, в виде так называемого «пятна», как и в других детских книгах. Но здесь структура фона по направлению к краям постепенно становится менее плотной, прореживается и, в конце концов, рассыпается на мельчайшие фрагменты. Такой прием вызывает ассоциацию с далекой звездой, рассы-

пающейся в пыль. Изображение небесных тел и звезд на подобном фоне прекрасно рифмуется с темой сказки. На протяжении всей книги Серебряков расположил иллюстрации на фоне одного цвета — чернильно-синего, который ассоциируется с космосом. Исключение составили лишь два рисунка в начале и в конце издания, на которых главный герой Тирели читает книжку на солнечной лужайке и совершает мысленное путешествие в космическую Вселенную. По мнению страстного библиофила Ренэ Герра, «русские художники книги <...> во многом определили развитие детской книги во Франции и, бесспорно, сыграли значительную роль в этом процессе. Им, как никому другому, удалось проникнуть в духовный мир ребенка, визуализировать и воспроизвести на бумаге уникальное детское мышление». Иллюстрации Александра Серебрякова к детской книге — наряду с иллюстрациями великих русских художников, таких как И. Билибин, Ф. Рожанковский, А. Экстер, Н. Парэн, — «стали классикой не только французской, но и мировой детской литературы, попали в «золотой фонд» французского и мирового книгоиздания».

В собрании Ренэ Герра хранятся оригиналы обложек работы А.Б. Серебрякова к книгам, издание которых, видимо,

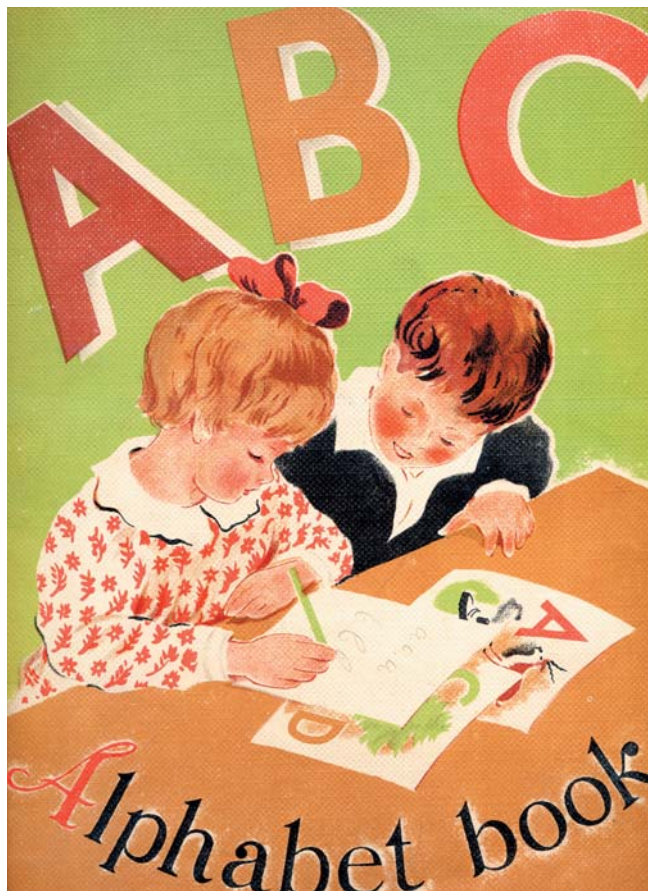

Астроном Тирели.
Текст Алисы Пиге.
Париж, 1935.
Иллюстрации
А. Серебрякова.

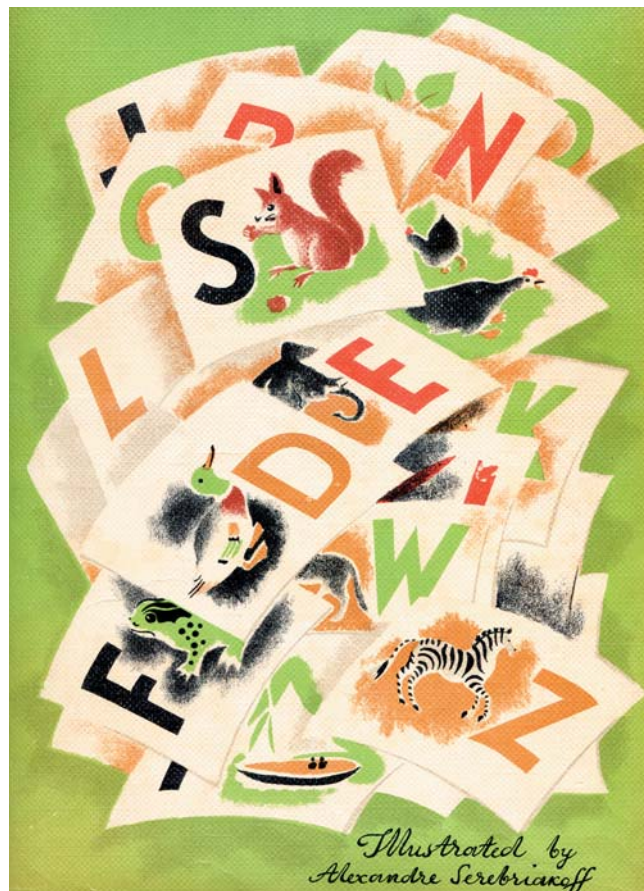

Астроном Тирели.
Текст Алисы Пиге.
Париж, 1935.
Иллюстрации
А. Серебрякова.

Азбука. США, 1937. Иллюстрации А. Серебрякова.

Азбука. США, 1937. Иллюстрации А. Серебрякова. Задняя обложка.

А. Серебряков.
Мастерская А. Бенуа
в годы войны с 1942
по 1944 гг.
Париж, 1944.
Бумага, акварель.
©Р.Герра.

по каким-то причинам не состоялось. Это обложка сборника на русском языке «12 русских народных песен, записанных и гармонизованных Георгием Комаровым», по композиции которой легко узнается стиль художника: в центре — натюрморт, составленный из типичных (для иностранцев) элементов, связанных с Россией, — церкви, гармошки, балалайки, гуслей; текст расположен полукругом над и под рисунком. И два варианта обложки (скорее, первый — акварельный рабочий вариант, а второй — окончательный проработанный, выполненный гуашевыми красками) к «истории маленького французского цирка» на английском языке “Cirque Mirliflor. The story of a Little French Circus” Жоржа Дюплекса (Georges Duplaix). Они отличаются от привычной манеры Александра Борисовича исполнения книжных обложек и представляют целиком заполненное пространство листа. Очаровательные зверушки бродят вокруг шатра цирка-шапито, расположенного в центре композиции. Слова названия книжки составлены из букв, каждая их которых оригинально вписана на торцевую стенку фургона для перевозки животных. Жаль, что издание не состоялось!

В собрании коллекционера хранятся и несколько гуашевых произведений А. Серебрякова с изображениями пустынного Парижа, с редкими прохожими и машинами, совсем безлюдными узкими улочками. Графические силуэты деревьев с голыми ветвями придают городскому пейзажу необычайную выразительность. Работы выполнены в период 1925–1929 годов по заказу рекламодателей. Надо сказать, что любовь художника к Парижу нашла отражение и в его работе книжного иллюстратора. Серебряков участвовал в оформлении двух послевоенных путеводителей по французской столице. Первый — «Париж за несколько часов» (“Paris in a few hours”) — вышел на английском языке в 1945 году с обложкой работы Серебрякова.

Для рисунка обложки художник взял за основу герб Парижа, который стилизовал в соответствии с назначением книги — путеводителем для туристов. В центре изображения — геральдический щит красного и синего цветов — цветов французского флага. Поверх красного поля изображен белый корабль на волнах, который символизирует торговлю и торговые компании города, что с давних времен служило главной составляющей его благосостояния. В верхней части щита на синем поле Серебряков изобразил белые лилии, тогда как в реальном гербе в этой части присутствует синее поле с золотыми лилиями, что является старинной эмблемой французской королевской династии Капетингов, под покровительством которой находился Париж. Художник остроумно обыграл мотив короны в гербе, напомнив о ней лишь зубчатым силуэтом, но зато украсив образами трех главных парижских достопримечательностей — Эйфелевой башни, Триумфальной арки и собора Нотр Дам де Пари. В трактовке Александра Серебрякова гербовое поле щита окаймляют не оливковая и дубовая ветви, а флаги разных государств. Их древки под щитом перехвачены фигурно изогнутой девизной лентой синего цвета, на которой белыми буквами начертан девиз Парижа: “Fluctuat nec mergitur”, что в переводе с латыни

означает: «Плавает, но не тонет». В 1945 году этот девиз был особенно актуален после прекращения оккупации Парижа немецкими войсками. Название книги поделено на две части и располагается сверху и внизу страницы. Слово “Paris” — сверху — написано красными и синими буквами. Вторая часть названия — “in a few hours” — внизу — синими. Серебряков исполнил для путеводителя 6 карт достопримечательностей города — Ситэ, Латинского квартала и Монпарнаса; центральной части города; Шан зе Лизе и той части Парижа, которая открывается с высоты Монмартра. Он также выступил как дизайнер книги, украсив ее заставками, концовками, замечательными буквицами в начале каждой главы.

Во втором путеводителе по Парижу “Paris tel qu’on l’aime” (Éditions ODE, Paris, 1949) — «Париж такой, как его любят» — с предисловием Жана Кокто, к созданию художественного образа которого были привлечены ведущие художники своего времени, в частности Ю. Анненков, помещены карты работы Серебрякова. Эта книга, несмотря на немалый тираж — 1200 экземпляров, изданная на тончайшей веленовой бумаге класса люкс, с самого начала представляла собой уникальное библиофильское издание. Первые 1000 экземпляров были пронумерованы от 1 до 1000; остальные 200, не предназначенные для продажи, имели нумерацию от I до CC. Весь тираж был быстро распродан, и в том же году вышло второе переработанное и исправленное издание, но почему-то без двадцати акварелей Ю. Анненкова на титульной странице каждой новой главы.

Александр Борисович Серебряков сделал необычайно много за свою жизнь. Он работал как декоратор в кино и театре, оформлял выставки, книги, разрабатывал и «портретировал» интерьеры, без устали воспевал Париж... Со-

«Он работал как декоратор в кино и театре, оформлял выставки, книги, разрабатывал и «портретировал» интерьеры, без устали воспевал Париж...»

хранив при этом свою приверженность художественным идеалам объединения «Мир искусства». Сегодня выглядит знаковым шуточная акварель, подаренная Шуре Серебрякову Дмитрием Бушеном в 1921 году с надписью: «Дорогому Шурочке в день его рождения. 25 августа». На рисунке в лучших мирискуснических традициях изображена театральная сцена с полноценными декорациями. В 2003 году в интервью газете «Русская мысль» (кстати, шрифт заголовка для газеты разработал тоже А. Серебряков) Екатерина Борисовна выразила свое отношение к искусству брата следующим образом: «Ни у кого он не учился. Мы все ни у кого не учились, и мама ни у кого не училась. Мы все рисуем с детства. Как только ребенок рождается, дают в руки карандаш — и сразу рисуем. И мама, и брат — настоящие художники, и они всегда старались делать настоящие вещи, а не то, что модно. Сейчас только новое искусство в чести. А ведь нет нового и старого искусства — есть только искусство». ИБ

ДВЕ ЭМИГРАЦИИ

А.В. Амфитеатров и его роковое письмо Ленину

Тимофей Прокопов

А.В. Амфитеатров в роли Эскамилио

Незамеченными ушли две главные даты судьбы замечательного прозаика, драматурга, историка, публициста Александра Валентиновича Амфитеатрова: 150-летие его рождения (14/26.XII.1862) и 75-летие кончины (26.II.1938). Лишь московский Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, словно спохватившись, устроил интересно прошедший вечер памяти писателя. Вела его внучатая племянница юбиляра, правнучка о. Валентина (В.Н. Амфитеатрова, отца писателя) Евгения Николаевна Викторова. В вечере приняли участие пращурсы о. Валентина Андрей Дмитриевич и Андрей Андреевич Викторovsky, а также потомки С.Е. Амфитеатрова (Раича), поэта и журналиста пушкинского круга. Обстоятельно, с показом документального фильма докладчица Е.Н. Викторова рассказала о семейном древе рода Амфитеатровых, среди которых было немало выдающихся деятелей, верой и правдой служивших России. Добиться более других многошумной известности выпало на долю лишь одному — писателю.

Не прост и скорбен был жизненный путь некогда самого читаемого беллетриста: Амфитеатров дважды принужден был скрываться за границей от преследований властей. В первую эмиграцию его отправил царь за антимоноархизм и сочувствие к иллюзорным идеалам марксистско-ленинской социал-демократии. Во вторую бежал он от расстрела, коим пригрозили те, кого он вместе с Горьким пытался понять и поддержать, — ленинцы, пришедшие к власти и учинившие «красный террор».

ОБЛИЧИТЕЛЬ «ГОСПОД ОБМАНОВЫХ»

13 января 1902 года в воскресном номере петербургской газеты «Россия» ее редактор Амфитеатров выступил с публикацией, которую он назвал начальной главой затеянного им, но так и не состоявшегося сатирического романа «Господа Обмановы». Автор укрылся псевдонимом «Old gentlemen». И неспроста, ибо понимал, что его очерк-«предерзость» на самом деле был памфлетом. Читатели без труда узнали в Обмановых из села Большие Головотяпы императоров Романовых: Николая I (у Амфитеатрова Никандр Памфилович Обманов), Александра II (Алексей Никандрович), Александра III (Алексей Алексеевич), его супругу Марию Федоровну (Марина Филипповна), Николая II (Никандр Алексеевич) и других царственных домочадцев.

Через четыре года, публикуя повторно (вызывающе!) свой памфлет, на сей раз за границей, в Париже, Амфитеатров в послесловии «История романа и ссылки» пишет о постигшей его каре: «Ранним утром в понедельник 14-го я был уже арестован и, под охраню жандармов, отправлен в Восточную Сибирь, “в распоряжение иркутского генерал-губернатора”. “Россия” же выпустила еще один номер, выжидательно замерла в обморочном состоянии,

А.В. Амфитеатров в 1890-е годы

Шарж П.Н. Троянского на литераторов: Горького, Амфитеатрова, Андреева, Куприна и др. 1905 г.

В.Н. Амфитеатров

покуда, несколько недель спустя, не последовало обычное постановление четырех министров об ее окончательном закрытии. Таким образом, первая глава романа осталась и последнею. <...> Я писал эту легкую беллетристику два часа, а расплачиваться за нее приходится вот уже пятый год» («Красное знамя». 1906. № 1, 5). Здесь заметим: «Красное знамя» (название, ставшее в советской прессе едва ли не самым расхожим) — это первый эмигрантский журнал Амфитеатрова (впоследствии были у него и другие), выпускавшийся им с апреля 1906 по июль 1907 года. Издание отличалось резко выраженными антицаристскими тенденциями, показавшими, что Сибирь не усмирила обличителя «господ Обмановых». В числе ближайших авторов амфитеатровского издания встречаем знаменитостей: Горький, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин... Они, как и редактор журнала, в ту пору были так же отуманены протестными замыслами разрушительного переустройства государственности в России.

Когда крамольный публицист еще отбывал ссылку, по всей России распространялись гекто- и литографированные издания его памфлета, кем-то отпечатанные в Берлине. Там же стали сочиняться и публиковаться лжепродолжения романа, усугублявшие и без того тяжкое положение ссыльного («Неизбежное последствие, — шутил автор, — жилось скверно — станет еще сквернее»).

Е.И. Амфитеатрова

Сибирскую ссылку писателя удалось прервать: этого добился его отец Валентин Николаевич, уважаемый властями протоиерей Архангельского собора в московском Кремле. В июле 1904 года ссыльному было дозволено перебраться в окрестности столицы — «во внимание к заслугам его престарелого отца», а вскоре ему вручили предписание: покинуть Россию (правда, с обманной оговоркой: «для поправления здоровья»). После двух лет странствий по центрам эмигрантского рассеяния Амфитеатров поселился в окрестностях Генуи, в Кави ди Лаванья, где прожил десять лет. Здесь со временем собралась крупнейшая в Италии русская диаспора, о которой Амфитеатров впоследствии тепло вспоминал и писал (см., например, его мемуар «Русский угол в Лигурии», напечатанный 31 января 1932 года в рижской газете русских беженцев «Сегодня»).

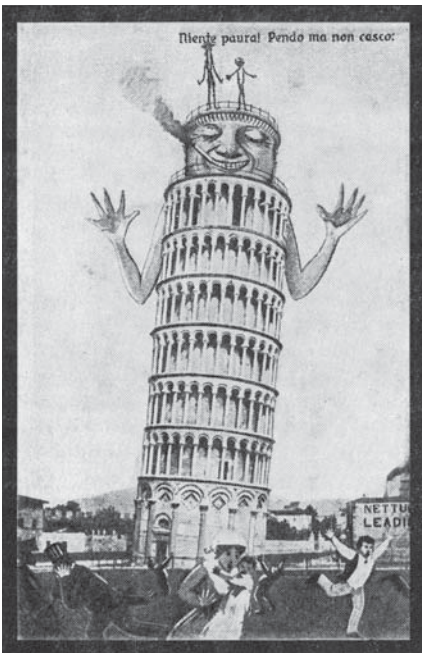
Отвратила ли писателя от политических пристрастий первая эмиграция? Увы, нет. Он охотно продолжал общаться с политиками и революционерами, в том числе с самыми видными фигурантами готовящейся социальной катастрофы в России. Что это было? Его серьезное увлечение? Писательско-журналистская профессиональная любознательность? Вероятнее всего второе, ибо политиком он себя не считал и революционерством вовсе не прельщался. А вот тип людей, приносящих себя в жертву ради достижения общественных идеалов, его завораживал, вдохновлял, усаживал к письменному столу.

Амфитеатров вспоминал: «В 1907 году мы с женой поселились в Кави, ища тишины и уединения после шумных и полных разными бурями в стакане воды двух зим в парижской эмигрантской колонии. <...> Наезжал то из Сан-Ремо, то из Нерви Георгий Валентинович Плеханов — бровастый, с беспокойными глазами, в которых жизненная энергия неукротимого бойца боролась с туберкулезным страхом. Сорок лет революционного пролетарства не вытравили в нем родовитого пензенского барина-дворянина, «блестящего Жоржа» революции 70-х годов. Революционер-философ, эрудит, диалектик и эстет, яркий трибун, неодолимый в дискуссиях, он, однако, начинал уже быть не ко времени. Его ораторский талант оказывался слишком культурным — чересчур тонким и изящным — для аудитории нового революционерства, опрощенного и огрубленного приливом пролетарских сил» («Русский угол в Лигурии»).

А вот другой марксист, оказавшийся «не ко времени» и нашедший приют у Амфитеатрова в Леванто, — Герман Александрович Лопатин, не менее Плеханова авторитетный интернационалист, первый переводчик на русский язык экономической библии революционеров — «Капитала» Маркса, проведший 22 года в узилищах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Из своего круга общения эмигрантской поры Амфитеатров в мемуарах много пишет о таких деятельных разрушителях вековых устоев России, как теоретик анархизма князь П.А. Кропоткин, обличитель агентов охранки В.Л. Бурцев, президент Вольного экономического общества Н.В. Чайковский, главный идеолог эсеровской партии, будущий министр земледелия во Временном правительстве, лидер антисоветских организаций в эмиграции В.М. Чернов...

В это же десятилетие первого амфитеатровского изгнания его имя то и дело всплывает в публикациях и переписке еще одного видного эмигранта — Ленина. Возможно, они даже встречались, будучи в 1907–1908 годах гостями Горького на Капри. Вот что лидер большевиков пишет Горькому 9 ноября 1910 года: «Сегодня читаю в “Речи” объявление о “Современнике”, издаваемом при ближайшем и исключительном (так и напечатано! Неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова” и при Вашем постоянном сотрудничестве». А далее вождь не удерживается от поучения: «Ведь такой журнал либо должен иметь вполне определенное, серьезное, выдержанное направление, либо он будет неизбежно срамиться и срамить своих участников <...> А какое же направление может быть при исключительном участии Амфитеатрова? <...> Амфитеатровский журнал

Иллюстрированная открытка, посланная Горьким Амфитеатрову. Пиза, 9 октября 1910 г. Архив Горького, Москва.

Письмо Амфитеатрова Горькому на иллюстрированной открытке. Кави, 12 апреля 1908 г. Архив Горького, Москва.

Надпись Горького на иллюстрированной открытке Амфитеатрову. Флоренция, 6 октября 1910 г. Архив Горького, Москва.

В.И. Ленин на Капри в гостях у Горького. В.И. Ленин (сидит слева) играет в шахматы с А.А. Богдановым (сидит справа). В центре за столом — Горький. В кресле — М.Ф. Андреева. Слева: сидит — В.А. Базаров (Руднев), стоит — В.К. Тарамута. Фотография Ю.А. Желябужского. Капри, между 23 и 30 апреля 1908 г.

(хорошо это сделало его “Красное знамя”, что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей левизны для политики мало».

Такое неприятие Лениным «левизны» амфитеатровского толка позже сыграет роковую роль в судьбе писателя.

В первом изгнании Амфитеатров обретает давно чаемое: душевный покой. Он постепенно освобождается от изматывавшей журналистской суеты и все более склоняется к раздумчивой, усердной работе беллетриста. Лишь одно осталось в нем прежним: как в журналистике, так и в создании романов пером и мыслью писателя водил его поистине вулканический темперамент, рождавший творческие замыслы один грандиознее другого. Это семитомное хроникальное повествование «Концы и начала» о судьбах русского общества, охватившее эпоху с 1880-х до 1910-х годов; это двенадцатитомный романский цикл «Сумерки божков» (в 1910–1911 годах удалось написать только два романа о людях театра); это наконец четырехтомная хроника жизни Рима в эпоху Нерона «Зверь из бездны» (1911–1914). Чем не бальзаковский размах!

ПОЛЮБИЛ ПРОСТУШКУ КНЯЗЬ...

Но из обширного творческого наследия Амфитеатрова вовсе не исторические хроники принесли ему славу наибольшую, а его беллетризованные исследования трагедий страсти, начатые еще в 1890 году романом «Людмила

Верховская». «Женская» тема влекла, будоражила воображение писателя постоянно. Он по-исследовательски неторопливо и глубоко изучал все стороны вечно живой проблемы женской эмансипации, публиковал об этом статьи (в 1916 году они составили книгу «Женское нестроение»), в эмиграции читал лекции в битком заполненных аудиториях, наконец написал не один десяток «любовных» повествований.

Несколько поколений россиян зачитывались без конца переиздававшимися книгами Амфитеатрова «В стране любви» (1893), «Виктория Павловна» (1902), «Марья Лусьева» (1903). В эмиграции к ним добавляются романы «Княжна Настя» (1908), «Марья Лусьева за границей» (1910), «Паутина» (трилогия; 1913), «Дочь Виктории Павловны» (трилогия; 1915), «Сестры» (1922), «Лилиаца» (1925)... Каждое из этих повествований (см. его собрание сочинений в 11 томах. М., 2000–2003. Сост. Т.Ф. Прокопов) становилось бестселлером и сенсацией, эпатажно возбуждавшей книголюбские сердца. Романы и повести некогда самого читаемого прозаика не утратили и в наши дни актуальность и новизну, остроту восприятия, вызываемые вечной злободневностью темы. До сих пор читателей волнует та магическая сила, с какою писатель изобразил счастливые и горестные судьбы русских женщин, метаморфозы любви от возвышенной до продажной.

Сам же Амфитеатров из многих своих книг особо выделил лишь одну, которую и по важности, и по читательской востребованности посчитал в своем наследии главной. Это цикл новелл «Бабы и дамы» (1910) — житейские реальные истории о том, как всевластная страсть рушит кастовые барьеры, как приводит к венцу пары из полярных сословий. В ту пору, казалось, и помыслить было невозможно, чтобы Золушка покорила сердце принца, простушка вышла замуж за высокородного барина или невидный конторщик стал супругом светлейшей княжны. Эти сюжеты, как, впрочем, и многие другие, писатель, присягнувший раз и навсегда правде факта, почерпнул из самой жизни, хотя на самом деле книга рождалась истинно репортерски.

Идея рассказать о межсословных браках завлекла Амфитеатрова еще в самом начале писательского пути. Решив за помощью обратиться к друзьям, он разослал им свою анкету. В течение ряда лет к нему стали приходить ответы-сюжеты (их собралось 48), из которых и рождались рассказы новаторского цикла. Новизна их была прежде всего в том, что писательский взгляд разглядел, с какой неотвратимостью на рубеже XIX–XX веков терпят крах дворянские гнезда (здесь уместно вспомнить хотя бы «Вишневый сад» А.П. Чехова). Одно из проявлений катастрофического падения дворянского престижа, разрушения его кастовой замкнутости Амфитеатров в отличие от других увидел как раз во все более множущихся мезальянсах. Смешанные браки вскоре станут заурядным житейским явлением. Так, казалось бы, частные случаи человеческого бытия неожиданно возвысились под пером писателя до уровня общественно значимой проблемы. Теперь можно понять, почему эта скромная книжка, а вслед за нею и его «женские» романы не затерялись в море других, отчего именно их современники Амфитеатрова вслед за автором назвали лучшей частью его писательского наследия.

«ВЫ ВЫБРАЛИ СТРАШНЫЙ ПУТЬ: ПУТЬ КРОВИ И НАСИЛИЯ»

Из первой эмиграции Амфитеатрову, прощенному правительством и вознесенному прессой, было разрешено вернуться в самом конце 1916 года. Это было, как отмечала пресса, возвращение триумфальное: книги писателя ни на миг не забывались, они упоенно читались по всей России. В ту пору картограммы библиотек зафиксировали факт, ставший для всех очевидным: по читаемости, как утверждал не очень дружелюбный по отношению к популярному романисту критик, «на первом месте стоит Вербицкая с ее надушенным рукодельем, а на втором — Александр Амфитеатров, сейчас же после этой дамы, которую он, конечно, далеко превосходит и по таланту,

и по эрудиции, и по широте наблюдений. Амфитеатров — впереди Гоголя, Достоевского и Толстого, впереди Горького, Леонида Андреева и Куприна. Книги его увидите всюду: в витрине магазина, в киоске вокзала, в вагоне. На книжном рынке Амфитеатров “хорошо идет”» (*Львов-Рогачевский В. Снова накануне. М., 1913. С. 112*).

И действительно, несмотря на то, что писатель с 1905 года был в изгнании, в главных издательствах страны вышло более тридцати книг эмигранта, многие из которых тиражировались по два-три раза. А в 1911–1916 годах книгоиздательство «Просвещение», подводя итог деятельности самого читаемого прозаика, выпустило собрание его сочинений аж в 37 томах (правда, из них три задержались в типографиях и не вышли из-за последовавших кровавых событий в России).

Воодушевленный встречей с родиной, друзьями и почитателями, возбужденный вершащимися в стране историческими событиями, Амфитеатров опять увлекается репортерством. Снова его пламенная публицистика, его памфлеты, сатиры, эпиграммы заполняют страницы газет и журналов «Русская воля», «Нива», «Огонек», «Бич»... И, как в годы молодости, не любящий политиканствовать, но и не терпящий компромиссов писатель за одну из своих дерзких публикаций (это была криптограмма-брань в адрес министра А.Д. Протопопова в «Русской воле») приговаривается к ссылке в уже изведенную им Сибирь, в Иркутск. Но доехать туда не успел: вспыхнувшая Февральская революция поставила крест на приговоре.

Падение монархии, воцарение в России демократии (увы, кажущейся) Амфитеатров, конечно же, приветствовал горячо и радостно — как давно им ожидаемое, но позже это время назвал: «обманные дни 27 февраля 1917 года». Второй же переворот — большевистский — вызвал в нем возмущенное неприятие. Писатель выразил его в той форме, которая была для него единственно возможна: «Я дал себе честное слово, что ни одной моей строки не появится в стране, уничтожившей у себя свободу печати» (из письма оперному певцу И.В. Ершову). И слово сдержит, хотя из-за этого попадет в тяжелейшую нужду, ввергнет в голод и нищету семью (а в ней семеро душ!).

Новая власть не раз пыталась сломить обнищавшего именитого писателя-упрямца: он трижды арестовывался. Чего совсем не ожидал Александр

*Редакционный день "Будильника".
Рисунок М.М. Чемоданова, 1885 г.
Стоят: П.А. Сергиенко, А.П. Чехов,
А.В. Амфитеатров, Е.Г. Арнольд,
Е.В. Пассек, В.А. Гиляровский;
сидят: А.Д. Курепин,
В.Д. Левинский, Н.П. Кичеев*

Валентинович, за него рискованно вступилось журналистское сообщество. Назовем самые первые публикации смельчаков-газетчиков: «Арест А.В. Амфитеатрова» («Новые ведомости». Вечерний выпуск. 1918. 25 июня), «К аресту А.В. Амфитеатрова» (Там же. 1918. 26 июня), «Арест А.В. Амфитеатрова» («Петроградский голос». 1918. 25 июня), «К аресту А.В. Амфитеатрова» («Вечерние огни». 1918. 26 июня), «Освобождение А.В. Амфитеатрова» (Там же. 1918. 27 июня), «А.В. Амфитеатров и Гороховая № 2» («Петроградский голос». 1918. 28 июня). Вероятно, эти публикации, вернее — огласка и шум, поднятые ими, спасли тогда жизнь писателя (из политических узников тогда редко кто избежал казни).

Укротить давнего друга не удалось и Горькому — как и в прежние времена, они не стали политическими единомышленниками. «Вашим взглядам на революционную войну, — ответил ему Амфитеатров, — я, как Вы знаете, не сочувствую и считаю своею обязанностью бороться с ними, где и сколько могу, как с весьма вредным заблуждением». Правда, тут же добавляет, как бы смягчая резкость тона, — все-таки не враг пред ним: «Но, как бы ни расходились наши воззрения, я всегда помню, что Вы не только большой писатель, но и честный человек и демократ, и всякое нападение на Вас с этой стороны всегда приводит меня в скорбь и негодование» (Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 457). А далее ему же печалуется: «Я выдержал в Питере три тяжкие зимы, каждая была мне трудна по отвычке от климата и от людей. Но последняя, третья, меня добила совершенно. Больше не могу. Должен бежать и спасать семью» (Там же, с. 459).

Вскоре после ареста 61 участника «Таганцевского заговора» с последовавшим расстрелом (казненные были известные деятели науки, профессора, а также поэт Н.С. Гумилев) Амфитеатров принял решение: бежать. 23 августа 1921 года его с семьей тайно вывезли на лодке через Финский залив. В вечное изгнание.

*А.В. Амфитеатров и И.В. Амфитеатрова
в эмиграции в Италии*

*А.В. Амфитеатров. Шарж А.М. Любимова.
«Сигналы», 1906, вып. 3, с. 6.
Собрание И.С. Зильберштейна, Москва*

Началась еще одна безрадостная страница его эмигрантской судьбы. Из Финляндии он выехал в Берлин, затем какое-то время жил в Париже, Праге и, наконец, уже навсегда поселился в Италии, полюбившейся ему с далеких лет первого бегства из России.

Еще будучи в пределах досягаемости для тех, кто учинял в России «красный террор», Амфитеатров совершил поступок, изумивший друзей (они, ужаснувшись, вскричат: самоубийство!). Александр Валентинович 8 сентября 1920 года опубликовал в эстонской газете русских беженцев «Последние известия» письмо Ленину. Этот исповедальный документ писался им с надеждой на понимание: вдруг услышит, опомнится, остановит кровавую бойню — «вторую гражданскую войну», на этот раз с безоружным населением «своей» России. Писатель еще не знал, что большевистский вождь в то время уходил (точнее: оттеснялся) от дел, так как из-за недугов все более утрачивал способность что-либо решать. А в октябре 1921 года, когда Амфитеатров уже был в дружеском кругу изгнанников, заболевшего Ленина окончательно изолируют в Горках.

Не без оснований можно предположить, что свое письмо Амфитеатров написал под впечатлением нескольких публикаций Горького о Ленине, в которых наряду с критическими высказываниями в адрес вождя и его режима содержатся и славословия: Ленин им «объявлен „мучеником“ за то, что ему, бедному, приходится ужасно страдать душою, расстреливая тысячи людей».

Вот этот забытый амфитеатровский документ отчаяния и надежды, переданный нам для републикации внучатой племянницей писателя Е.Н. Викторовой.

ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ.

Открытое письмо А.В. Амфитеатрова

М. г. Владимир Ильич.

Только на 5 минут займу я Ваше внимание, только на 5 минут отвлеку Вас от государственных забот. Прошу не взыскать с меня за то, что я обращаюсь к Вам не при посредстве листа почтовой бумаги и конверта, а при содействии печатного станка. У меня есть на то основания: 1) более шансов, что Вы прочтете статью, чем письмо такого незначительного человека, как я, 2) (простите) Вы сами создали такое положение вещей, что переписываться с Вами для корреспондента безопасно только в присутствии 1000 свидетелей, ибо частное обращение к Вам — уже конспирация, а конспирация под Вашим знаменем — преступление. Еще находясь в пределах Вашей Империи, которая когда-то называлась моим отечеством, и позже, после того как мне удалось, пользуясь утренним туманом и нерадивостью Ваших патрулей, ее покинуть, я долго и мучительно думал над разрешением одного вопроса, за ответом на который обращаюсь непосредственно к Вам. Именно к Вам, а ни к кому-нибудь из Ваших сподвижников, потому что Вы — вершина, Вы, так сказать, Гауризанкар (горный пик в Гималаях. — Ред.) Советской власти. Кроме того, Вы все-таки «русский». А главное, Вы человек большого ума, каковым я Вас считал, считаю и буду считать. Я был бы Вам безгранично обязан, если бы Вы помогли мне разобраться в той массе предположений, тайных дум, вездесущих слухов и тех, ни на чем не основанных убеждений, которые рождает инстинкт человека, если бы Вы открыли мне глаза на истину, указали бы мне путь к разрешению таковых вопросов. Существует ли грань между идейным коммунизмом и коммунизмом криминальным? Если существует, то где она? Сознаете ли Вы, что Ваша идея растворилась в коммунистической уголовщине, как капля уксуса в стакане воды, и если это знаете, то как можете Вы, человек идеи, мириться с этим? Уверяю Вас, никто из Ваших подданных этой грани не чувствует, не чувствует ее потому, что ужас, произвол, голод, нужда трехлетнего ига Вашего притупили и атрофировали в них способность разбираться в обстановке и отличать добро от зла и правду от лжи. И не потому, что Ваш режим окружает их людьми, снабженными, кроме партийных билетов, непогрешимостью пап и душевной чистотой новорожденных младенцев, а потому, что грань эта, если и существует, бесконечно от них далека; она вне их кругозора, а все, что видят они, все, с чем соприкасаются, — ложь, обман, провокация, насилие, тирания и уголовщина сверху, уголовщина снизу, справа и слева. Допустим на минуту, что в затворничестве своем под сводами московских теремов, в величественной тиши Кремлевского дворца, Вы далеки и чужды от будничной стороны Вашего режима, как далек и чужд был народной жизни Ваш коронованный предшественник. Но ведь на каждом шагу своей государственной работы, в каждом вашем акте внешней и внутренней политики Вы не можете не ощущать и не видеть того краха, который потерпела Советская власть за три года своего существования. Переверните страницу истории и посмотрите, чем была идея народовластия, когда Вы привезли ее с берегов Женевского озера, и чем теперь стала. Прочтите сейчас страницу и Вы увидите отталкивающую старую грешницу без твердой воли, без сознания собственного достоинства, убеждений даже, то зверски жестокою, жестокостью существа, которому нечего терять, то позорно услужливую, лицемерную, готовую сдать тем самым, кого недавно клеймила гордым презрением, готовую на какую угодно мерзость ради жалкого права воскликнуть: «Я существую». Имейте, Владимир Ильич, мужество признать, что главный козырь Ваш — ставка на всемирную революцию — бит. Бит он потому, что, принеся на знаменах своих самые соблазнительные лозунги, какие знает человечество, Вы для осуществления их выбрали противостоестественный путь, страшный путь: путь крови и насилия. Вы потребовали крови, потребовали отрицания всего, что составляет сущность человеческого бытия. Вы думали, что имеете дело не с людьми, а с сверхчеловеками, готовыми с эпическим спокойствием созерцать гибель своей родины, смерть своих жен и детей от голода и от пуль Ваших опричников во имя проблема-

тического блага грядущих веков. Вооруженный бумажными теориями, рассматривая предметы сквозь призму сухого учения Карла Маркса, Вы не могли видеть истинных свойств и качеств тех людей, которым Вы с легким сердцем обещали столько же счастья в будущем, сколько согласятся они в настоящее время пролить слез и крови. Вы пошли вразрез их самым жизненным интересам, привязанностям и убеждениям, и Ваша кардинальная надежда рухнула; центральный стержень всей Вашей машины переломился, и сколько бы десятков и сотен фунтов стерлингов не разбрасывали Вы из русского народного кармана, Ваши агенты всех частей света ничего не достигнут. Не достигнут ничего потому, что, если золотом и пулеметами можно как-нибудь заставить людей идти на борьбу, для них не вполне понятную, не сулящую ничего непосредственно их родине, их очагам и семьям, то заставить подкупом и угрозой другие народы бросаться в бесконечный водоворот, неизбежно и прежде всего несущий для их стран позор, регресс и унижение, — невозможно. Да и что это за идея, которая нуждается в услугах золота и динамита. И вот, когда Ваша крупнейшая карта бита, Вы пускаетесь в бесконечный ряд компромиссов, Вы мельчаете с каждым днем, с каждым часом. Ваша идея тонет в омуте лжи, фальши, беспринципности и отсутствия уважения к самому себе. Не Вы ли сами подписали великолепный, достойный Наполеона, декрет о низложении румынского короля, не Вы ли восклицали в печати и устно о полной невозможности вступать в какие-либо переговоры с державами Антанты, пока там стоят у власти капиталисты. Не Вы ли обещали разговаривать с рабочими всех стран только через головы их правительств. Не Вы ли, наконец, совершили феерический полет партийных штандартов через весь мир в столицы Англии, Франции, Америки, совсем как Вильгельм, который пять лет тому назад сулил своим ландскнехтам завтрак в Париже, обед в Петрограде. А теперь в классическом забвении своих слов, с великолепным равнодушием Вы командуете послов к европейским дворам и считаете большим дипломатическим успехом, если их пустили дальше швейцарской. Не Ваших ли послов высылают, как нежелательный элемент то из Швейцарии, то из Дании, то из Норвегии. Не Вашего ли Каменева вышвырнули из Лондона, как зарвавшегося в шулерстве игрока выбрасывают из клуба. Не Ваших ли дипломатов ловят, как рецидивистов, за попытку продажи выкраденных из русской короны бриллиантов. Не Ваш ли советский дипломат Литвинов, «коммунист и представитель Рабоче-Крестьянского Правительства», покупает на копенгагенском пляже виллу за 100 000 руб. Какой позор, какое унижение. Неужели Вам самому не стыдно. Не Вы ли подписали декрет об отмене смертной казни, и разве до Ваших ушей не доносятся в тиши кремлевских палат залпы непрерывных расстрелов. Не Вы ли провозгласили в России все виды свободы, не Ваши ли советские жандармы закрыли все газеты, арестовывают собрания, расстреливают, притесняют рабочего, заковывают в цепи труд, возрождают крепостное право и ужасы аракчеевских казарм. Не Ваша ли власть до того измельчала, и опаскудилось, и потеряла понятие о нравственности до того, что поднесла Троцкому чин генерала революции. Некуда падать ниже, не правда ли. А Вы все еще у власти.

*«Последние известия». Ревель (Эстония).
8 сентября 1920 г.*

Читал ли Ленин письмо Амфитеатрова? Вспомнил ли, что знал писателя с начала 1900-х годов (см. упоминания о нем в указателях имен к ленинским собраниям сочинений)? Как реагировал на мужественные (но дерзкие и опасные) откровения знаменитого романиста и публициста? Сведений об этом не обнаружено. Одно только можно предположить: такие публикации, конечно же, не оставались непрочитанными хотя бы помощниками вождя. По крайней мере их «ответ» был писателем предугадан, потому и бежал он из страны с поспешностью гонимого и преследуемого. **ИБ**

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Любовь Кривченко

Размышления о судьбах граждан России, прошедшей горнило революций, эмигрантских судьбах старинной русской интеллигенции как носительницы национальных духовных ценностей и сегодня никого не могут оставить равнодушными. За последние годы интерес к эмиграции особенно усилился, давно рассекречены бывшие на спецхране документы, теперь они стали доступны обычным гражданам. В связи с этим архивный фонд «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (БРЭМ) государственного архива Хабаровского края является самым востребованным, ведь до сих пор в нем находят ответы порой на самые невероятные вопросы.

Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) было создано в 1934 году в г. Харбине для защиты экономической, правовой и культурной жизни эмигрантов, но на самом деле — для осуществления контроля японским правительством за всеми действиями русского эмигрантского населения и подчинения своим интересам. Был и положительный момент в создании БРЭМа — разрозненные группы российских

граждан. В личном деле Валерия Юрьевича немного информации: пожелтевшая от времени личная анкета из двух листов, заполненная и подписанная самим Янковским в 1942 году, его фотография и другие, на первый взгляд, ничего не значащие документы. Проанализировав каждый документ, мысленно перенесшись в далекие 1930-е годы, можно узнать, кем был этот человек, сведения о его ближайших родственниках, занятиях и привязанностях, и строить поиск дальше, отыскивая все новые и новые документальные свидетельства о жизни.

Валерий Юрьевич родился в семье охотника-промышленника во Владивостоке в 1911 году, раннее детство провел на полуострове Сидими (Сидеми), который впоследствии переименован в полуостров Янковского, в честь деда Валерия Юрьевича — Михаила Ивановича. В связи с революционными событиями и гражданской войной в Приморье, в возрасте 11 лет юный Янковский эмигрировал с родителями в Северную Корею. В 1929 году окончил курс Харбинской мужской гимназии. В «Адрес-календаре, торгово-промышленном указателе Дальнего Востока и спутнике по Сибири, Маньчжурии, Амуру, Уссурийскому краю» И.С. Кларка за 1910 год, хра-

эмигрантов получили возможность объединения. БРЭМ просуществовал до сентября 1945 года, позже многочисленная диаспора в конце 1940-х годов активно разъехалась по всему земному шару. Более 3-х тонн документов, отложившихся за годы проживания русских в Маньчжурии, было вывезено из Харбина в Хабаровск группой архивистов, командированных в Маньчжурию осенью 1945 года для сбора исторических архивных материалов. Ныне это бесценный источник сведений о разных людях, живших в эмиграции вдали от родины. Оказавшись оторванными от привычных условий бытия, они старались сохранить традиции российского уклада жизни и не растерять связи между собой.

Заочно познакомившись с писателем В.Ю. Янковским, захотелось проследить его судьбу по документам БРЭМа, насчитывающим более 56000 личных дел российс-

нящемся в госархиве Хабаровского края, есть сведения о его отце — Юрии Михайловиче Янковском. Будучи предпринимателем, он занимал должность директора Владивостокского общества охоты, был членом технической комиссии Приморского общества поощрения коноводства. Переехав в Корею с семьей в 1922 году и не имея средств к существованию, он много трудился да и своих детей воспитывал в любви к труду.

Из личного дела Валерия Юрьевича Янковского известно, что он продолжил семейное дело отца — охотничий промысел, занимался и сельским хозяйством. Валерий принимал самое деятельное участие в создании отцовского хозяйства, занимал иностранных охотников-туристов, работал егерем. Харбинский «Рубеж», столь популярный среди эмигрантов, регулярно освещал жизнь в имениях Янковс-

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжурской Империи.

Фамилия, имя, отчество Янковский,
Валерий Юрьевич

№ паспорта 57 Влад. Манч. Импр.

№ 74289
Визы № 55683

1. Община свидения.

1. Время и место рождения 15 мая 1911 г. Владивосток

2. Вероисповедание Православный

3. Подданство и национальность Русский эмигрант

4. Общее образование низшее:
среднее заключил курс программы эмигранта
высшее в Кореи 1922-23.

Примечание: указать возраст, год и место учебное заведение окончено.

5. Настоящая профессия и специальность Промышленник охоты

6. Место настоящей службы

7. Получаемый оклад содержания или заработка (подробно) в Средней школе
от охоты около пяти сот в месяц

8. Точный адрес г. Энкин, Ямато-ку, Кобэраэ, 12-2.

9. Когда и откуда прибыл в Маньчжурию 23 Кореи, 10.8.42.

10. Семейное положение (жена, дети и кто состоит на иждивении) хотел жен.
Жена - Вера Александровна (ур. Влавахов) р.с. авг. 1896

11. Знание иностранных языков (какой и в какой степени) Японский, Корейский
и английский: практически разговорные.

12. Имелось ли какое либо имущество На территории Маньчжоу-Го
не имелось, в Кореи свой дом и участок

13. Был ли под судом или следствием (подробно)

В.Ю. Янковский.
Фото и анкетный лист из личного дела

ких. Их хозяйство расширилось и крепло, в «Новине» был выстроен православный храм. В течение предвоенного десятилетия Валерий Янковский совершал деловые поездки в Японию, Корею, Маньчжурию. Во время пребывания в Шанхае благодаря Лариссе Андерсен даже познакомился с А. Вертинским. Валерий в совершенстве знал разговорный японский, корейский и английский языки, большую часть времени проводил на территории Маньчжурии, встречаясь с интересными людьми, биографии которых ныне украшают самые популярные справочные издания России.

Юрий Михайлович Янковский с помощью сыновей создал крепкое промышленное хозяйство пантового оленеводства, а также наладил туристический бизнес в своих владениях в Корее — имениях Новина и Лукоморье. В этих дивных местах он устраивал летний дачный отдых для российских эмигрантов, где собирался весь эмигрантский бомонд: известный ботаник Н. Десулави, артистка из Шанхая В. Панова, будущая известная писательница Н. Ильина, поэтесса Л. Андерсен и др. В личном эмигрантском деле отца Ю.М. Янковского имеется целая подборка заметок из разных эмигрантских газет того времени. Вот как писала одна из них в 1938 году об этих событиях:

«В чарующем уголке Кореи, в имениях Ю.М. Янковского, съезд дачников в полном разгаре. Некоторые уже успели погостить там и вернуться к себе домой, некоторых ждали в июле. Но большинство отдыхающих, спасаясь от жары,

намереваются приехать туда в августе. Дачники проводят время в загорании на пляжах, поездках на море, в пикниках, игре в волейбол и теннис. По вечерам многие отдают дань танцам, которые проходят в театре. Среди гостящей сейчас в имении публики: тяньцзинцы, мукденцы, шанхайцы, харбинцы». Российские корни, родной язык — все это объединяло и сплачивало этих людей. В тесном дружеском общении с соотечественниками душевные раны заживали, боль утраты родины удалялась, а жизнь и молодость брали свое. Здесь Валерий Юрьевич Янковский впервые познакомился с Лариссой Андерсен. Л. Андерсен писала в своих мемуарах об этом замечательном времени: «Конечно, присутствовали в наших с ним отношениях и нежность, и романтика. Наверно, мы были с ним слегка влюблены друг в друга, ветерок этой влюбленности кружил нам головы...» Позже Ларисса посвятила Валерию Янковскому стихотворение «Теплый след»:

...Река шумит, но у пригорка
Утрами серебрится лед...
Но как тепла своя забота:
Пушистый плед, вязанка дров!
И: «Ты не ужинала что-то...
Вот яблочко... Приятных снов...»
И поцелуй благопристойный,
Совет: закройся на засов!»

БЮРО ПО ДѢЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжу-Ди-Го.

Фамилия, имя, Отчество: Александровна Маслакова
Имя: Вера Александровна
№ 2866

№ паспорта: 14378

1. Общія свидѣнія.

1. Время и мѣсто рождения: 11/1918 г. г. Владивосток

2. Вѣроисповѣданіе: Православная

3. Подданство и національность: Эмигрантка, русская

4. Общее образованіе: низшее
среднее: в 1928 году в Владивостоке получила советскую революционную и коммунистическую подготовку
высшее: заочно в Маньчжоу-Го

5. Настоящая профессія и специальность: Зубной врач

6. Мѣсто настоящей службы: Кабинет стоматологической клиники при клинике зуб. в. С. Маслаковой

7. Получаемый оклад, содержаніе или заработок (подробно): средний заработок 50-60 янчей.

8. Точный адрес: Карбин-Арестант, Импробал № 5

9. Когда и откуда прибыл в Маньчжоу-Го: 1.12.39 из г. Владивосток

10. Семейное положеніе (жена, дѣти и кто состоит на иждивеніи): не замужем. Замужем была Вера-Яковлевна Валерия Юрьевна рус. ак. № 87889

11. Знаніе иностранных языков (какой и в какой степени): хорошо английскій, отлично по французски

12. Имѣется ли какое-либо имуществво: нет

13. Бытность под судом или създѣствіем (подробно):

В.А. Маслакова – жена В.Ю. Янковского.
Фото и анкетный лист из личного дела

БЮРО ПО ДѢЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжурской Имперіи.

Фамилия, имя, отчество: Янковская Викторія Юрьевна
Имя: Юрьевна
№ 549

1. Общія свидѣнія.

1. Время и мѣсто рождения: 1906 февраля 1906 г. Владивосток

2. Вѣроисповѣданіе: Православная

3. Подданство и національность: Эмигрантка

4. Общее образованіе: низшее
среднее: Кабинет зуб. в. Маслакова
высшее:

5. Настоящая профессія и специальность: Коррекционница

6. Мѣсто настоящей службы: Кабинет

7. Получаемый оклад, содержаніе или заработок (подробно):

8. Точный адрес: Тайский № 29

9. Когда и откуда прибыл в Маньчжоу-Го: 17.12.39 из г. Владивосток

10. Семейное положеніе (жена, дѣти и кто состоит на иждивеніи): Замужем

11. Знаніе иностранных языков (какой и в какой степени): Английский и японский

12. Имѣется ли какое-либо имуществво: нет

В.Ю. Янковская – сестра В.Ю. Янковского.
Фото и анкетный лист из личного дела

Ларисса Андерсен писала о стихотворении: «В нем — наше настоящее и наше прошлое, которое никто из нас никогда не забудет. И уже ни на что не променяет».

Однако молодость брала свое, сохранив с Лариссой Андерсен самые теплые и дружеские отношения, Валерий познакомился со своей будущей женой — Верой Алексеевной Маслаковой. В личном деле Валерия Юрьевича имеется выписка из метрической книги, выданная причтом Свято-Иверской Градо-Харбинской церкви 29 декабря 1943 года, свидетельствующая о его бракосочетании с В.А. Маслаковой:

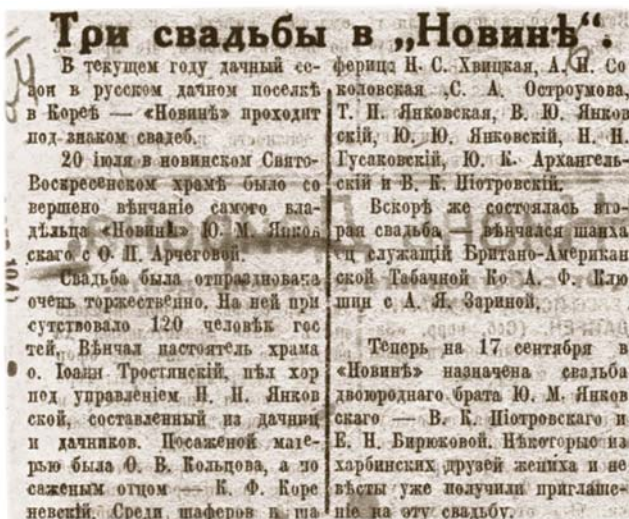
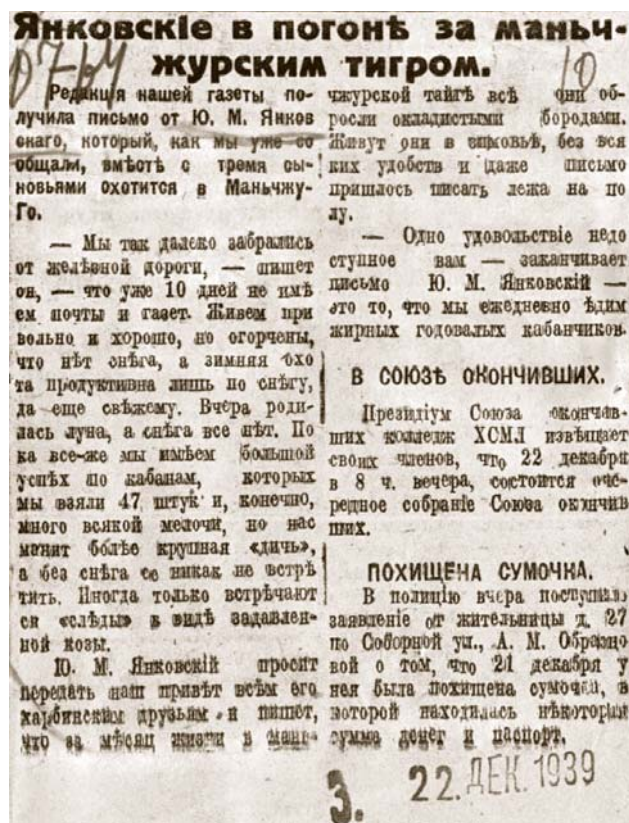
«Русский эмигрант православного вероисповедания Валерий Юрьевич Янковский, 32 лет, сочетается первым браком с русской эмигранткой православного вероисповедания Маслаковой Верой Алексеевной, 31 года, 28 июня 1943 года». Таинство бракосочетания было совершено протоиереем Александром Солянским и дьяконом Иоанном Волковым. Поручителями со стороны жениха были: русский эмигрант Александр Кузнецов и швейцарская подданная Екатерина Бринер, со стороны невесты — гражданин Польши Владимир Яценко-Хмелевский и русская эмигрантка Маргарита Подставина.

Супруга В.Ю. Янковского была врачом-стоматологом. В личном деле Веры Алексеевны Маслаковой есть собственноручно заполненная ею анкета, из которой известно, что она «эмигрировала из г. Владивостока со своей матерью (также стоматологом) в 1930 году из-за ужасных условий жизни в СССР». В личном деле Елены Павловны Маслаковой (матери В.А.) есть краткая запись, из которой следует, что ее родная сестра, проживавшая в Петрограде, осталась одна с 3-мя детьми, т.к. мужа репрессировали. Возможно, предчувствие репрессий подтолкнуло мать и дочь Маслаковых бежать в Маньчжурию. В Харбине Вера Алексеевна окончила зубоврачебную школу, занималась медицинской практикой вместе с матерью, имея в собственности кабинет. В.А. Маслакова получила приличное образование: гимназия, затем университет во Владивостоке. Она хорошо говорила на иностранных языках, имела в Харбине богатую клиентуру и связи среди иностранцев.

Однако брак Валерия Янковского с Верой Маслаковой продлился недолго. В своих воспоминаниях он писал, что его мимолетная связь с Ирмой Маер-Кореневской разрушила молодую семью Янковских. Валерий Юрьевич признался, что «надломил Вере Маслаковой жизнь», его теща предрекала ему, что «это не останется для него без последствий». Ее пророчествам суждено было сбыться...

Вот некоторые подробности из жизни Янковского, не зафиксированные в его эмигрантском деле, а написанные им в воспоминаниях:

«Девятого августа 1945 года хутор проснулся под гул самолетов: всю Маньчжурию накрыла страшная волна — война между СССР и Японией, волна, потопившая весь цвет российской эмиграции. Кто же мог предсказать эту гибель, эту трагедию тысяч ни в чем не повинных людей, искренних патриотов своей родины? Ведь все последние годы белоэмигранты жили под постоянный аккомпанемент советской подпольной радиостанции «Отчизна»,

Здесь и далее:
Заметки из газеты «Заря» за 1938–1939 гг.
о жизни в имениях Янковских
и о Ю.М. Янковском — отце В.Ю. Янковского

№ 11. Кавказ № 228 от 24/10/43. (Л.Х.34155)

ГЛАВНОЕ БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжурской Империи.

Фамилия, имя, отчество: Янковский Валерий Юрьевич № 51473

№ паспорта: 59

Время и место рождения: 28/11/1910 г. в. г. Владивосток

Происхождение: Российский иммигрант

Общее образование: среднее

Настоящая профессия и специальность: Статистик и секретарь фирмы

Место настоящей службы: Офисный-промышленник

Получаемый оклад содержания или заработка (подробно): Сино годн

Точный адрес: г. Канто Тайвань-Риверо № 1410

Когда и откуда прибыл в Маньчжурю: 28/10/1943г. из Кореи

Семейное положение (жена, дети и кто состоит на иждивении): Вдова

Знает иностранные языки (какой и в какой степени): Разговорное английское и корейский язык в среднем степени

Милитарная служба: Запас в 1941 и в 1942

Ю.Ю. Янковский – брат В.Ю. Янковского. Фото и анкетный лист из личного дела

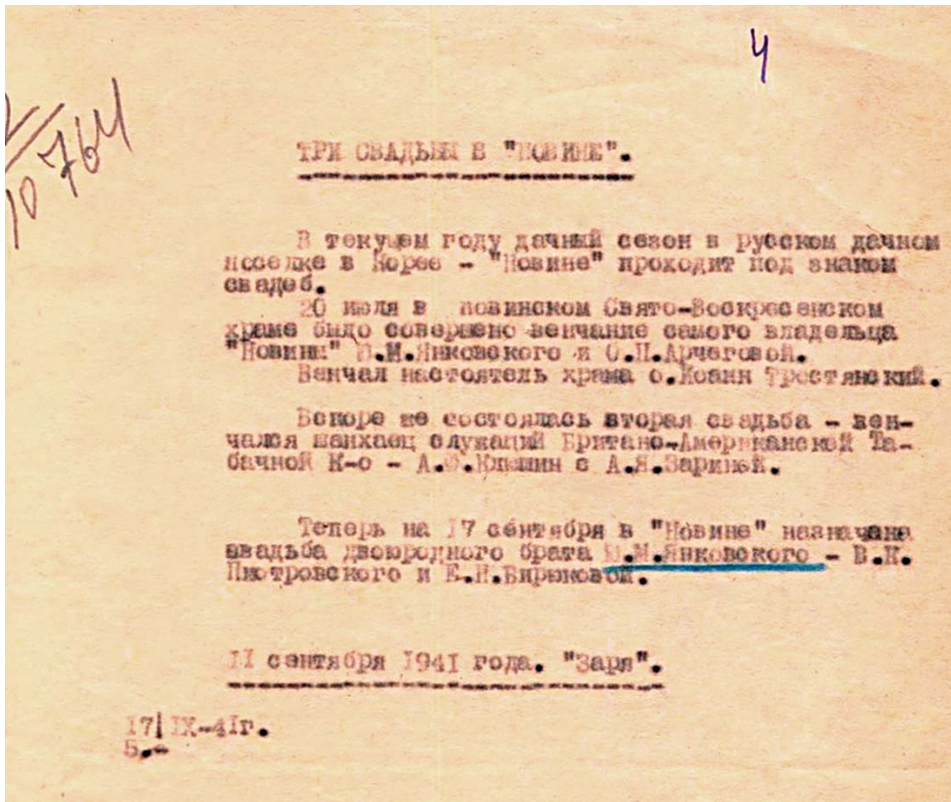

призывавшей от имени советского правительства верить самой гуманной в мире России... И все, особенно молодежь, с энтузиазмом ждали своих...» Так же ждал своих соотечественников и Валерий Юрьевич. Более того, проявив патриотические чувства, с риском для жизни вместе с братом Юрием поспешил навстречу Красной Армии и был зачислен переводчиком в СМЕРШ. Однако этот благородный поступок на Родине был оценен своеобразно: после окончания боевых действий Валерия Янковского арестовали и приговорили к 25 годам лагерей. Не надеясь выйти на свободу, узник написал своей молодой жене, родившей ему сына: «Дорогая, мне вряд ли удастся живым выйти из этого ада. Устраивай свою жизнь самостоятельно и береги нашего сына». Жизнь готовила ему множество испытаний...

В одном из интервью Валерий Юрьевич рассказывал: «К счастью, в 1952 году меня освободили. Правда, не выдали при этом никаких документов, а значит, я должен был оставаться на Чукотке. Здесь и нашел свою вторую любовь — Ирину Казимировну Пиотровскую. Свадебным подарком нам была реабилитация за отсутствием состава преступления. Ведь Ирина Казимировна тоже отбыла в лагерях целых четырнадцать лет. И знаете, за что? За то, что в 1941 году на дне рождения своего одноклассника читала стихи Есенина. Было ей тогда 16 лет».

В воспоминаниях В.Ю. Янковский сообщал, что «Ирма Маер-Кореневская с сыном (своего американского сына он увидел через 40 с лишним лет!) и новым мужем уехала в Канаду, а Верочка Маслакова, родив сына от советско-

Ю. М. Янковский охотится в Маньчжурии.

Известные дальневосточные охотники Ю. М. Янковский и его трое сыновей на текущий зимний сезон охоты прибыли в маньчжурскую тайгу, где предполагается провести 2 месяца.

Вчера мы получили от Ю. М. Янковского письмо, в котором он сообщает, что в первый день охоты они взяли трех кабанов, хотя пока и производили разведку.

Они надеются на очень хорошие результаты охоты в Маньчжурии, о которой они давно мечтали. Все последние годы они охотились только в Кореи.

Ю. М. Янковский просит нас передать всем его друзьям сердечный привет.

ПОЖЕРТВОВАНИЕ

В контору газеты «Заря» поступило пожертвование в 2 рубля от неизвестного в пользу Иннокентьевского дома трудолюбия в Сунгарийском городке.

ВЪСТИ ОТ ЯНКОВСКИХ.

Нами получено письмо от известного охотника Ю. М. Янковского, прошедшего, как известно, вместе со своими тремя сыновьями три с половиной месяца на охоту на границе Маньчжу-Го и Кореи.

Охотниками было взято всего 340 зайцев, в том числе 2 бараса, 4 медведя, 101 кабан и много других ценных трофеев.

К великому сожалению охотники в районе их охоты так и не выпал снег и поэтому экспедиция на тигра не удалась.

— Все-же — пишет Ю. М., — удовольствие и отдых, полученные нами в течение трех с половиной месяцев пребывания на охоте, ни с чем несравнимы.

НА ОХОТУ В НОВИНУ.

В Новину, в Корею, прибыл вместе с супругой Л. Ю. Бринер, предлагающий принять участие в охоте, в связи с назначившимся переездом.

В половине апреля туда же ожидается приезд из Таньцзинь-дра Чердынцева с семьей, который предполагает пробыть в этом красивейшем месте Кореи все лето на своей даче.

го офицера во время оккупации и похоронив в Харбине мать, обосновалась в Австралии». Позднее она писала Янковскому дружеские письма, а он «просил ее простить его. Несколько лет назад и она, и Ирма умерли». Сам же Валерий Юрьевич, проживший почти до ста лет в г. Владимире, помнил и Ванинскую бухту, и пересыльную зону, откуда судьба так жестоко швырнула его в чукотские лагеря.

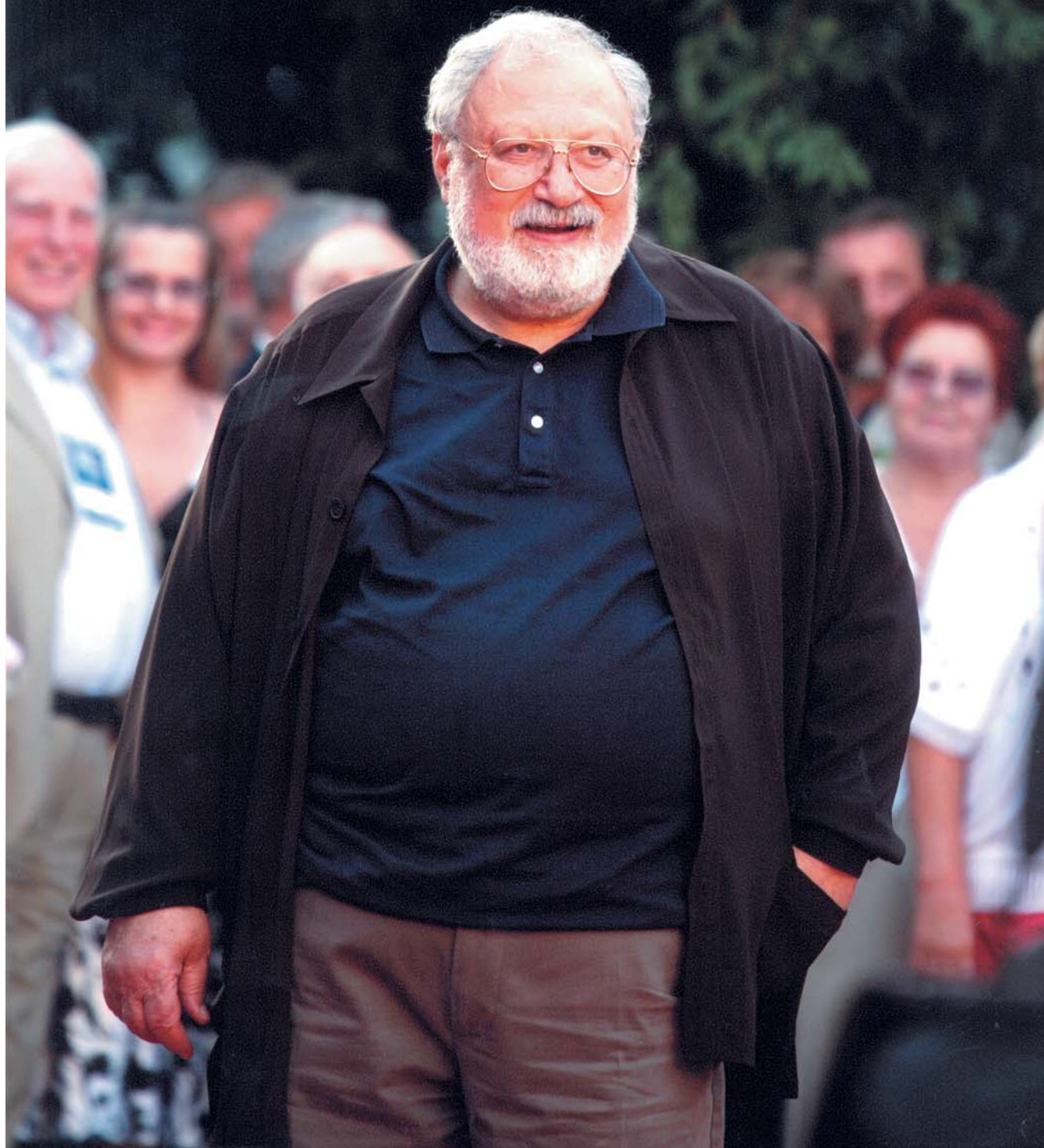
К сожалению, как сложились судьбы многих эмигрантов — можно только догадываться. Кто-то эмигрировал из Маньчжурии с приходом туда Советской Армии в 1945-м и в последующие годы в Австралию, Бразилию и США. А кто-то, как Валерий Янковский, стремясь вернуться в Россию, хлебнул немало горя и испытал множество лишений, потеряв отца, так же прошедшего ад лагерей, но не озлобился. Жизнь свою начал заново: работал в Магадане лесничим, позже переехал в г. Владимир, где посвятил себя литературной деятельности. В конце 1960-х годов Валерий Янковский начал печататься в журналах «Вокруг света», «Уральский следопыт». Стал членом Союза писателей СССР. Благодаря его книгам «В поисках женьшеня», «Нэнуни-четырёхглазый», «Потомки нэнуни», «Полуостров», очень многое о жизни этой большой семьи стало известно.

Любой человек имеет право знать обо всем, что происходило с его близкими и со страной, несколько раз в течение минувшего века воевавшей, менявшей общественный строй, терявшей и вновь обретавшей свою неповторимую и незабываемую историю. **ИБ**

ЕГО ВЫСШЕЕ ЗВАНИЕ

Наталья Старосельская

О Рустаме Ибрагимбекове наш журнал писал не раз — и вполне осознанно: без этой фигуры слишком многое оказалось бы утраченным не только в азербайджанской, советской, российской культуре, но и — без преувеличения! — в мировой, потому что Рустам Ибрагимбеков является не только выдающимся драматургом, киносценаристом, писателем, театральным и кинорежиссером, педагогом, но и общественным деятелем, которых, по гамбургскому счету, не так много в нашем сегодняшнем мире.

По названию их более чем достаточно. А вот по сути...

Лауреат пяти Государственных премий СССР и РФ, Государственной премии Азербайджана, Народный писатель Азербайджана, Заслуженный деятель искусств Азербайджана и России, действительный член Европейской академии киноискусства, член Американской академии искусства, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени, Командор ордена искусств и литературы во Франции, обладатель множества престижных премий, создатель уникального авторского театра «Ибрус», соединившего Баку и Москву, Председатель Конфедерации Союзов кинематографистов стран СНГ и Балтии, Председатель Союза кинематографистов Азербайджана, идеолог ежегодного Международного кинофестиваля «Восток — Запад», создатель Международной Киношколы, автор 15 пьес, которые обошли подмостки более чем 100 театров мира и принесли ему широчайшую известность, 50 киносценариев, подаривших ему заслуженную славу и поистине всенародную любовь...

Все это — Рустам Ибрагимбеков, отпраздновавший в феврале 2014 года свое 75-летие.

Ну что еще можно сказать о нем?..

Рустам Ибрагимбеков обладает столь редкими в наше время качествами, как обостренная совестливость, чувство социальной и культурной справедливости. А еще — глубоким интересом к душевному миру людей, ставших такими, какими они стали. А еще — подлинной страстью собирательства, связывания многих нитей в одну, прочную и очень крепкую. Он сумел объединить своим творчеством народы, страны, континенты. Оставаясь глубоко национальным писателем и драматургом, Рустам Ибрагимбеков явил истинный облик человека мира, которому не просто ведомы, но далеко небезразличны проблемы, боль и радость человека, независимо от его национальной, социальной или другой какой-либо принадлежности.

Жизнь Ибрагимбекова — это служение. Не только литературе, театру и кинематографу, но культуре в ее преемственности, в наследовании традиций и следовании лучшим из них, в укрупнении и углублении человеческой личности, которая, по Рустаму Ибрагимбекову, всегда выше и чище любых политических расчетов и стремления ошастливать массы.

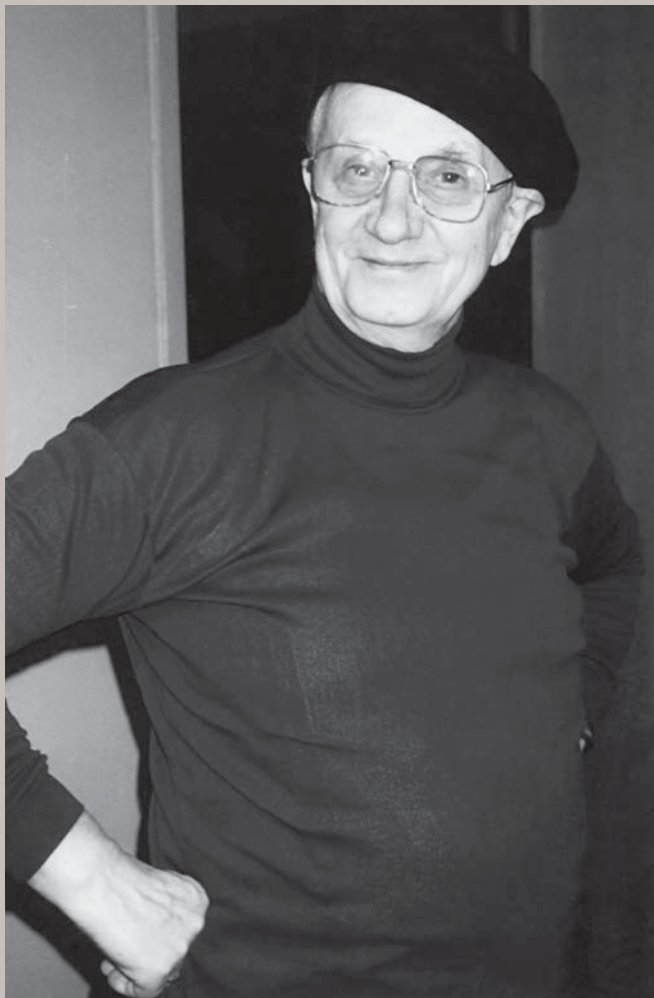
Чем бы ни занимался Ибрагимбеков, во главу угла он ставит всегда проблемы человеческого бытия и человеческой нравственности — это отнюдь не высокие слова, а суть того, чем занят на протяжении жизни человек, так многообразно проявивший себя на самых разных общественно-культурных «полях».

Он и сам говорил об этом: «Необходима потребность высказаться, потребность в Послании. Это возникает, как огонь, как любовь, как влечение. И если в тебе это есть, о чем бы ни писал, это чувство, эту энергию послания ты кодируешь словами, и когда читатель читает твоё произведение, он ощущает эту энергию, она воздействует на него эмоционально. То же самое происходит в кино и театре... Читая любое произведение, я сразу чувствую, что за этим стоит — душа, или просто профессионализм, авторское послание или же его имитация. И второе, что очень важно: для чего мы все это делаем?.. Чем мы движимы?.. Люди искусства помогают нашему выживанию, поддерживая в людях человеческие качества. Ведь человек — одновременно самое духовное существо и самое страшное животное... Каждый день нашей жизни — это битва между зверем и духовностью в человеке, и ежедневно мы выходим на бой с самим собой...»

Когда называешь имя Рустама Ибрагимбекова, на память мгновенно приходят такие названия, как «Белое солнце пустыни», «Утомленные солнцем», «Храни меня, мой талисман», «Допрос» — киноленты, составившие славу и гордость советского многонационального кинематографа. А театралы тут же назовут его пьесы — «Похожий на льва», «Прикосновение», «Похороны в Калифорнии», «Женщина за зеленой дверью», «Петля».

Все это можно смело назвать «энергией послания» талантливому и мудрому человеку, которому ведомо главное в жизни. Потому что высшее звание Рустама Ибрагимбекова — человек редчайшей интеллигентности, рыцарского благородства и вечной неуспокоенности... **ИБ**

Юрий Лиманов

Юрий Леонидович Лиманов — драматург, прозаик, сценарист — родился в 1926 году. Как и положено было в те годы мальчику из интеллигентной семьи, очень много читал, прекрасно рисовал, увлекался театром. В 18 лет ушел добровольцем на фронт.

После демобилизации работал журналистом: сначала в «Учительской газете», потом в «Литературке» — пожалуй, в лучшие ее годы, когда главным редактором был Сергей Сергеевич Смирнов и газета пользовалась большой популярностью, особенно в среде интеллигенции. Одновременно учился на сценарном факультете ВГИКа у Евгения Габриловича.

Отметив восьмидесятилетие, Юрий Леонидович решил записать свои воспоминания, неоднократно рассказанные им в кругу семьи и близких друзей. Работал, по его выражению, между делом, намереваясь впоследствии объединить их под общим названием «Воспоминания оптимиста».

Мы предлагаем вниманию наших читателей одну из частей рукописи.

МОРСКАЯ ДУША

(Из «Воспоминаний
оптимиста»)

На книжной полке, рядом с моим письменным столом, в ряду немногих сокровищ стоит изящно переизданный в шестидесятые годы роман Леонида Соболева «Капитальный ремонт» с дарственной надписью автора. Сегодня мало кто помнит этот роман и уж тем более читал его: он принадлежит тридцатым-сороковым годам, а при появлении это была сенсация, или, как сказали бы сегодня, бестселлер. Хорошо помню растрепанный томик в мягкой обложке, зачитанный моими родителями и их друзьями, переходивший из рук в руки и временами возвращавшийся на длинную полку в комнатку, где нам с мамой пришлось ютиться после ареста отца.

Отца арестовали еще в тридцать первом, за год до выхода «Капитального ремонта» в свет. Отчетливо помню арест, хотя мне было всего пять лет. Отец сидит на стуле посреди комнаты, у двери в соседнюю комнату застыла мать, чуть в стороне, почему-то в валенках, стоит сонный дворник, рядом с ним — наша домработница. Пол усыпан листами бумаги, книгами, по ним расхаживает человек в сапогах, в синих галифе, в куце пиджаке. Он берет с полки книгу, бегло просматривает, потом трясет, распушив страницы, и небрежно бросает на пол. А я сижу в своей детской кроватке, вцепившись в сетку, удерживавшую от падения, и ничего не понимаю — только чувствую, что происходит нечто ужасное. Отца уводят...

На этом счастливая, беззаботная детская жизнь кончилась. Нет, я выбрал не то слово: не кончилась — прервалась. Это вовсе не значит, что больше не случалось безоблачных

счастливых дней. Я гонял мяч во дворе с мальчишками, или, сговорившись, мы делились на казаков и разбойников. Самозабвенно дрался, потому что из-за неизбежно холеной физиономии меня называли барчуком. А потом (гримасы советской системы) тетушка, сотрудница «Учительской газеты», устроила меня в первый класс знаменитой на всю Москву 25-й образцово-показательной школы, что в Мамоновском переулке, и я сидел прямо за спиной Светланы — да, да, той самой Светланы, дочери Сталина! — и даже дергал ее иногда за косичку, а учительница, пришедшая к нам из гимназических прошлых времен, делала большие глаза и говорила с неповторимой интонацией шокированной старой девы: «Лиманов!»

Я почти перестал ходить во двор играть с мальчишками, рисовал, не помню что, в классный листок (прообраз стенной газеты), мечтал о дне, когда меня примут в октябрюта. И не задумывался о странности происшедшего: мать долгое время никуда не брали на работу, а уж о том, чтобы устроиться по специальности — она окончила исторический факультет Московского университета, — и речи не шло. История считалась идеологической дисциплиной. Впрочем, были ли в те времена дисциплины не идеологические? Вторую, большую комнату с эркером у нас отобрали, в нее переселили из какой-то трущобы многодетную семью. В квартире стало неудобно, шумно, на кухне — грязно. Мать, генетически чистоплотная дочь и внучка донских казаков, призвала новых соседей к порядку — они подчинились, но с тех пор иначе как «недорезанной буржуйкой» ее не называли и грозились

посадить так же, как отца. А он все еще содержался в следственном изоляторе Бутырской тюрьмы. Мать носила ему передачи, выстаивая бесконечные очереди в компании марух, жен воров, бандитов и немногих тогда еще политических.

Во втором классе кто-то из органов разглядел во мне сына врага народа, и меня срочно перевели в школу по месту жительства, к стати замечательную. А мой друг по первому классу Борис С***, тоже сын репрессированного, благополучно проучился со Светланой все десять классов и даже немного ухаживал за ней. Говорю об этом потому, что уже тогда в нашей семье, безжалостно прореженной тятками НКВД, начали понимать, что якобы всевидящие и всезнающие органы зачастую близоруки, некомпетентны и опираются на случайные доносы сексотов. Слово это проносилось шепотом и казалось мне таким же неприличным, как то, с которым мальчишки во дворе рифмовали мою кличку Алена.

Вопреки всеобщей боязни сексотов (или, как мы предпочитали говорить, неленивых) люди от нас не отшатнулись — наоборот: друзья и родственники чаще стали приходить в гости, не думая, что проявляют недюжинную гражданскую смелость. Они приносили с собой вино и нехитрые закуски, зная, что мать как ЖВН (жену врага народа) никуда не принимали на работу.

Кстати, о гражданской смелости. В конце концов, мать взял к себе на работу секретарем академик Владимир Образцов, заведующий кафедрой МИИТа и отец великого кукольника. Из этого краткого отступления понятно, в какой среде я рос. Наслушавшись разговоров взрослых, как ярко и смело написан роман Соболева, как тонко, между строк, сказано, что не только Россия 1914 года, но и нынешняя Россия, вернее СССР, нуждается в самом кардинальном капитальном ремонте, я, перехватив роман во время очередного его возвращения на родную полку, принялся читать.

Признаюсь, я застрял на блистательном описании «бородатого» российского времени, которое неторопливо брело по буеракам истории: я был тогда слишком мал. Но через несколько лет я прочел роман залпом, на одном дыхании, и даже запомнил многие места наизусть. Помимо чисто литературных достоинств существовала еще одна причина увлечения романом, о которой я никому, даже самым близким друзьям, не говорил. Мой дядя Костя, родной брат матери, был гардемаринном, потом мичманом императорского флота, и после революции эмигрировал. Мать говорила, что я очень похож на Костю. Это была семейная тайна. То, что старший брат матери, дядя Петя, был штабс-капитаном царской армии и даже уходил в Китай вместе с семеновцами, тайной не являлось. Он вернулся после объявленной амнистии, о своем прошлом писал во всех анкетах, из-за чего половину жизни гнул спину жалким счетоводом, хотя до четырнадцатого года был одним из лучших студентов знаменитой «Техноложки» (питерского технологического института). Почему его потянуло в армию, почему он стал «вольнопером», а затем стремительно прошел путь от прапорщика до штабс-капитана, с горстью орденов и

двумя тяжелыми ранениями, он так и не смог мне объяснить. Вернее, говорил что-то невразумительное (так мне тогда казалось): «Понимаешь, родина — она одна...» Впрочем, годы спустя и я не смог бы толком объяснить свое желание идти на фронт...

В армию я пошел сразу же, как только мне исполнилось восемнадцать. Почему я пишу «пошел», а не «был призван», объясню немного позже. А пока — первая неожиданность: из пересыльного пункта я попал не в маршевую роту, направляющуюся на фронт, а в московский флотский экипаж. Получив тельняшку, форменку, бескозырку и ремень с медной бляхой, я вспомнил о дяде Косте и почувствовал себя Юрочкой Левитиным, героем «Капитального ремонта», хотя тот был блестящим гардемаринном, а я — всего-навсего салагой, проходившим курс молодого бойца... в ремонтной бригаде, которая работала в здании Наркомата ВМФ. Но ленточки на бескозырке вились по ветру, полоски на гюйсе (синем отложном воротнике) напоминали о великих сражениях, а командовавший нами капитан-лейтенант был безупречно элегантен, и его левая рука, безжизненно висевшая на черной перевязи в черной перчатке, бередила мое воображение...

Нас, двенадцать человек, имевших за плечами десятилетку, неожиданно разделили поровну, а затем направили не в действующий флот и не в морскую пехоту, а в два высших военно-морских училища, недавно вернувшихся из эвакуации в родной Ленинград: шестерых — в Училище имени Фрунзе, и еще шестерых — в Училище имени Дзержинского. Я попал во «Фрунзе» — так его называли в Питере: коротко и немного фамильярно.

Месяц я захлебывался юношеским восторгом. Я был таким же гардемаринном, как мой дядя Костя или Юрочка Левитин, мой тезка из «Капитального ремонта»; я печатал шаг, проходя через Компасный зал, цеплял на пояс тяжелый палаш, отправляясь в увольнение, восхищался удивительно красивым, несмотря на годы блокады, городом, танцевал с девушками и целовался, стараясь не влюбиться: их было много, а мы, курсанты, — нарасхват. Но к концу первого месяца я задумался: а что, собственно, произошло? Что изменилось?

До армии я учился в Московском институте инженеров транспорта, дававшем отсрочку от военной службы; более того — попал на самое престижное, архитектурное отделение строительного факультета, так как хорошо рисовал. У меня была своя компания слегка эстетствовавших мальчишек и очаровательных девушек. Обычно мы собирались у тех ребят, чьи родители, в силу особого положения, имели крайне редкие в те времена отдельные квартиры. Чаще всего это был Димка Кобозев. Его отца арестовали в тридцать седьмом, и его усыновил родной брат отца, видный ученый-химик, членкор Академии наук: у него сохранилась огромная квартира еще с нэповских времен. Помню и очаровательную Вику Тарле, племянницу академика-историка: они жили в Доме правительства — в том самом «Доме на набережной», который через многие годы прославил Юрий Трифонов, — и Димка подшучивал надо мной, убеждая, будто именно

ради меня Вика приглашает всю нашу ораву в чинную академическую квартиру. А еще был изумительный старинный деревянный полуторазэтажный дом на Селезневке, до революции принадлежавший дедам нашей подруги — красивой и взбалмошной Ольги. Она училась на биофаке и совсем зациклилась на рептилиях: их было полно — и, если они расплозились по дому, Ольга, к ужасу девушек, но к восторгу парней, бесцеремонно брала их в руки и возвращала в террариумы и аквариумы. Ольгу мы звали «княжной»: она принадлежала к разорившейся ветви потомков татарских мурз, поселившихся в Московии в XV веке. После революции родителей Ольги уплотнили, но все равно в доме осталось достаточно места, чтобы собираться всей компанией. Мы спорили, читали стихи, влюблялись, целовались по укромным уголкам, приткнувшись на антикварных диванах или кушетках, ссорились и расставались, танцевали под патефон или слушали редкие в то время пластинки Александра Вертинского: его едкая ностальгия, как ни странно, пронизывала и нас...

А еще мы, юные грешники, любили застолье. У Кобозевых это была вареная картошка на постном масле с селедкой и кислой капустой, но — на севрском фарфоре! Водку мы не пили — в моде были изумительное крымское вино «Пино гри» и вино типа портвейна под странным названием «Бальзак», только что появившиеся в коммерческих магазинах. Деньги на эти излишества мы зарабатывали: сколотив бригаду, вкалывали по ночам на железнодорожных станциях, разгружая товарные вагоны и получая за ночь достаточно, чтобы купить в «Елисеевском» на улице Горького, где открылся первый коммерческий магазин, несколько бутылок вина, а на Минаевском рынке (недалеко от моего института) — картошки и шмат сала...

И вот от такой прекрасной жизни я решительно отказался. «Как можно сидеть дома, когда миллионы молодых мужчин сражаются с врагом?» — с юношеским максимализмом спрашивал я оппонентов из нашей компании. Поэтому, как только мне исполнилось восемнадцать и начался призыв моего года, я пошел в военкомат. Там раздраженно объяснили, что призвать меня не могут, ибо стране нужны не только солдаты, но и будущие инженеры-железнодорожники, и если во время войны государство дает студентам отсрочку (броню, как говорили тогда), — значит, так надо, и мне следует учиться, чтобы оправдать эту отсрочку, а не требовать отправки на фронт. Тогда я поступил кардинально: завалил сессию — вернее, просто не пошел сдавать экзамены, вылетел из института и, лишившись брони, победителем явился в военкомат. А что я получил в результате?..

Все чаще я вспоминал свои мечты о фронте, собираясь в увольнение или стоя в наряде. Впереди — четыре года без всякой надежды попасть на войну, ибо даже курсантам, юнцам, еще не приобщившимся к военной науке, было ясно, что войне скоро конец, а Гитлеру — капут. Получилось, что одну студенческую жизнь я променял на другую — с той лишь разницей, что, вместо нашей

вольницы, я попал в жесткие рамки училищного режима и впереди у меня были не занятия архитектурой, а офицерская служба. А все эти романтические увлечения тельняшкой и занятиями в училище, расположенном в том самом здании, где когда-то до революции стояли гардемарины, — не более чем своеобразная дань юношескому увлечению морем под влиянием прекрасного романа и никогда мною не виденного дядюшки...

Господи, что же я натворил! Что делать? Я хотел на фронт — и не хотел быть офицером. Это я точно знал. В эвакуации мы с другом (два шалопазя из интеллигентских семей, начитанные, любившие поэзию и даже немало говорившие по-французски) познакомилась с интереснейшей женщиной — для нас глубокой старухой, ибо было ей тогда за шестьдесят: мы прозвали ее Пиковой Дамой. Приехала она с принудительного поселения из сибирской ссылки, куда попала, отсидев срок в лагере. Она страдала открытой формой туберкулеза, и ее, в порядке исключения — как совершенно безнадежную и потому безвредную, — «комиссовали», то есть отпустили умирать к сыну, жившему в эвакуации. Но Пиковая Дама взяла и удивительным образом поправилась на горном алтайском воздухе, оставив гэбэшное начальство с носом. Вокруг нее собрались мы, мальчишки, и молодые инженеры эвакуированного проектного института, привлеченные запахом романтики и ее потрясающими рассказами о светской жизни Петербурга. Тогда мы вдруг явственно прочувствовали, как недалеко ушли от дореволюционных времен: всего каких-нибудь тридцать лет! Жившая рядом с нами Пиковая Дама родилась в 1880 году и почти двадцать лет выезжала в свет, пока не разразилась Первая мировая война. Имени-отчества Пиковой Дамы я не помню: она требовала, чтобы мы называли ее «мадам Росси» (поскольку была внучкой знаменитого архитектора и сидела именно за свою фамилию). Так вот: помимо всего прочего, мадам Росси гадала на картах и, что увлекательнее, по линиям ладоней. Мне она нагадала, что буду офицером. Боже, как я смеялся этому, объясняя, что никогда, ни при каких обстоятельствах — в какие бы части меня ни призвали — ни на офицерские курсы, ни в военное училище не пойду. Тогда я писал стихи (теперь понимаю, что плохие), рисовал (теперь знаю, что неплохо), сочинял скетчи для клубной самодеятельности, мечтал стать (и стал) драматургом. А тут вдруг — офицер! Под влиянием моего скепсиса мы перестали верить гаданиям мадам Росси, и она даже обиделась на нас, но потом смилостивилась и затеяла новую забаву — столоверчение... Но это уже не имеет прямого отношения к событиям. Я просто хотел доказать, как нелепа была для меня сама мысль стать офицером.

И вот теперь, в романтическом порыве, я чуть было не влип в дело, изначально противное моему существу! Осознав это, я немедленно завалил экзамены на подготовительных курсах училища (благо, подобный опыт у меня уже был) и подал рапорт о списании меня на флот — то есть поступил точно так же, как несколько месяцев назад в гражданском институте, добиваясь отправки на фронт.

Рапорт мой медленно пополз по инстанциям, обрастая подписями. Последней на нем, до поступления в отдел кадров, должна была стоять подпись начальника учебной части (кажется, то подразделение именовалось так). Вечно перегруженный работой, капитан первого ранга Иевлев — это знали все курсанты — часто засиживался в своем кабинете до утра, а потом, прикорнув пару часов на диване, как всегда подтянутый, выходил на утренний рапорт.

Меня он вызвал сразу после полуночи. Стремительно одевшись, я явился и представился как положено — признаюсь, с первого дня в училище я слегка щеголял подчеркнутым соблюдением устава. (Как же: Юрочка Левитин — черт бы меня побрал!) Каперанг листал мое личное дело.

— Тут написано, что вы учились на первом курсе МИИТа. Насколько мне известно, студенты железнодорожных институтов пользуются броней. Почему вас исключили? — Я завалил сессию.

— Судя по аттестату зрелости, в школе вы учились хорошо: я смотрю, тут у вас только одна тройка по химии, все остальные — пятерки. Не похоже, чтобы вы могли завалить сессию, — даже с тройкой.

— Я хотел на фронт. И как только мне исполнилось второго июня восемнадцать...

— Понятно. Самый простой способ лишиться брони. И здесь вы проделали тот же трюк: так? — Я промолчал. Врать уважаемому всем училищем каперангу не хотелось. — А вы подумали, что своим рапортом оскорбили курсантов и первого, и второго, и, думаю, третьего курса? — в голосе офицера проскользнула трудноопределимая интонация: угроза, возмущение, может быть даже презрение...

— Почему? — растерянно спросил я.

— Да потому, что получается — вы здесь самый большой патриот! Все отсиживаются в тылу — только вы один рветесь на фронт! — Я растерянно молчал: в таком аспекте я никогда не размышлял. Выходит, и в институте я тоже неосознанно оскорбил моих товарищей... — Государство дает броню, потому что ему важнее подготовить специалистов в данной отрасли, чем получить несколько десятков солдат. Тем более, будем откровенны, восемнадцатилетние мальчишки не солдаты, и они обречены...

Он говорил, и каждое слово вгоняло меня в краску: в сорок первом, отступая с военно-морской базы из Таллина, именно тот курс, начальником и воспитателем которого был каперанг, подставил борт своего эсминца под торпеды, выпущенные в крейсер «Киров». Погибли почти все. Иевлев был очень тяжело ранен и спасся случайно.

— Училище озабочено подготовкой офицеров на будущее. Но вы посчитали свое личное желание сражаться на фронте выше политики государства, продиктованной его стратегическими интересами... Вы должны...

— Я ничего не должен этому государству! — сорвался я.

— Почему? — Вопрос последовал мгновенно, как выпад рапиры.

— Да потому... — меня захлестнула какая-то злая радость, желание хоть раз сказать правду о своей семье, я был на грани истерики, я просто кричал: — Мой отец си-

дел, тетка сидит. Двоюродная бабушка в свои шестьдесят лет сидит... Дядя сидит. Всех не перечислишь! Я не писал этого в автобиографии, потому что отец был на фронте и у него чистые документы, выданные в госпитале. А про бабушек, тетушек и дядей, слава богу, кадровики не догадались спросить.

— Так... Значит, ты государству ничего не должен, потому что оно твою семью пересадало. Но на фронт защищать его ты рвешься.

— Может быть, именно поэтому. Защищать Родину! — Я умолк, смутившись собственной выпренности. Иевлев долго молчал, потом перелистал личное дело.

— Девичья фамилия твоей матери — Выголова. Очень редкая фамилия... — неожиданно сказал каперанг. Я не понимал, куда он клонит, и мрачно ответил:

— Угу.

— Константин Александрович Выголов — ее брат?

— Да, — растерянно кивнул я и, как бы в свое оправдание, сказал: — Он из черных гардемарин.

Из «черных» — значит, не из дворян, а из разночинцев, взятых в элитное училище из-за острой нехватки грамотных морских офицеров перед Первой мировой войной. «Но откуда он знает о дяде Косте?» — с тревогой подумал я.

— Я тоже из черных гардемарин. И моих родственников тоже репрессировали — а я служу Родине. И я не один такой. Адмирал Исаков, писатель Леонид Соболев...

— Он не из черных, — буркнул я, поймав на себе удивленный взгляд каперанга. — И старший брат его не из черных...

Я умолк на полуслове. Не объяснять же ему, что тетя Вера, безумно интеллигентная старая дева, всю жизнь проработавшая в университетской библиотеке (той, что располагается в знаменитой ротонде), переводила с французского и с немецкого библиографию, носила нам редкие книги и, по моей просьбе, кое-что раскопала о Соболеве... Впрочем, какое все это имеет отношение к моему стремлению попасть на фронт?

— Через четыре года флоту будут крайне необходимы образованные офицеры, — продолжил каперанг.

— Но Костя уехал, потому что это была не его война, — без всякой логики сказал я.

— Были у его родителей поместья, заводы, фабрики? — опять задал каперанг стремительный, как выпад рапиры, вопрос.

— Нет. Дед был всего-навсего капитаном буксирного парохода.

— А вы не хотите продолжить семейную традицию?

— Я хочу в действующий флот! — начал кричать я. — Я не могу презирать тех, кто отсиживается в тылу за броней института: среди них много моих друзей. И не могу презирать курсантов Фрунзенки. И я ненавижу тех, кто решил бороться с советской властью на стороне немцев. Я просто хочу на фронт!

— У каждого свое представление о патриотизме, — проворчал не очень понятные мне тогда слова каперанг и подписал мой рапорт. — Можете быть свободны, матрос Лиманов.

Вечером следующего дня я оказался в Балтийском флотском экипаже и сразу же выяснил, что маршевые роты на Ленфронт, в морскую пехоту, формируют раз в неделю. Предстояло ожидание...

Вместо маршевой роты я попал в распоряжение отдела кадров Бригады шхерных кораблей. (Шхерные корабли — это тяжелые катера, легкие торпедные катера и канонерские лодки, предназначенные для нанесения ударов по портам, базам, наземным скоплениям войск и для поддержки десанта.) Штаб дислоцировался в Кронштадте, а дивизионы — по всей Восточной Балтике, ибо бригада относилась к действующему флоту. Раз действующему — я успокоился.

В штабе мое начальство, пройдошистый мичман-сверхсрочник, немедленно пристроил меня ходить в караул через день, а в свободное время, вместо положенного отдыха, гонял на хозработы. С Кронштадтом я знакомился из кузова грузовика, в котором мы возили на базу то продукты, то какие-то ящики, то лесоматериал... Один раз мичман, в виде особого поощрения, устроил мне и еще нескольким салагам стрельбы на открытом полигоне. В полном восторге мы, не экономя патроны, полдня стреляли из автоматов и карабинов — и даже, в качестве награды, из мичманского ТТ. Оказалось, что навыки, полученные в тирах московских довоенных парков, нигде не пропали: из карабина я стрелял почти отлично, из автомата — сносно, а вот пистолет безбожно дергал при спуске, и я позорно мазал, не попадая даже в «корову» (так мы называли мишень в рост).

Неожиданно поступил приказ получить проездные документы вместе с запечатанным личным делом, погрузиться на корабль и отбыть в Хельсинки — тот самый Гельсингфорс, где происходило действие «Капитального ремонта». Оказалось, что корабль стоит на рейде: это был обыкновенный зафрахтованный финский сухогруз (на морском жаргоне именуемый «лайба», то есть просто «судно»). На нем установили счетверенный крупнокалиберный пулемет, одинаково пригодный и против самолетов, и против катеров, а в дополнение к финской команде появился расчет из пяти советских моряков под началом мрачного главстаршины.

...Слегка штормило. Десятка три матросов, следовавших в разные советские базы и гарнизоны, которые располагались на территории недавно вышедшей из войны Финляндии, поднимались на высокий борт разгруженной лайбы, карабкаясь по вырывавшемуся из рук канатному трапу. У одного салаги закружилась голова — и он уронил в море чемодан. Старшина с катера матюгнул его и прикрикнул, что, мол, впредь наука: матрос с чемоданом только увольняется...

В море разгруженную лайбу нещадно болтало: уже через полчаса почти все пассажиры либо притихли, либо стояли у бортов, выворачиваясь наизнанку. Не могу не похвастать: первая настоящая в моей жизни качка на меня не подействовала.

На грузовом причале в Хельсинки нас встретили старшины, по внешнему виду типичные писари-сверхсрочни-

ки, — как я уже знал, цари и боги в обыденной флотской жизни. Без суеты раскассирав прибывших, сбив строй и отправив его в неизвестную мне КК (потом я узнал, что так называлась Контрольная комиссия), занялись мною: внесли в какой-то реестр, вернули документы с запечатанным личным делом, всучили бумажку с направлением, торопливо объяснили, как идти к кораблю, назвав его по полевой почте, и отправили, лентяи, без сопровождающего. Это салажонка-то, в незнакомом, недавно еще вражеском городе, где меня запросто могли похитить недобитые шюцкоровцы...

Я шел по нешироким неизвестным улицам, ориентируясь по куполу стоявшего на пригорке православного храма, недалеко от которого, как мне сказали, расположена гавань, где я должен был увидеть флагшток военного корабля. Смеркалось. Я устало брел по городу, снег вихрился по асфальту, вокруг все было необъяснимо чужое, хотя если взять в отдельности, то дома такие можно было встретить и в Питере, асфальт давно уже залил улицы в наших крупных городах, вот разве что наличники оконных рам у нас не красили светлой краской.

Улица вывела меня к храму. На звоннице негромко перекликались колокола, напоминая верующим о скорой вечерней службе. Влекомый любопытством и необъяснимым чувством, я заглянул внутрь. В огромном помещении, утопавшем в полумраке, никого не было. Мне, воспитанному в атеистическом советском духе, все было внове и непонятно; я не знал названий многочисленных массивных, сверкавших позолотой подсвечников; меня оставляли равнодушным иконы, которые почти полностью были скрыты серебряными окладами, усыпанными драгоценными камнями. У некоторых икон мерцали лампы — вспомнилось выражение «негасимые». В глубине нефа прошел служка, взглянул на меня, так и стоявшего у двери, укоризненно покачал головой, и я, сообразив, сдернул бескозырку.

Когда я вышел из собора, уже стемнело. Я пошел, забыв, в каком направлении видел мачту корабля, но быстро заплутал и запаниковал: один, в чужом, еще недавно вражеском городе, с секретными документами на руках... К счастью, вскоре мне встретился матрос. Я бросился к нему и назвал войсковую часть. Он долго соображал и наконец догадался:

— Так это же канлодка «Красное Знамя»! Идем, салага, покажу, тут недалеко.

— А вы с «Красного Знамени»?

— Нет, я с «Азова», базы подплава.

Так, в одну минуту, я узнал кучу совершенно секретных сведений. Матрос вывел меня на широкий пирс, указал на стоявший вдалеке серый военный корабль, сказал: — Вон она, твоя канонерка, — и ушел.

Канонерская лодка «Красное Знамя» (или, по мнению финнов, советский «карманный броненосец») имела отличное вооружение: пять 130-миллиметровых полубашенных орудий, двенадцать новеньких, прибывших по ленд-лизу 37-миллиметровых зенитных автоматических пушек (так называемых Ак-ак), десяток крупнокалибер-

ных зенитных пулеметов и внушительную броню. Канонерка прошла славный путь: до революции она ходила под флагом адмирала Небогатова и называлась «Храбрый». В Отечественной участвовала с первого дня. Была потоплена на рейде у острова Лавансаари, за что торпедник получил высший орден Финляндии, затем поднята, модернизирована и — снова в строю! На ней подобралась отличная команда, в основном из уцелевших в морской пехоте, которые попали туда после потопления канонерки в сорок втором. Так на борту оказалось много матросов, призванных еще в довоенное время — в 1936–39-м годах. Они прошли отличную школу: ходили на канонерке в Англию на коронацию, где представляли Советский военно-морской флот, ходили в Стокгольм еще на какое-то торжество... Меня приняли хорошо и отдали под начало боцмана Ковалю, чтобы он «оморячил» салагу. Я плел маты, драил палубу, ходил под парусом на шлюпке, пока лед не сковал гавань, и, по личной просьбе боцмана, нес вахту только дежурным по камбузу, обедаясь после питерской жизни впроголодь. Потом я сделал карьеру: меня назначили установщиком прицела и целика.

Орудие наше, или, на матросском жаргоне, третья пушка, считалось веселым. Командир, старшина первой статьи Женька Андреев, призыва тридцать шестого года, застрявший на флоте из-за финской кампании, был неосвобожденным киномехаником — крутил фильмы и в офицерской кают-компании, и в большом кубрике для матросов. Подающий, Володя Балакирев, до войны был чемпионом флота в тяжелом весе по штанге: двухпудовые снаряды в его руках казались невесомыми. Первый наводчик Виктор Железняков (Железка) был по совместительству писарем строевого отдела. Его знал весь старшинский истеблишмент флота, ибо он дважды побывал в штрафных ротах, отличился в морской пехоте, да и характером обладал легким, веселым — настоящий питерский паренё с Лиговки.

Попад в комфортные условия жизни — чистое белье; каждую неделю стирка пресной водой (забортной — хоть каждый день); горячий душ, опять же, забортной водой (пресной — раз в неделю); удобные галюны, чистоту которых проверял сам боцман с помощью белого носового платка (и не дай бог ему запахаться); подвесные койки на пробковом матрасе (после экипажных продавленных кроватей ужасно удобные, и даже мягкие); уцелевшая под водой библиотека, где был даже томик «Капитального ремонта», — и ощутив радушие всего экипажа к салажонку, я, что называется, расцвел. Благодаря «щенячьему» возрасту и характеру я легко подружился со всеми «стариками», во время перекуров на полубаке травил байки из студенческой жизни, оформлял стенную газету, которая вдруг, к радости нашего «попа» (так мы за глаза называли замполита, тем более что фамилия у него оказалась уж больно соблазнительной: Монастырский!), стала выходить регулярно, с красочными рисованными заголовками и карикатурами, обычно на трех склеенных листах — благо ватман в Хельсинки можно было купить в любом писчебумажном магазинчике.

Именно благодаря стенгазете командир корабля отдал меня в «оброк» в Союзную контрольную комиссию, когда им дополнительно к штатному расписанию потребовался еще один чертежник. И я, мальчишка, гордо шествовал каждое утро через весь город к штабу Комиссии, где в обществе боевых офицеров, не ниже капитана второго ранга, непринужденно трепался, работая над очередной схемой. Мне предлагали позавтракать, но я только благодарил и ни разу не воспользовался любезностью офицеров — не из скромности, а потому, что каждое утро не отказывал себе в удовольствии заглянуть на крохотный молочный рынок, стихийно возникший на ступенях Эспланады между моим кораблем и огромным «Азовом», бывшим до войны пассажирским лайнером, а теперь превращенным в базу подводных лодок (ту самую базу подплава, о которой мне в первый день бегло сказал матрос). Рыночек жил за счет моряков, изголодавшихся по домашней еде. Мы покупали там изумительные молочные продукты — позже я такие встречал только в Эстонии: творог, сметану, простоквашу и свежие, ослепительно белые, с корочкой, булочки, выпеченные тем же утром и еще сохранявшие тепло. Если надрезать и вложить кусок масла, оно успевало даже немного подтаять...

Денег на эти роскошества хватало: платить нам стали не в рублях, а в финских марках. Тогда еще не придумали гениальное название нашим деньгам — «деревянные», но обозначали их не менее уничижительно: «бумажки». По загадочному пересчету одной валюты в другую, получалось вполне пристойно. И я роскошествовал. А куда копить?

Усевшись за чертежную доску, я быстро вспомнил все, что вдолбили в меня за первый год учебы в институте, и стал работать с рейсфедером и тушью почти профессионально. Мое самолюбие приятно щекотали похвалы. Тогда же я обнаружил, что все «господа офицеры», хотя и имеют высшее военное образование, излагают свои мысли на бумаге с трудом, коряво, и уходит у них на это уйма времени. Для меня же еще со школьных времен написание сочинений не вызывало никаких трудностей; я даже радовался им как возможности отдохнуть от всеобщей занудности других уроков. Я писал легенды (пояснения к картам) — писал, старательно выводя слова чертежным шрифтом, ибо «родной» почерк всю жизнь доставлял мне только трудности: обычно уже через час я и сам не мог разобрать, что накалякал. Меня поили вкусным кофе, водили в офицерскую столовую, чтобы мне не возвращаться к обеду на корабль, — словом, ухаживали.

Но самое замечательное начиналось после окончания рабочего дня. «Господа офицеры» убежали в свой отель, а я возвращался на корабль по ярко освещенному городу, снявшему затемнение с первого дня выхода Финляндии из войны; заглядывал в бары и «равентолла» (рестораны), залитые огнями рекламы, не рискуя сесть за столик, а просто любопытствуя; заходил в магазины, покупал открытки, акварельные краски, кисти, все это долго выбиравая и разговаривая при этом с продавщицей, как правило, или русской, или знавшей русский язык. Русских в Хельсинки жило много, и не все они были беглецами из

Совдепии: большинство просто осталось в городе, когда он оказался столицей независимой Финляндии.

А еще я с огромным интересом, этаж за этажом, исследовал (в полном смысле этого слова) огромный универсальный магазин, напоминавший московский «Мюр и Мерелиз», или «Мосторг», как его последнее время стали называть даже коренные москвичи. Ничего удивительного: строил их один и тот же архитектор. Здесь на прилавках было в изобилии разложено все, чего даже мы, избалованные москвичи, не видели уже многие годы. Оттуда я, влекомый ностальгией, чаще всего шел к хельсинскому «Елисееву». Да-да, это был огромный магазин, напоминавший внутренним убранством прославленный московский «Елисеевский», что в двух шагах от «Страстной площади имени Пушкина» (так однажды назвала ее бабушка моего одноклассника). Я входил туда: расписной потолок с огромной люстрой рождал ассоциации с храмом; прилавки, уставленные бочонками с красной, черной, зернистой и даже паюсной (откуда?) икрой, своим оглушительным запахом вызывали, по Павлову, неуправляемое слюноотделение, а цены на аккуратных ценниках напоминали, что я нахожусь «в капиталистическом окружении». Те вечерние неторопливые прогулки стали как бы платой за мой труд с рейсфедером.

Но через неделю я ощутил внутренний дискомфорт. Несложно было додуматься и до его источника. Чистая, сытая, спокойная, счастливая тем, что уже не воюет, Финляндия была побежденной стороной в войне, а мы — победителями, но, боже мой, мы жили на порядок, да какой там, на два порядка хуже побежденных. Почему? За что? Чем это объяснить? На этот отнюдь не гамлетовский вопрос не знали ответа офицеры ни канлодки, ни Контрольной комиссии. В их разговорах очень осторожно, часто намеками, проскальзывало лишь недоумение. Иногда оно прорывалось. Однажды мой непосредственный работодатель, милейший капитан второго ранга, офицер из комсомольского набора (не очень грамотного, но проверенного с точки зрения пролетарского происхождения), вдруг поразил меня, задумчиво пробормотав: «Не помню, кто из будущих декабристов, вернувшись из Европы, сказал, что солдаты принесли революцию на подошвах своих сапог»... Продлить его мысль было несложно. Советские матросы, насмотревшись на счастливое существование финнов «под гнетом капитализма», принесут сомнительные идеи домой. Удивительно, что «гению всех времен и народов товарищу Сталину» эта простая мысль пришла, к счастью, лишь в сорок восьмом — и только тогда, через три года после окончания войны, он начал очередной виток репрессий...

Мне же, несмотря на восемнадцать с небольшим лет, многое было понятным. Не случайно и отец, и две тетки, и бабушка, и дядя сидели в лагерях, а дома шепотом спорили о политике и об экономике, тем более что отец и дед были экономистами, а мать — историком. Мои родители и их друзья считали, что только черный гений Сталина умудрился богатейшую страну, благодаря энпу мгновенно (в исторической перспективе) сумевшую оправиться

от разрухи, столь же стремительно превратить в нищую. Его параноидальная подозрительность выкашивала все мало-мальски выдающееся в области политики, экономики и военного искусства, а подхалимствующая камарилья, людюшки типа Ворошилова или Кагановича, на своем уровне расправлялись с возможными соперниками во власти. Понадобились десятилетия исследований, чтобы умнейшие люди вскрыли более глубокие причины трагедии СССР. Но в те годы для мыслящих людей образ «параноика на троне» объяснял все исчерпывающе. Люди старшего поколения с тоской вспоминали наркомфина Сокольников, выдающегося руководителя времен энпа, при котором наш рубль котировался на Лондонской бирже наравне с долларом, а магазины были полны товарами, почти как ныне в побежденной Финляндии. Но ни я, ни даже старшие офицеры тех времен в СССР не застали, и мы потаенно вздыхали, глядя на возвращавшееся в страну Суоми капиталистическое изобилие.

Тем временем на корабль пришли два юнги, выпускники прославленной впоследствии Соловецкой школы юнг. Обоих сразу же назначили установщиками прицела и целика: одного — к нам на «веселую» пушку, на мое место, а меня сделали, к превеликой моей гордости, вторым наводчиком. Звали юнгу Володька, и характер у него был даже еще более щенячьим и восторженным, чем у меня. Мы подружились, разница в возрасте каких-то полгода давно стесалась рашпилем военной службы. Было еще одно: Володька происходил из очень интеллигентной питерской семьи. Судя по фамилии (Станюкович), он был потомком замечательного русского морского писателя, а судя по его довольно приличному разговорному французскому, можно было предположить, что дома, до войны, он успел получить начатки хорошего образования. Родители его исчезли во время эвакуации из Питера. Володька повсюду писал, разыскивая их, уже из школы юнг, но на тот момент ответа не получил. О происхождении своем он толком ничего не знал: во времена моей юности не очень-то распространялись о происхождении дедов и прадедов. Командир корабля, капитан третьего ранга Лоховин, по каким-то своим наблюдениям и соображениям считал его внучатым правнуком писателя. Второй юнга ничем особенно примечательным не отличался и потому не запомнился.

В разгар зимы в Хельсинки приехал прославленный Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова. Нас, матросов и офицеров канонерки, свободных от вахты, строем повели на спектакль. Взоры всех собравшихся в просторном фойе сразу же обратились на нас. Красота морской формы ослепляла: светлые травленные гюйсы; яркие полосатые тельняшки, крохотным уголком оттенявшие загорелую грудь; темно-синие форменки, сохранившиеся в рундуках запасливых стариков еще со времен довоенных заграничных походов и от пребывания в соленой воде только уплотнившиеся; отутюженные до бритвенной остроты складки клеша; «корочки», сверкавшие почти как лаковые полуботинки. Не случайно финны называли нас «русски эс-эс».

Великая балерина Наталья Дудинская, любимица Ленинграда, в те годы была на пике своей славы и мастерства. Ее прославленный партнер Константин Сергеев потрясал пластикой и элевацией. Не удивляйтесь этому слову: в моей московской компании крутилась одна молоденькая балерина — мы восторгались ею и даже влились на какое-то время в клаку, знали все сплетни, ловили многочисленные слухи, лихо судили о балете, а один из нас стал впоследствии крупнейшим балетным критиком.

Но вернемся к гастролям. Надо ли говорить, что и финны, и местные русские после каждого номера неистовствовали. Это, по сути дела, была одна из первых встреч финнов с советским классическим балетом. А теперь представьте себе двух шалопаев, внезапно обнаруживших, что прямо за спиной у них сидит семья, явно русская, с солидным седовласым папой во главе, подтянутой мамой и двумя очаровательными девицами: одна чуть постарше меня, другая чуть моложе Володьки. Как вы думаете: что мы сделали, стараясь привлечь их внимание? Заговорили по-французски. И не просто заговорили — а о балете. Я с видом знатока сообщил Володьке, что фурор у хельсинской публики напоминает мне успех русских сезонов Дягилева в Париже.

Это вызвало у наших соседей шок, сравнимый с впечатлением от балета. Шок настолько сильный, что мать семейства, презрев правила хорошего тона — не заговаривать, не будучи представленной, — задала нам простейший вопрос, что-то вроде «Вы матросы?» — видимо, единственное, что она знала по-французски. Мои знания языка ненамного превышали ее, поэтому Володька ответил длинной трескучей фразой, после чего мы благополучно перешли на русский. (Господи, какой хорошенькой показалась мне старшая!..)

В антракте отец семейства, Николай Андреевич, любезно пригласил нас в буфет, а мы, замороженные двумя парами голубых девичьих глаз, не нашли в себе силы отказаться. Разговор продолжался. Вернее, не разговор, а град вопросов, на которые мы едва успевали отвечать, удивляясь полной неосведомленности наших новых знакомых о происходившем в России. И странное дело: отвечая, я вдруг поймал себя на том, что выступаю, как оголтелый ура-патриот, выпячивая все, что только можно сказать хорошего о нашей стране — той самой, о которой я в мыслях иначе, чем несчастная, измученная кровавым параноиком, распятая на его бездарности и некомпетентности, не думал. Все второе отделение я размышлял над этим необъяснимым парадоксом. Видимо, Володька тоже почувствовал, что мы слишком приукрашиваем советскую действительность, и притих, но спросить меня прямо не решался.

Во втором антракте все повторилось. Оказалось, что Николай Андреевич родился и вырос в Москве, учился в университете и успел немного поработать в первопрестольной до переезда в десятом году в Финляндию. Среди моих друзей было немало студентов университета, и я хорошо знал все закоулки комплекса зданий на Моховой. Мы с Николаем Андреевичем стали дружно вспоминать и скамей-

ку перед медицинским факультетом (место свиданий для многих поколений), и проход к Зоологическому музею, и многие другие места. Но когда в своих воспоминаниях мы «вышли» из университетского комплекса на Манежную площадь, обнаружилось, что видим мы две совершенно разные перспективы: я — величественное здание гостиницы «Москва», а он — обжорные и охотные ряды, примкнувшие к невысокому и невзрачному со стороны Манежа зданию «Гранд-отеля».

Потом мы «пошли» вверх по улице Герцена — для Николая Андреевича она все еще оставалась Большой Никитской. Дойдя до величественного здания консерватории, мы умолкли, потому что он вдруг отвернулся, скрывая слезы. — И орган стоит в Большом зале? — спросил он осевшим голосом.

— И орган.

— Самая лучшая в Европе акустика! — вздохнул он, словно был пианистом или скрипачом. — Господи, какие счастливые часы я провел в Большом зале, слушая бесподобного Рахманинова! — Заметив мое удивление, он воскликнул: — Да-да, молодой человек, именно в мое время великий Рахманинов впервые начал выступать как пианист и сразу же показал себя лучшим в мире. Здесь мы не могли узнать о том, что происходило в России, хотя, казалось бы, рукой подать, но о его триумфах в Америке мы знали. А это правда, что Прокофьева не расстреляли?

— Правда. Его балет «Ромео и Джульетта» идет у нас во всех театрах.

...Переполненный впечатлениями, я долго не мог заснуть, ворочаясь на своей подвесной койке, — будить меня распыльному не пришлось. Я быстро оделся и последовал за ним, ничего не понимая и осыпая его вопросами. Но он ничего не мог ответить.

Мы перешли в офицерский отсек, где начинались каюты командного состава. В одной из них меня ждали незнакомый капитан-лейтенант и лейтенант, наш корабельный «смершак» — офицер таинственного и грозного СМЕРШа. Так, по-детски нелепо и страшно, назвал военную контрразведку лично товарищ Сталин: «Смерть шпионам». Когда уже взрослым я прочел труды Фрейда и его последователей, я понял, что в этом названии у вождя проявилось подсознательное: смерть для него была на первом месте, а шпионы и прочие предатели родины — на втором. Но тогда, в самом конце сорок четвертого, аббревиатура пугала и завораживала. А память о многочисленных репрессированных родственниках и знакомых тяжелым грузом ложилась на юношеское сознание. Словом, не скрою, я трусил...

«Смершак» объявил, что со мной будет беседовать его непосредственный начальник, предупредил, что следует говорить только правду, и ушел, оставив нас вдвоем. Утром я узнал, что в соседней каюте он беседовал с Володькой. Где в то время находились хозяева тех кают, офицеры канлодки, мы не знали, да нас это и не касалось.

Каплей вежливо спросил, когда и как я познакомился с господином Фоминых.

— С кем? — не понял я.

— С Николаем Андреевичем Фоминых. Вы беседовали с ним два антракта.

Не буду повторять всю нашу беседу, вернее допрос. Каплей, чью фамилию я так и не узнал, точными вопросами заставил меня рассказать все до мельчайших подробностей, не скрывая, что я все время был под наблюдением невидимого соглядатая, пропустившего только самое начало моего разговора с семейством Фоминых. Именно моего — ибо о Володьке не было сказано ни слова, будто его и не было на концерте: а ведь на первом этапе он был главной фигурой. Но я, обрадованный представившейся возможностью, и сам ни разу не назвал его, чем ужасно гордился. Позже в каюте появился пожилой старшина-сверхсрочник, и капель повторил все свои вопросы, а я — ответы, которые старшина записал четким писарским почерком на плотном листе великолепной финской бумаги, дал мне прочесть и подписать. Потом капель оставил меня одного и велел написать докладную на имя нашего смершака, в коей мне надлежало изложить на бумаге — тоже великолепной финской — все, что я ему рассказал. Отпустили меня только к подъему флага — и тут я увидел Володьку, выходявшего из соседней каюты...

Самое странное началось потом. Никто из матросов и офицеров не задал ни одного вопроса ни мне, ни Станюковичу. Больше того: на следующий день я, как ни в чем не бывало, пошел в Контрольную комиссию и продолжил работать с совершенно секретными документами. А когда с двумя спектаклями приехал ансамбль народного танца Игоря Моисеева, уже успевший прославиться в мире, мне ненавязчиво дали понять, что было бы неплохо, если бы мы с юнгой Станюковичем продолжили наше знакомство с семьей Фоминых.

Только тут в моем сознании все встало на свои места. До войны я прочел толстенный роман Николая Шпанова о шпионских страстях и имел кое-какое представление о работе контрразведчиков. «Со мной начали игру!» — понял я. Непонятно было только одно: каков объект этой игры? Не я же, мельчайшая сошка, и тем более не Володька. А кто? Кто-то из офицеров Контрольной комиссии? Или Николай Андреевич Фоминых? Я терялся в догадках и украдкой делился своими сомнениями с Володькой...

Надо ли говорить, что ансамбль Игоря Моисеева вызвал фурор не меньший, чем Кировский балет. И опять мы захлеб проговорили оба антракта, а гнусный юнга кокетничал с обеими девушками взапуски, пока я удовлетворял любопытство их родителей. Правда, он честно сообщил мне на следующий день, что старшая расспрашивала обо мне...

И снова был ночной допрос. На этот раз он шел сразу же под запись, и опять я писал докладную на имя «смершака». И вновь никаких дисциплинарных выводов не последовало. «Что происходит?» — мучился я незнанием...

Причудливы пути движения информации на флоте. Старшина первой статьи Женька Андреев, командир моего орудия и по совместительству наш внештатный кинемеханик, последнее время особенно часто крутил фильмы в офицерской кают-компани. Это были трофейные американские боевики, захваченные у немцев. Кстати, вскоре

после окончания войны трофейные фильмы хлынули на наши экраны: тогда мы посмотрели и «Трех мушкетеров», и «Сестру его дворецкого» с Диной Дурбин, где она потрясающе спела романс «Калитка», и фильм «Серенада Солнечной долины» с Гленом Миллером, от чьих мелодий все сходили с ума, и даже «Тарзана» с Вайсмюллером. Между тем на канонерке в Хельсинки нам почему-то показывали в основном бесподобного Фреда Астора с его четкой и физиономией грустного паяца. Переводил безотказно сам «батя», капитан третьего ранга Лоховин, и для офицеров, вроде бы обязанных знать английский, и для матросов, когда фильмы крутили в большом кубрике. Так вот: при перемотке очередной бобины Андреев случайно услышал, как кто-то из офицеров сказал другому, имея в виду наше шествие гастролеров в Хельсинки, что наши политотдельцы крайне заинтересованы в том, чтобы как можно больше русских финляндцев подали прошение о возвращении в Советский Союз. Зачем — и ежу ясно: эффектная пропагандистская акция на весь мир.

Не сомневаюсь, что всезнайка и умница Андреев обмолвился об этом в моем присутствии во время перекура не случайно. Он еще проверил, усек ли я информацию, задав провокационный вопрос: «Какой дурак откажется вернуться на Родину?» А я намотал на ус.

Следующий поход в концерт предполагался через неделю. Ждали приезда Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии — так сказать, орудия главного калибра в пропагандистском артобстреле, проводимом Политуправлением, ибо в их представлении не Дудинская и не Моисеев, а именно этот ансамбль представлял достижения нашей советской культуры наиболее ярко.

Всю неделю я мучился сомнениями. Как поступить? Продолжить ли свои ура-патриотические рассказы и тем самым, возможно, подтолкнуть Николая Андреевича к принятию рокового решения вернуться? Рокового — ибо кому как не мне было ясно, что его там ждет. Если не завтра — то через несколько лет, когда обязательно придет новый Ежов (тогда мы не знали, что он уже пришел в лице Берии) и начнется очередная «прополка», а когда «лес рубят, летят щепки», и две очаровательные девушки окажутся или в лагерях, или в нищете... Боже, пошли мне решение!

Собственно, никакой дилеммы не было: решение для честного человека существовало только одно — предупредить. Но как?

Судьбе было угодно пойти мне навстречу. В антракте старшая дочь — да простит меня Господь, не помню ее имени! — протянула мне руку и с сияющими глазами сообщила, что "рара" решил подавать прошение о предоставлении его семье советского гражданства и о возвращении на родину.

— И мы сможем встретиться с вами!

Боже, как я любил ее в этот момент: ведь она сказала мне, что я ей не безразличен! Но я взял ее руку и, склонившись, словно собирался поцеловать, прошептал:

— Вы должны отговорить отца от этой безумной мысли. Вас там посадят в концлагерь. Я знаю. У меня сидят многие

родственники, и сидел отец только за то, что до революции они были обеспеченными людьми. И у Володьки...

— Вы с ума сошли!

— Нет! Поверьте! Я умоляю вас, передайте отцу мои слова... — я поцеловал ей руку, и она, как благовоспитанная девушка, покраснев, попыталась вырвать ее, ибо не принято в хорошем обществе целовать руку незамужней девице. Она вырывала, а я ловил ее ручку, смотрел умоляюще ей в глаза и повторял: — Передайте, это безумие, безумие...

Мой рассказ о том, как я попытался сорвать поцелуй и что из этого получилось, «смершака» развеселил. Впервые за три наших ночных допроса капитан-лейтенант улынулся — и даже соизволил пошутить на свой, смершевский лад:

— Не обломилось, салага?

— Не обломилось! — обрадовано вздохнул я, понимая, что мне удалось счастливо миновать самый страшный риф.

Весной с двумя спектаклями приезжал оперный театр, но нас в Хельсинки не было: канонерка, наконец, к моей радости — да и к радости всего экипажа, — получила приказ на боевой выход в море. Мы потопили немецкую подводную лодку, сбили два самолета и поддержали высадку десанта...

О том, что Фоминых не вернулись в СССР, я узнал совершенно случайно: когда канонерка пришла из очередного похода на дозаправку в Хельсинки, я поехал в город на такси и разговорился с шофером, пожилым русским из бывших подпоручиков, осевших в Финляндии. Бывшие царские офицеры почему-то особенно любили дежурить в ожидании клиента у нашей канлодки: их не смущало даже то, что пассажирами иногда оказывались рядовые матросы. Это бесило особиста, но поделаться он ничего не мог. Я спросил у шофера напрямую, не знает ли он случайно, подали ли Фоминых прошение о возвращении. Шофер удивился, но ответил, что случайно знает: не подали. Я мысленно возликовал...

И опять, как стало уже привычным, новый виток моей жизни начался среди ночи. Рассыльный растолкал меня и передал приказ явиться к «бате». У командира корабля был «съют» — две каюты: одна — спальня, другая — кабинет с письменным столом, бесконечными книжными полками и крохотным пианино; был также собственный туалет с душем. Сохранилось все это великолепие с дореволюционных времен, когда на «Храбром» ходил еще адмирал Небогатов.

Я доложил, что явился. «Батя» привычно пошутил («Являются черти во сне!»), предложил сесть, и только тогда я разглядел на его письменном столе свое личное дело — то самое, которое несколько месяцев назад так внимательно изучал капитан первого ранга Иевлев. Что-то напряглось внутри: неужели списывают? Никуда с корабля уходить я не хотел, хотя первое время, когда мы отстаивались в порту, подумывал о Ленфронте...

— Фамилия вашей матери — Выгорова? — спросил «батя».

— Так точно.

— Был у нее брат?

— Братя, — уклончиво ответил я.

— Как их звали?

— Петр и Константин.

— Константин Александрович Выголов, — то ли спросил, то ли сообщил мне «батя».

— Так точно.

Мы шли по тонкому льду недоверия, опаски и недоговоренности. Я уже догадался, что «батя» каким-то образом знал дядю Костю в прошлой жизни, — да что там «каким-то», просто он тоже был черным гардемаринном, а может быть, даже и не черным: уж больно породистой была его удлиненная физиономия, и фамилия Лоховин говорила о далеких, восходивших к Петру Первому предках (русских, живших в Литве, скорее всего на Немане, где красную рыбу называли «лоховиной»). Но почему его интересовал мой родственник?

— Лиманов — тоже из моряков?

Слово тоже подтверждало: «батя» знал, кем был Константин Выголов.

— Отчасти, — не стал я вдаваться в подробности запутанного происхождения своей фамилии.

— Где-нибудь в анкетах о Константине писал? — спросил Лоховин, внезапно перейдя на ты.

— Нет.

— Докладывал?

— Нет... то есть да. В Училище имени Фрунзе — капитану первого ранга Иевлеву на его прямой вопрос...

— Господи! Иевлев! — воскликнул, не дав мне договорить, «батя». — Неужели еще служит? Его же торпедировали: весь флот знает! Значит, в училище осел... Старый шарман! Выходит, это он тебя на канонерку направил?

— Никак нет: на канонерку меня направили из Балтийского флотского экипажа.

— А какого черта ты из училища удрал? Не верю, что студент-путеец не смог сдать экзамены!

— На фронт хотел. И из института — потому что хотел на фронт, и из училища...

— А тебя вместо окопов — на корабль. Ай-я-яй... — «батя» укоризненно покачал головой. — Значит, кроме Иевлева, никто не знает...

— Чего не знает, товарищ капитан третьего ранга?

— Что твой родной дядя — тот самый мичман флота Его Императорского Величества Константин Выголов, который ушел за границу вместе с адмиралом Колчаком после затопления Черноморского флота в Новороссийской гавани. О чем многим бывшим гардемаринам известно.

— Значит, вы тоже из гардемариннов? — решил уточнить свою догадку я.

— Никогда этого не скрывал и писал во всех анкетах, так что могу ответить: да. Что же будем делать? — неожиданно спросил он.

— В каком смысле, товарищ капитан третьего ранга?

— В прямом. Писарь строевой части старший матрос Чугунов вместе с тремя другими «стариками» был задержан комендантским патрулем в состоянии крайнего опьянения. С пьяных глаз они атаковали финский полицейский участок и с криками «бей шюцкоров!» уложили всех на пол. От председателя Контрольной комиссии каждый получил по двадцать суток строгача с содержанием на гарнизонной

гауптвахте. Я уже ездил — пытался хотя бы Чугунова вызволить, перевести его к себе с содержанием на корабельной гауптвахте, — но мне сказали, чтобы я не нудил, ибо на «Красном Знамени» нет гауптвахты и это не тот случай: проще найти другого писаря. Я стал искать по личным делам — и вот, нашел... недобитую контру. Кто мне тебя, матрос Лиманов, в особом отделе утвердит писарем с таким происхождением?

— При чем тут происхождение? У меня за кормой чисто, товарищ капитан третьего ранга. Отец после контузии лежал в госпитале и получил чистые документы.

— Так у тебя еще и отец сидел! — сделал свой вывод «батя». — А ты на фронт рвался — зачем?

— Родину защищать! — буркнул я, понимая, как глупо и выпендрено звучат в таком ночном разговоре эти слова.

— С другой стороны, особисты, вроде, доверили тебе...

И тут я внезапно все понял. Ему нужен был писарь вместо Чугунова. Грамотный, сообразительный, а главное, такой, кому можно было бы доверять. Он остановился на мне: я был почти свой, почти из касты... Но не стал ли я после ночных допросов сексотом? Вот что его мучило. У него был единственный способ проверить это: задать мне какой-нибудь «хитрый» вопрос, чтобы узнать, посоветовал я своим театральным знакомым возвращаться в СССР, выполняя задание особистов, или же, наоборот, предупредил их о том, что их там ждет, и предостерег от рокового шага. А он все не решался и топтался вокруг дяди Кости, как бы подтверждая нашу кастовую общность...

— Надо же, — услышал я его слова, — только сейчас заметил, как ты на него похож. Я ведь корешился с ним и первым стал называть его «Тыголов», объясняя, что не желаю обращаться к нему на вы. Это потом уже и Соболев, и Абрамович-Блек (кстати, оба ныне стали писателями) подхватили... — Внезапно он решил: — Так как: уговорил своих новых знакомых возвращаться на родину?

— Наоборот! — ответил я и, совсем не по-военному, дополнил: — Честное слово, я предупредил и отговорил их. — А чтобы уж все было ясно, добавил: — Я ничего не подписывал.

Так я стал неосвобожденным писарем строевой части. И только благодаря этому заблаговременно узнал о приказе наркома обороны, по которому нас, матросов 1926 года рождения, задерживали на флоте еще на пять лет. Особенно не раздумывая, я решил, что не стоит нарушать предсказания Пиковой Дамы, и стал пробиваться на морской факультет Военного института иностранных языков, о котором услышал, еще будучи в московском флотском экипаже.

Повторю: пути военных неисповедимы. После окончания Военного института, несмотря на некоторые изъяны в анкете (кстати, просмотренные гбэшниками), я попал в распоряжение разведуправления Генерального штаба, отсюда — в радиоразведку, а через год оказался — не стану описывать все перипетии моего служебного пути, но, можете поверить, в нем были и взлеты, и загогулины, — переводчиком особого радиоразведывательного отряда, дис-

лоцированного на Чукотке, в двенадцати километрах от бухты Провидения.

Три года я безрезультатно устилал свой путь рапортами с просьбой об увольнении в запас. На меня махнули рукой, и за любое прегрешение я получал максимум сутки домашнего ареста с исполнением служебных обязанностей. При этом командир части приговаривал: «Он уволиться хочет, знаем мы...»

Но мне повезло. Каждый, кто отслужил три года на Чукотке, имел право выбора военного округа для продолжения дальнейшей службы. Все выбирали, естественно, западные округа. Однако именно меня не спросили, где я хочу служить, а приказом оставили на Дальнем Востоке, и не где-нибудь, а в Советской гавани — месте, в те годы мало чем отличавшемся от Чукотки. От тоски я загулял, ходил с новоприобретенными друзьями из одного владивостокского ресторана в другой, но разбавленная ресторанным водкой не брала закаленный чукотским спиртом организм. Однажды я шарханул стакан спирта в надежде, что удастся заснуть, но возбуждение было столь велико, что я, вместо гостиницы, побрел на почту, взял бланк и накатал телеграмму Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Н.С. Хрущеву с жалобой на действия отдела кадров. И еще приписал, что прошу меня уволить в запас.

Не секрет, что жалобы писали тогда все, кому не лень. Тысячи в день. Они проваливались в тартарары, а писавшие в лучшем случае получали уведомление о получении и о том, что жалоба направлена «по принадлежности». И вдруг я получаю ответ: моя жалоба рассмотрена, и для дальнейшего прохождения службы мне предлагается Белорусский военный округ. Уже на следующий день я вылетел в Москву, рассудив, что девять суток, положенных мне на дорогу и сэкономленных благодаря самолету, я-то уж, во всяком случае, смогу отгулять в Москве и только потом поеду в Минск, в штаб округа...

Но в Москве, после чукотской тоски, послал мне Бог фантастический роман с женщиной, судьбой и природой предназначенной для генералов и лауреатов, а никак не лейтенантов... В Минск я приехал с опозданием на три месяца, готовый к любому взысканию. Любому — но не тому, что уготовила мне судьба!.. Принял меня сам начальник управления кадров, полковник. И первым делом спросил, хитро посмеиваясь:

— Скажи, старлей, ты это специально так написал?

— Что «так написал»? — не понял я вопроса.

— Ну, фамилию Никиты Сергеевича через О: «Хрущов». Чтобы на тебя обратили внимание?

Бог мой, только сейчас я сообразил, до какого состояния тогда допился!

— Нет, — ответил я честно. — Просто перебрал.

— А почему три месяца в Москве задержался? Тоже перебрал?

Отеческий тон полковника-кадровика был необычен: казалось бы, меня должны распекать, метать громы и молнии. — Увы, — покаянно сказал я. — После Чукотки как не перебраться...

— Вот и упустил свой шанс! На тебя пришел приказ об увольнении в запас, но, коль скоро выполнить его мы не смогли, пришлось отменить по истечении уставного срока.

На меня словно упал потолок. Я зашатался, все поплыло перед глазами, а потом, чуть придя в себя, заорал на полковника:

— Зачем! Отмените отмену!!

Если бы кто видел садистическую улыбку на его губах! Он елейным голосом объяснил мне, что дважды в одну и ту же реку не вступают, тем более в армии, и что мне придется ехать к месту дальнейшей службы...

Я шел в гостиницу, повторяя про себя:

— Бюрократический идиотизм, сволочизм, месть фатума и плата за московский роман не по чину...

Но нет худа без добра: пока я прогуливал свое несостоявшееся увольнение, закрылась единственная вакансия в единственном на весь округ дивизионе радиоразведки, расположенном недалеко от Минска в городке Воложин. А меня, после долгих размышлений, кадровики направили переводчиком в штаб дивизии, дислоцированной в городе Лида, под Гродно. Я так подробно все описываю, потому что из разведки практически не увольняют. А из строевой дивизии, да еще неполного состава, меня уволили после первого же серьезного нарушения дисциплины. И если командир на Чукотке, вклеивая мне сутки домашнего ареста, говаривал: «Он уволиться хочет», то здесь меня вышибли из армии за милую душу: близилась хрущевские сокращения Вооруженных Сил.

Я вернулся в Москву. Для этого мне понадобилось немного больше, чем пять лет, которые я отслужил бы на флоте до демобилизации, зато у меня были высшее образование, профессия в руках и жизненный опыт. И все-таки, даже в свои двадцать восемь лет я оставался удивительно наивным. Я начал ходить по редакциям газет в поисках работы. Первой была газета «Правда». Там на меня посмотрели, как на ненормального, и пожилая кадровичка, сжалившись, пояснила, что к ним не приходят спрашивать работу с улицы, а присылают из ЦК партии.

Словом, я обошел все газеты, издававшиеся в городе Москве. В последней, самой что ни на есть непрестижной (хотя и с миллионными тиражами) «Учительской газете» меня взяли, как я шутил, «установщиком прицела и целика», то есть на самую младшую должность в редакции — литсотрудником отдела писем. Через два месяца меня послали в первую командировку, а в качестве наставника дали Петра Глаголева, одного из старейших журналистов не только «Учительки», но и всей Москвы. В поезде мы немного выпили, и Глаголев спросил меня, не родственник ли я некой Надежды Андреевны Лимановой.

— Как же, родная тетя, — осторожно ответил я. Она все еще жила на поселении после отсидки, и я не торопился афишировать свои родственные отношения.

— Какая женщина! — вздохнул Глаголев. — Я работал с ней, когда мы назывались не «Учительская», а «За копейку», то есть «За коммунистическое просвещение». — После такого вступления я, уже не сдерживаясь, рассказал о любимой тетушке все. Мы повздыхали, выпили еще, и Глаго-

лев сказал: — Все люди делятся на тех, у кого перо вставлено в руку, и на тех, у кого оно вставлено в задницу. Если в руку, то никаких журналистских институтов и факультетов оканчивать не надо. Вот у Надежды Андреевны оно было в руке: лихо писала, может быть, даже слишком лихо — за что и села.

На этой мажорной ноте мы легли спать, и я долго мучился, вспоминая свои эпизодические опыты с писаниной: в руке ли у меня перо или в...

Прочитав первые наброски моей будущей статьи, Петр Васильевич хмыкнул и сказал, что все в порядке: перо вставлено куда надо. В дальнейшем он учил меня только одному: как беседовать с героями будущих очерков, как помогать им раскрыться, а не загонять в тупик глупыми вопросами.

Мы вернулись в редакцию, отписались, и я был переведен в «длинный» отдел — назывался он так потому, что его полный титул занимал целую строку: Отдел критики, библиографии, литературы, искусства, международной жизни и юмора. Кстати, это был тот самый отдел, в котором, по словам Глаголева, подвизалась моя тетушка в середине тридцатых годов. Заведовал отделом Виталий Раздольский — интереснейший человек, оказавший колоссальное влияние на мою дальнейшую жизнь. Болезненный — после ранения у него развилась язва желудка, и он сидел на строжайшей диете, — язвительный, утонченный, остроумный, он вызывал у женщин желание опекать и голубить его, чем, скажу по секрету, он умело пользовался. Раздольский сочинял отличные иронические стихи и юмористические монологи к нашим редакционным капустникам. А еще он писал пьесы. Прямо на работе, ибо дома у него не было условий. И потому ему был нужен литсотрудник, способный взвалить на себя всю работу отдела. Я рвался стать таким литсотрудником, и мы поладили. Он платил мне тем, что рассказывал о своих хождениях по мукам: по литературным частям театров, по режиссерам, об унижениях и невзехах, потраченных в ожидании ответов. Он рассказывал, а я пропитывался ядом театра, и его капли падали на унавоженную почву.

Всю свою жизнь я, так или иначе, шел к театру. Помню первое свое выступление в шесть лет. Отца уже арестовали, а мать, как ЖВН, не сумела устроиться на работу и организовала частный детский садик, что еще было возможно на излете нэпа. Летом и осенью мы гуляли в парке Третьего Дома Советов — был такой в Москве, за прекрасным зданием бывшего загородного дворца бояр Стрешневых на Садовом кольце, — а зимой мы разыгрывали скетчи. Потом была секция в Центральном детском театре. Потом школьный драмкружок. Потом эвакуация, поселок, заброшенный в горах Алтая, и потрясающая среда эвакуированных — с Пиковой Дамой, драматическим кружком и поездками по госпиталям с гастролями...

Там я подружился с Матвеем Иофьевым, будущим театроведом. Мы вернулись из эвакуации: я пошел учиться, а он поступил в Камерный театр рабочим сцены. Я пропал у него, прогуливая и лекции, и практические занятия. Впрочем, вся наша пестрая и шумная компания

того времени либо паслась в Камерном театре, либо, как говорят сейчас, тусовалась вокруг артисток кордебалета Большого театра. Пожалуй, только на канлодке «Красное Знамя» я не пытался создать театр — не было актрис.

В Военном институте в моде была эстрада, ее кумиром стал Михаил Анчаров. Многие еще помнят его как автора первых бардовских песен и первого многосерийного телеспектакля «В нашем доме» с потрясающим Грибовым в главной роли. Я дружил с Анчаровым и потому был удостоен чести иногда мелькнуть на втором плане его блестящих выступлений. А потом была Чукотка, где я немедленно организовал драмкружок. Правда, после первого же спектакля он благополучно развалился, потому что офицеры, мужья наших актрис, сидели на всех репетициях, мешая творческой работе и ревниво следя за тем, чтобы их жен не лапали солдаты-артисты.

Так что мой путь к театру был закономерным — Раздольский лишь подсказал направление: не критика, где плотным строем стояли выпускники театроведческого факультета ГИТИСа (обливавшие презрением всех, кто пытался писать о театре, не будучи «своими»), а творчество в высшем понимании этого слова: творчество драматургическое.

И все же я писал о театре в своей газете. По необходимости — ибо Раздольский писать статьи не успевал, а приглашать именитых авторов в нашу малопrestiжную газету было делом практически невозможным. Иногда, ради старой дружбы, критические обзоры пьес для юношества давал нам Матвей Иофьев, ставший к тому времени заметной фигурой в молодом театроведении.

Потом была работа в «Литературной газете», где я увлекся международными фельетонами и даже создал собственную рубрику «Портреты без грима», черпая материал из английских и американских газет. Их мы получали с опозданием на две, иногда три недели, что для моих портретов значения не имело. Меня пригласили в АПН, и я не устоял перед перспективой поездки на постоянную работу за рубеж... Увы, я вновь оказался наивен: бывший офицер радиоразведки не мог и мечтать о зарубежной работе, не подрадившись в ГБ.

Словом, я оказался невыездным на многие годы — не помню точно, сколько должен был продолжаться тот «карантин». И мы с женой, уже собравшиеся в Европу, остались дома. Жена отнеслась к отказу спокойно: к тому времени у нас родился сын, и она целиком ушла в материнские хлопоты.

А через пару лет произошло нечто невероятное: директор Малого театра, известный театральный деятель, критик и эссеист Александр Васильевич Солодовников, пригласил меня на беседу и предложил пост завлита. Точнее — руководителя литературного отдела театра. Мог ли я отказаться от такой заманчивой возможности узнать театр изнутри?

Я пришел со своим списком произведений, которые хотел бы рекомендовать художественному совету. У меня к тому времени за спиной уже был опыт члена редакционной коллегии, переводчика двух пьес, автора нескольких оригинальных исторических пьес и инсценировок, и было свое видение репертуарной политики театра: рус-

ская классика — на основной сцене Дома Островского, современные пьесы и инсценировки — на сцене филиала (на Ордынке). Одним из первых для инсценирования я назвал роман Леонида Соболева «Капитальный ремонт» — произведение, казавшееся мне словно созданным для Малого театра.

И тут начались неожиданности. Некоторые члены худсовета засомневались. Я начал продавливать идею. Пригласил автора романа на заседание худсовета театра. Соболев в те годы был Первым секретарем Союза писателей России, по сути вторым лицом в русской литературной иерархии. Он рассказал о времени, которому посвящен роман (последние месяцы перед Первой мировой войной), о нравах, царивших на линейных кораблях царского флота, о своих корешах.

После худсовета, принявшего единогласное решение запустить роман в работу, я пригласил Соболева в литчасть. Обставленная «антикварной» мебелью — работы наших театральных краснодеревщиков, которыми испокон века славился Малый театр, — уставленная шкафами с пьесами и книгами, с двумя роскошными старинными письменными столами и напольными часами XIX века, литературная часть обычно производила на посетителей неизгладимое впечатление. Не стал исключением и Соболев. Он ходил от шкафа к шкафу, полюбился изумительным саксонским сервизом (его как-то забросили ко мне после снятия спектакля, в котором он входил в реkvизит, да так и забыли), уставился на полочку с надписью «Непроходимые пьесы» и принялся расспрашивать, что это такое. Эта полка была моей находкой, моим вкладом в завлитскую профессию. Все же, как ни смотри, а был я главным завлитом страны — так же, как Малый театр был головным театром. Пожалуй, только МХАТ в лице его многолетнего завлита Аркадия Кесслера, с которым мы приятельствовали и обменивались пьесами, мог потягаться со мной за этот титул. Тем временем мой помощник, удивительный человек Юра Добронравов, побежал за коньяком. Не поить же первого секретаря водкой!

Юру привел ко мне директор-распорядитель Малого театра Анатолий Колеватов — тот самый, которого прославленный импресарио Сол Юрок назвал единственным настоящим менеджером в СССР. Выпускник Театрального училища имени Щукина, Колеватов так и остался на всю жизнь вахтанговцем, хотя в разное время работал директором Ленкома, Малого театра, Театра оперетты, а затем Госцирка, где и оказался замешанным в интриги вокруг Галины Брежневой. С Толей я сошелся с первых дней. Он любил заскочить в литчасть, «почитать новую пьесу» (в смысле пропустить пару рюмок водочки, каковая у нас не переводилась), посплетничать и умчаться по своим делам. Юру он называл недотепистым гением, которого нужно лелеять и опекать...

Я объяснил Соболеву, что такое «непроходимые пьесы». Настоящему писателю не надо было втолковывать долго. Он хмыкнул, и тут ему в руки попала пьеса, вернее, инсценировка «Доктора Живаго», в те времена занимавшая первую позицию в списке «непроходимых». Я смутился:

как и все в мире литературы, я знал о выступлении Соболева во время исключения Пастернака из Союза писателей. Пробормотал что-то вроде того, что роман мне не нравится — это правда: я до сих пор не могу понять, за что его так вознесли, — а инсценировка отличная.

Мои слова только усугубили неловкость, но тут вернулся Добронравов с коньяком, лимоном и плиткой шоколада. Мы сели за антикварный стол и приняли на грудь. Соболев спросил, откуда у моего заместителя такая театральная фамилия. Я с облегчением принялся расписывать ему Юру: автор инсценировки «Десять дней, которые потрясли мир»; ассистент самого Юрия Петровича Любимова, осмелившийся первым в Театре на Таганке восстать против авторитета мэтра; автор инсценировки «Конармия» в Театре имени Вахтангова.

От «Конармии» и воспоминаний о Бабеле мы естественно перешли к флоту, к черным гардемаринам. Соболев сразу вспомнил Костю, назвав его «Тыголов», и удивился, узнав, что он мой дядя; припомнил и Лоховина. Действительно, мир тесен!.. Словом, хорошо посидели. Пили за будущий спектакль, нарушая тем самым одно из основных правил театра: не говорить гоп, пока не поднимется занавес. На память об этих посиделках в литчасти у меня остался томик «Капитального ремонта» с дарственной надписью автора...

...Время шло. Из творческого отпуска вернулся Михаил Жаров. Он был не только ведущим артистом и членом худсовета, но также парторгом театра и членом бюро МК КПСС. Он прочел написанный к тому времени первый вариант инсценировки — и испугался. Каким-то необъяснимым «верхним» чутьем он уловил в материале что-то антисоветское и немедленно побегал в Московский комитет партии проконсультироваться. Конечно же, они всегда предпочитали бдеть, а не пропускать. Словом, идеологические сомнения там были поддержаны, и Жаров стал добиваться снятия «Капитального ремонта» из перспективного плана театра.

Тут я с ужасом узнал от директора-распорядителя театра Колеватова, что директор театра Солодовников — тот самый, про которого остряки, что он был директором «большого малохудожественного театра» (он действительно в разное время руководил и Большим, и Художественным театрами, а теперь возглавлял Малый), — пригласил Леонида Сергеевича Соболева, чтобы посоветоваться относительно своего гениального плана: пойти в ЦК, где у него были давние заручки в отделе культуры, и намекнуть, что запрещение «Капитального ремонта» может быть понято определенными кругами интеллигенции как месть Соболеву «левых сил» за его позицию в деле Пастернака.

— Ну, и что Соболев? — с беспокойством спросил я у Колеватова.

— Категорически запретил предпринимать такие шаги.

— Слава богу!

— Но ты же так боролся за этот спектакль! — хохотнул Колеватов.

— Понимаешь, Толя, можно не любить Бориса Леонидовича, можно не признавать «Живаго», можно, наконец, ошибиться, как ошибся Борис Слуцкий, когда решительно выступил против Пастернака, а позже долго каялся, — но нельзя на этом спекулировать!

Инсценировку сняли из перспективного плана, однако нападки на литчасть продолжались.

Мы с Юрой Добронравовым досиживали в литчасти последние дни, ничего не делая. Пьес нам не присылали — слух о моей отставке уже разлетелся по Москве, телефоны не звонили, справок никто от нас не требовал. И вдруг раздался звонок.

— Говорит Соболев, — в трубке прозвучал знакомый голос. — Я знаю, что моя пьеса снята из плана, знаю, что вы подали заявление об уходе, и хотел бы заехать к вам, попочтаться с вашей уютной литчастью.

«Как элегантно сформулировано!» — подумал я и сказал, что всегда рад его видеть. Через полчаса Соболев вошел, чуть пригнувшись в двери: высокий, грузный, постаревший, с отеками под глазами, чем-то неуловимо напоминавший генерал-лейтенанта графа Алексея Алексеевича Игнатьева. Подойдя к шкафу с «непроходимыми пьесами», он мельком оглядел их и остановился, изменившись в лице: рядом с инсценировкой «Доктора Живаго» стояла инсценировка «Капитального ремонта». Я совсем забыл о том, что ее поставил туда Юра, любитель гэгов, каламбуров и пикантных ситуаций не только на сцене, но и в жизни. Я бросил на него грозный взгляд — а он смотрел на Соболева с нескрываемым любопытством и, как мне показалось, с восторгом.

«Диссидент хренов!» — подумал я... Коньяк мы пили все из тех же фарфоровых чашечек; закусывали лимоном, посыпая дольки молотым кофе, смешанным с сахарным песком; говорили о прихотливых путях театрального успеха и о том, что на море, даже в самый страшный шторм, все гораздо проще, чем на суше...

— Переиздали мой давний сборник «Морская душа», — сказал Леонид Сергеевич. — Я привез вам только что полученный из типографии экземпляр с дарственной надписью.

Что-то предательски защекотало в носу. Старый моряк приехал морально поддержать другого моряка, салагу по сравнению с ним, и сделал это самым простым образом — признал в нем морскую душу...

Через год Соболева не стало. Оборвалась последняя ниточка, связывавшая меня с никогда мною не виденным, но таким родным дядей Костей.

Театральная осень в Будапеште

Алла Зорина

Осень в Будапеште выдалась замечательно красивой и удивительно теплой. Казалось — это организаторы фестиваля позаботились о том, чтобы участникам из Эстонии, Латвии, Белоруссии, России, Германии, Австрии, Болгарии, Финляндии, приехавшим в столицу Венгрии на Международный фестиваль русских театров зарубежья «Лукоморье», было комфортно.

В. Вайкерт и актеры театра из Эстонии «Другое небо»

Фестиваль посвящался 150-летию со дня рождения К.С. Станиславского, и в качестве гостя пригласили Театр-студию «САД» из города Похвистнево Самарской области, явного приверженца психологического театра, со спектаклем «Светлые души» по рассказам В.М. Шукшина в постановке Алексея Якиманского. Показом «САДА» заканчивался фестиваль, и это был красивый финальный аккорд, отозвавшийся в сердцах зрителей «привкусом» светлой ностальгии. Актеров долго не отпускали, шукшинские герои в проникновенном исполнении «садовцев» словно перекинули мосток в зрительный зал, не оставив в нем равнодушных. Кто-то, выходя из зала, светло улыбался, кто-то вытирал набежавшие слезы...

Но вернемся к началу этого форума. Фестиваль проходил на сцене Русского Центра Культуры, он находится в самом центре Будапешта и расположен в уютном особняке, построенном несколько десятков лет назад. На сцене центра играет свои спектакли Русский театр, которым более 15 лет руководит Зинаида Соколова-Зихерман.

Программа фестиваля строилась таким образом, чтобы приехавшие театры успевали показать свои спектакли, позаниматься в мастер-классах и хоть немного увидеть город, который покоряет всех с первого взгляда.

Встреча за круглым столом

Для проведения занятий были приглашены: Сергей Соболев, актер Театра на Литейном, руководитель Международной театральной лаборатории «ТеАТР 05» из Санкт-Петербурга и Григорий Кофман из Берлина. Григорий в этот раз выступил в двух ипостасях — в первый день он показал моноверсию «кОлесО» в качестве исполнителя.

К вечеру первого дня фестиваля практически все участники были на месте, даже группа Театра «Другое небо» из эстонского города Силламяэ, которая приехала в Венгрию на микроавтобусе, преодолев довольно большое расстояние. Двери Российского Центра Культуры радушно распахнулись для участников и зрителей, фестиваль был открыт. Благо, места здесь хватало для спектаклей, мастер-классов, круглого стола и для того, чтобы организовать питание участников. Актеры с удовольствием и азартом занимались в мастер-классах, а режиссеры наблюдали и записывали — было очевидно, что многое им пригодится в дальнейшей работе.

Зал РЦК, где шли спектакли, небольшой, но вместительный. Прият-

но было, что даже в рабочий день (а это был четверг) зрителей было достаточно много, а среди них не только русские, но и венгры.

Зинаида Соколова-Зихерман, главная «зачинщица» фестиваля, представила коллективы и гостей: Президента Центрально-Европейского комитета Международной Ассоциации любителей театров (АИТА) Йозефа Холлоша, генерального секретаря Российского центра АИТА, заведующую кабинетом любителей театров Союза театральных деятелей РФ, автора этих строк, и других. Был показан короткий видеоролик о предыдущей встрече русских театров в Будапеште, а затем директор Русского Центра Культуры Валерий Викторович Платонов приветствовал всех собравшихся и объявил фестиваль открытым.

В первый день фестиваля свою работу, спектакль по пьесе Александра Вампилова «Случай с метранпажем», показал студенческий театр «Камертон» из Риги (режиссер Людмила Станчик), а после короткого перерыва Григорий Кофман играл спектакль

«кОлесО», 66 минут Мандельштам-авангарда. Григорий Кофман — российско-немецкий актер, режиссер, поэт. Руководитель театрально-музыкального проекта GOFF-Company, один из организаторов ежегодного международного театрального фестиваля «Лаборатория искусств Кордон-2» (ЛИК-2).

В основе показанного спектакля поэзия Осипа Мандельштама. Но это не набор стихотворений, а полноценная история. Моноспектакль начинается с гибели героя и — через ретроспективу — к ней же и приходит. Преображаясь из следователя НКВД в актера греческой драмы, переходя от еврейской молитвы к русскому плачу, превращая красоту русской в ужас петербургской ночи, Григорий Кофман воссоздает на сцене трагическую судьбу поэта.

Следующий фестивальный день был насыщенный — занятия в мастер-классах, после обеда встреча за круглым столом, в котором приняли участие представители из Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Эстонии, Латвии, России.

ЗИНАИДА ЗИХЕРМАН (Венгрия) рассказала о том, с чего начинался Русский театр в Будапеште, как было непросто на первых порах, как пытались подружиться с венгерскими организациями, понимая, что никто не поможет, если сами актеры и режиссер не будут заниматься творческими и организационными вопросами. Сегодня Театр открыл свой 16-й сезон. Два актера — Наталья Мазяр и Игорь Вовк, прошедшие учебу в России на Международном практическом семинаре «Система К.С. Станиславского сегодня» и Лаборатории режиссеров любительских театров, успешно пробуют свои силы в режиссуре. Театр живет активной жизнью, часто выезжает на различные фестивали, используя возможности финансовой поддержки сообщества Русских соотечественников и других организаций. З. Зихерман призвала присутствующих представителей русских театров из различных стран к объединению усилий, направленных на большие серьезные совместные театральные проекты..

ГРИГОРИЙ КОФМАН (Германия) говорил о том, что русские театры зарубежья, находящиеся в зоне русского языка, с одной стороны, объективно существуют в другой национальной ситуации, культурном пространстве и других театральных традициях. В этой связи они не всегда могут осознать степень продуктивности этих взаимоотношений. В колоссальном потенциале проникновения в другие традиции есть свои плюсы и свои минусы. Иногда актеры, воспитанные в театральных вузах Ташкента или Санкт-Петербурга, живущие за рубежом, но иногда играющие свои спектакли в России, слышат: «Вы играете как-то не так». Да, эти театры богаче, чем другие русские театры. Такие театры становятся оригинальным культурным слоем, но важно, обогащаясь другими традициями, не изменять своим культурным традициям, традициям русского театра.

ЗИНАИДА ЗИХЕРМАН сформулировала: «Да, наши дети двуязычные, они впитывают две культуры, венгерскую, в которой они живут, и рос-

сийскую, где корни их родителей. Да и мы, взрослые, тоже меняемся...»

ЙОЗЕФ ХОЛЛОШ (Австрия) отметил, что ему приятно присутствовать на этой встрече. «Я думаю, что мы не всегда можем показать значение любительского театра в Европе. В Австрии 30% молодежи продолжает образование в различных учебных заведениях, продолжает развиваться, повышать свой культурный уровень в любительских театрах. Например, в Австрии их около 1200, в Германии около 6 тысяч, 330 коллективов в Южном Тироле (Италия), где вообще нет профессионального театра. Значит, любительские театры играют важную роль в культурной жизни многих стран. 6–7% населения посещают спектакли любителей. Мы слишком скромны и не используем возможность совместного показа нашей силы. Наши государства будут заинтересованы нам помочь, если будут понимать, какой огромный потенциал и сила таятся в творчестве любителей».

ЗИНАИДА ЗИХЕРМАН рассказала, что в Венгрии проводятся Фестивали национальных меньшинств, в них участвуют и театры. Выпускается газета. На все это выделяются субсидии. К сожалению, фестивалям русских театров таких субсидий не выделяется.

ЯНОШ РЕГОС (Венгрия) говорил о том, что Венгерский центр АИТА, который он представляет, не финансируется государством. «Мы сами вынуждены находить дорогу к зрителю и средства на постановки. В нашей ассоциации состоят театры разных возрастных групп. Студенческие и молодежные театры — самый перспективный блок в Ассоциации. 4–5 трупп можно зачислить в элиту, они по художественному уровню приближаются к профессиональным театрам. Ассоциация не занимается вопросами национальной принадлежности любительских групп, наверное, поэтому Русский театр в Будапеште для нас стал открытием. Я рад был познакомиться с этим театром и увидеть его спектакль. Ежегодно в Венгрии проводится несколько фестивалей любительских театров. Наиболее значимые:

Фрагмент из спектакля «Светлые души» по В. Шукшину

Фестиваль венгерской драматургии и Фестиваль призеров фестивалей. Несколько лет назад мы создали Ассоциацию любителей театров».

Я поделилась с коллегами тем, что Союз театральных деятелей РФ уделяет внимание русским театрам зарубежья. Организован Центр поддержки русского театра за рубежом. Проводится фестиваль «Соотечественники» русских профессиональных театров ближнего и дальнего зарубежья в Саранске, куда иногда приглашаются один-два любительских театра. Некоторое время назад Российский центр АИТА при финансовой поддержке СТД РФ провел в Санкт-Петербурге фестиваль «Театр без границ», в котором кроме российских коллективов приняли участие русские театры из Эстонии, Латвии, Украины. СТД РФ поддерживает организационно-творчески и финансово фестивали русских театров в различных странах, направляет специалистов для проведения мас-

тер-классов и участия в обсуждении спектаклей, приглашает режиссеров русских театров на Всероссийские лаборатории режиссеров, Международный практический семинар «Система К.С. Станиславского сегодня».

Несколько лет назад СТД РФ учредил Премию «Признание», которая вручается режиссерам за большие заслуги в развитии любительского театра России. С 2012 года такую премию стали получать и режиссеры русских театров зарубежья в номинации «За сохранение традиций русского любительского театра и высокую миссию приобщения к русской культуре зрителей зарубежья».

Далее с короткими сообщениями выступили режиссеры русских театров из Финляндии, Австрии и актер из Болгарии. Встреча прошла в деловой атмосфере, была познавательной и полезной для всех.

В предпоследний день для всех участников форума была организована поездка в старинный Эггер. Это один из красивейших городов Венгрии с

пешеходными улицами, аккуратными домиками, старинной крепостью и Базиликой. Здесь нас встречала руководитель русского клуба в Эггере Наталья Афанасьева, она же провела экскурсию по городу, после которой все отправились в местную гимназию. Здесь состоялся заключительный аккорд фестиваля — Театр «Другое небо» из эстонского города Силламяэ показывал спектакль «День War — енья» по пьесе Арабаля «Пикник» (режиссер Владимир Вайкерт). Посмотреть спектакль пришли местные жители.

У Эггера богатые культурные традиции. Здесь проводятся музыкальные фестивали и различные праздники. Участники нашего фестиваля приехали сюда в разгар Праздника сбора винограда, который проходил в «Долине прекрасной женщины». Это место находится в нескольких километрах от Эггера. На самом деле, это целый городок. Он специально оборудован для больших семейных праздников. Здесь предусмотрено все — площадки для парковки, специально оборудованные места для развлечения детей, сувенирные палатки, кафе, концертные площадки и, конечно, более десятка симпатично оборудованных подвальчиков для дегустации вин, семейных трапез. Прекрасное место для отдыха! В одном из подвальчиков состоялся заключительный ужин для участников фестиваля.

Получилась замечательная встреча единомышленников, которые нуждаются в серьезном разговоре, обмене опытом, в стремлении выезжать на фестивали, получать объективную оценку своих театральных работ. Все в Будапеште было предусмотрено: показы спектаклей и их обсуждения, мастер-классы, возможность общения, обмена координатами. Все уезжали, наполненные новыми идеями, желанием работать дальше. А это — самое главное достижение Форума.

Конечно, капитан и главный «мотор» этой встречи — Зинаида Зихерман, но без поддержки и помощи актеров театра Татьяны Какони, Натальи Мазяр, Игоря Вовка, Золтана и Шандора Зихерманов (сын и муж Зинаиды), Даниэля Чученге (молодого актера театра), его мамы Галины и других успех этой встречи был бы нереален. **ИБ**

В. Платонов и З. Соколова-Зихерман открывают фестиваль

ПРОСТО ШУТ ЗАХЛЕБНУЛСЯ СЛЕЗАМИ

Елена Францева
Фотографии Ирины Сомовой

Отец — Юрий Гребельник

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Когда спектакль по-настоящему «трогает», когда все-речь погружаешься в материал, и в голове крутятся десятки «почему», судьба сама подбрасывает подсказки и ответы. Еще вчера ты прошел бы мимо той или иной цитаты, а натолкнувшись на нее сегодня, ликуешь, как ребенок: радость узнавания переполняет! При этом услышанное, вычитанное может не иметь непосредственного «отношения к делу». Так, самым мистическим образом, понимать тургеневского «Нахлебника» мне помогали Высоцкий, Евтушенко, Шекспир, Заболоцкий, авторы эстрадных шлягеров... Даже в случайно подвернувшейся автобиографической книге Олега Басилашвили нашлась мысль, что называется не в бровь, а в глаз. Хотя и она написана совсем по другому поводу в далеком от Тургенева XXI веке: «Свобода для раба — это возможность топтать ножкой и грозно покрикивать на тех, кто прежде унижал его. Наше российское извечное понимание свободы, как возможности понукать окружающими, унижать их, компенсируя этим комплекс собственной неполноценности».

Мне кажется, «Нахлебник» в постановке Михаила Резникова — как раз об этом. О патологическом стремлении человека самоутвердиться за счет более слабого, зависимого существа, доказав таким образом свое превосходство.

*Елецкий — Олег Замятин,
Ольга — Анна Артеменко*

И причиной тому — закон цепной реакции. Какими бы полномочиями ты ни обладал, всегда найдется тот, кто НАД тобой, кто не пропустит случая это подчеркнуть. И, похоже, единственный способ удовлетворить уязвленное самолюбие — на ком-нибудь отыграться.

Выходит, каждый угнетатель — чей-то угнетаемый. Эта тема заявлена в самом начале спектакля. Атмосфера животного страха царит в имении Кориных. Прежние хозяева дома давно почилы, единственная наследница — их дочь Ольга — воспитывается в Петербурге. А дворецкий — в облике мифического двуликого Януса (Олег Роевко, Виктор Семирозуменко), — получив малую толику власти, упиваются ею сполна: орут на дворню, бросают презрительное: «Пшел от-

*Тропачев — Александр Хорошко,
Кузовкин — Станислав Москвин,
Карпачов — Виктор Кошель*

*Тропачев — Виктор Сарайкин,
Кузовкин — Виктор Алдошин*

Мать — Елена Нещерет

Ольга — Анна Артеменко

БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА

Роль Кузовкина в спектакле играют поочередно Виктор Алдошин и Станислав Москвин. Двое артистов назначены также на роль соседа Кориных, Тропачева (Виктор Сарайкин, Александр Хорошко). И пары эти задают спектаклю совершенно разный настрой.

Если в исполнении Алдошина Кузовкин — бесхитростный, наивный старик, вызывающий симпатию, сочувствие с первых минут спектакля, благодаря, может быть, физиологическим данным актера, то Кузовкин Москвина изначально надломлен тайным, иррациональным знанием того, что «случится на его веку». В ответ на предостережение друга: «А как бы, Василий Семеныч, новый-то барин нас с тобою не выгнал», — оба актера произносят один и тот же текст: говорят, мол, бояться нечего. Но если наивный персонаж Алдошина убеждает собеседника, свято веря в благополучный исход, то Кузовкин-Москвин словно уговаривает сам себя, успокаивает, чтобы не разрыдаться от отчаяния. И, видимо, тщетно. Он весь — оголенный нерв. Актер являет облик своего персонажа будто затравленным зверьком: колени дрожат, руки, беспокойные в неконтролируемых движениях, речь скандированная, крайне сбивчивая... Таким людям чуждо душевное равновесие.

Да и есть тому объективные причины. В доме Кориных старик живет на «птичьих правах». Сегодня подобный персонаж — приживал — вызвал бы раздражение и осуждение, причем, совершенно справедливо. В нашем

сюда!», словно собакам... И бедняга-управитель (Василий Юрченко), заикаясь в страхе, от одного убийственного взгляда пятится назад, а кастелянша (Любовь Солодова) в испуге роняет книги. Но стоит появиться господам — молодой хозяйке, Ольге Кориной (Анна Артеменко), с мужем Павлом Елецким (Олег Замятин), как от начальственного тона «домомучителей» не остается и следа. Оба теперь заискивают, льстят, преданно заглядывают в глаза новому барину, стараясь выслужиться перед коллежским советником из Петербурга. Да и самому советнику, наверняка, там, в столице, заискивать и прогибаться приходилось не раз. Ведь любую значимую должность во все времена надо было ЗАСЛУЖИТЬ...

Словом, цепочка эта бесконечна, и горе тому, кто осужден ее замкнуть. В пьесе Тургенева оказаться у подножья социальной иерархии довелось бесправнейшему существу — Василию Семеновичу Кузовкину, — с юных лет проживающему в доме Кориных «на хлебах».

Ольга — Анна Артеменко, Кузовкин — Станислав Москвин

Соседка — Анна Гринчак

понимании каждый, кто имеет руки-ноги, обязан работать и кормить себя сам. Но век XIX сопряжен с целым рядом условностей. В нем Кузовкин — существо, совершенно бесполезное. Он, с одной стороны, не может быть в услужении, так как изначально является потомственным дворянином по происхождению, но, с другой — не может обеспечить себя надлежащими ему привилегиями и комфортом, полнотой власти, поскольку был в свое время несправедливо лишен имения. Положение безвыходное, а главное — унижительное! «Нечто вроде шута», — такую убийственную характеристику дает приживалу сосед Кориных-Елецких — помещик, мсье Тропачев. И это «нечто» в его устах звучит, как «ничто». А если учесть, что ни хозяйева дома, ни гости не утруждают себя тем, чтобы запомнить имя-отчество нахлебника, коверкая его, а то и вовсе опуская («как бишь вас», «Имярек Иванов»), то картинка укладывается в две строки советского шлягера: «Я — шут, я — арлекин, я — просто смех, без имени, и, в общем, без судьбы...»

Покойный барин, действительно, держал Кузовкина «для потехи», заставляя петь, когда на душе тошно. Так почему же Тропачеву не продолжить эту «милую» традицию? Нет, самому Флегонту Александровичу Кузовкин не сделал ничего плохого, но мы ведь договорились, что спектакль живет по законам не ответной, а цепной

реакции. Просто заглянув к приехавшим из Петербурга молодым хозяевам, сосед вдруг почувствовал снисходительное к себе отношение. Вдруг его — Тропачева! — имя случайно путает Елецкий, и это задевает, вызывает негодование, раздражение. Подливает масла в и без того пылающий адским пламенем костер. Ведь Тропачева бесит чужой успех, чья-то блестящая карьера. Но отомстить «обидчику» нельзя. И тут как раз кстати подворачивается «мальчик для битья». Вот где вымещает свои амбиции Тропачев: он демонстрирует Елецкому свое превосходство. Гляди, мол, как по моей команде компания собравшихся за завтраком холуев подпойт, заставит душевно «обнажиться» и без того уязвимое существо, а затем растопчет, растерзает, уничтожит Кузовкина в два счета. Так в дикой природе самцы предупреждают соперника, демонстрируя свою силу.

При этом герой Виктора Сарайкина играет как бы «в белых перчатках». Не марая рук. Он подначивает остальных, оставаясь в стороне, внимательно наблюдая, как реагирует Елецкий на разыгрываемый им страшный спектакль. В его Тропачеве чувствуется порода. Он — франт, хотя и деревенский. Он несет себя, высокомерно поглядывая на остальных. В то время, как Тропачев Александра Хорошко — сам пребывает в своре оголтелых псов, загоняющих свою жертву, «лающих до рвоты». Этот сосед — озлобленный на все и вся. Здесь уже не филигранная игра на публику (точнее — на одного-единственного зрителя — Елецкого), а простая человеческая подлость героя. Хотя человеческая ли? В какой-

Кузовкин — Виктор Алдошин

Кузовкин — Виктор Алдошин, Елецкий — Олег Замятин

то момент завтрак превращается в бесовскую пляску, мистификацию. И, кажется, перед глазами нетрезвого Кузовкина-Москвина проносится Дьявол со своей оголтелой свитой.

ОТЦЫ И ДЕТИ

В разгар вакханалии банда обидчиков надевает на голову нахлебника шутовской колпак, и из груди доведенного до отчаяния маленького человека вырывается признание: «Она — моя дочь!» Говорят, крик начинается там, где кончаются силы и слова. Вряд ли со стороны Кузовкина это — акт мести. Скорее — защитная реакция организма, раз уж сам герой пугается собственных слов. Более двадцати лет тайна Ольгиного рождения лежала камнем на душе, но срыв не облегчил страданий. Напротив, усугубил. Теперь этот тяжкий груз предстоит нести и Ольге.

В начале спектакля героиня Анны Артеменко предстает перед зрителем беспечной девочкой, окрыленной первой, да еще и ответной любовью. Ольга беззаботно хохочет, не стесняется проявлять ласку на людях, играет «в ладушки» с мужем и испытывает почти физическое удовольствие от произнесения местоимений — «наш» и «мы». Менее чем за сутки героине Тургенева доведется стать старше на жизнь. Самой же актрисе проживать перерождение приходится в

еще более сжатые сроки. И надо признать, делает она это мастерски. Куда девались ребячливость, наивность, порывистость, восторженность вчерашней Ольги? В каждом поступке теперь — решимость и расчетливость. Она по-прежнему хохочет, но лишь для того, чтобы усыпить бдительность мужа, прикидывается наивной, чтобы добиться свидания с нахлебником, притворно сохраняет самообладание при встрече с ним, лишь бы не спугнуть и выпытать подробности той роковой ночи. Отважной, решительной и предприимчивой играет свою героиню Анна Артеменко. Ведь на кону — семейное счастье. По всей видимости, для Ольги это — не просто слова. У девочки НИКОГДА не было семьи. Отец умер еще до ее рождения, мать прожила недолго. Нетрудно себе представить, какими радужными представлялись Ольге картины ее будущей семейной жизни. И вот теперь — все под ударом (вопрос «породы» во времена Тургенева был принципиальным). Одна из сильнейших по эмоциональному накалу сцен спектакля — момент объяснения Кузовкина с дочерью. Ольга идет в наступление и с напором следователя на суде буквально вытаскивает из Кузовкина подробности событий, предшествовавших ее рождению.

В пьесе Тургенева рассказ нахлебника о прошлой жизни — длительный, непрерывный монолог. О том, как лишился наследства, попал в дом Кориных и стал игрушкой в руках сурового барина. В спектакле Русской драмы воспомина-

ния «ожили». Режиссер поставил спектакль в спектакле. В нем материализовались: Мать (Елена Нещерет) — кроткое существо с обостренным чувством долга, Отец (Юрий Гребельник) — деспот, домашний тиран, Соседка (Анна Гринчак) — расчетливая оболыстительница...

И здесь вновь возникает тема цепной реакции. В первые мгновенья видишь только лишь ярость Отца. Его свирепый, неистовый крик, переходящий в злобный шепот, от которого кровь холодеет, заслоняет все человеческое в герое. Но вспомните шекспировское: «Зверь самый лютый жалости не чужд. Я чужд, так, значит, я не зверь». Домашний тиран на поверку оказывается несчастным мужчиной. Он тоже — подневольный. Не лютый зверь — жертва оболыстившей и бросившей соседки, — ищет, на ком сорвать зло. Роль жертвы достается подвернувшейся под горячую руку опостылевшей жене — матери Ольги. И вновь ход жизни диктуют причинно-следственные связи: «та, у которой я украден, в отместку тоже станет красть». «Раз он так, то и я так», — бросает в отчаянии избитая мужем женщина и ведет в свою спальню Кузовкина...

Познавая суровую правду жизни, Ольга пьет горькую и неумолимо трезвеет. Девушке предстоит сделать нелегкий выбор: между отцом и мужем. Какое-то время весы еще будут колебаться, на мгновенье возникнет ответный порыв дочери к единственной родной душе, но... лишь на мгновенье. Оказавшись с проблемой один на один (Елецкий пытается решить вопрос по-деловому, и, конечно, это не тот метод, которым можно воздействовать

Кузовкин — Виктор Алдошин

на любящего отца), Ольга проявляет завидную решимость: идет на сделку с собственной совестью и покупает молчание отца за деньги.

Сам Тургенев обозначил жанр своего произведения как «комедия». Но если «Нахлебника» и можно назвать комедией, то только лишь с бальзаковской приставкой «человеческая». В произведениях такого рода «шутка» рифмуется с «жутко», и веселья не больше, чем в «комедиях» Чехова. Финал пьесы открыт, и остается только догадываться, что творится в душе человека, взявшего откупные деньги ради спокойствия дочери. Можно предположить, что в каком-то смысле Кузовкин нашел смысл жизни в самопожертвовании. В спектакле же Михаила Резникова примирившийся со своей ролью герой сам надевает шутовской колпак и поет протяжно-печальную песню, подавляя слезы. «Просто клоун захлебнулся горем», как в стихотворении о шуте, написанном Высоцким. Этот шут, в отличие от собратьев по истории и литературе, не высмеивал королей, не имел власти над властью, но главную свою миссию все-таки исполнил: сказал что-то важное о каждом из нас. Всем, оставшимся в шутках (тому же Карпачову, сыгранному Виктором Кошелем живой, безропотной игрушкой), он открыл глаза, обнаружив их жалкое существование. Сидящим в зале намекнул на то, как бесчеловечно мы порой себя ведем. А Ольге помог понять главное: «нет на свете печальней измены, чем измена себе самому». **ИБ**

Не надо убивать коростель

Ада Бернатоните

*Армянский театр показывает в Литве
Тургенева на русском языке*

В Друскининкае (Литва) прошел международный театральный фестиваль. Но в данном случае речь пойдет не о нем. Литовский музей театра, музыки и кино предложил одному из армянских коллективов, участнику фестиваля, показать пьесу И.С. Тургенева «Месяц в деревне» на своей сцене. Предложение показалось режиссеру — народному артисту Армении Ваге Шахвердян, художественному руководителю «Артистического содружества», заманчивым, но практически мало или плохо реализуемым с организационной точки зрения. Поскольку назвать театральной сценой кусок пространства, прикрепленный к стене, шириной не больше 2 метров и длиной около 5, можно только при большой любви к театру.

Режиссер, зайдя в зал и внимательно окинув взглядом все детали интерьера, встал в центре, поднял вверх руку с собранными в щепоть (по армянской привычке) пальцами, потом вдруг резко разжал, как будто выпускал из ладони на головы будущих зрителей янтарную пыль, и уверенно выдохнул: «Сыграем и здесь». Актеры были смущены не меньше, и на общем энтузиазме спектакль за час до прихода зрителей был отрепетирован с нахождением многих неожиданных и интересных ходов.

Удивление зрителя начиналось уже с момента вхождения в зал. Казалось, попадаешь в склеп либо... во дворец бракосочетания. Вся сцена усыпана цветочными искусственными бутонами, в углу скамья, стилизованная под XIX век, вся завалена пошленькими диванными подушками, достаточно приличных размеров, по углам стоят стулья, как потом выяснилось, для актеров, чтобы они не маячили перед зрителями, уходя со сцены. Они вообще не покидали зрительный зал, для каждого из них был свой стульчик, и никакой суеты, толкотни и мельтешения, каждый знал свое место. Еще одна деталь — шляпы: вычурные, элегантные и не очень, они примостились горой в одном углу сцены и молча лежали, ожидая своего часа, точнее, мгновения.

По мере просмотра спектакля зал погружался в несколько иной мир, столь далекий и прекрасный, и вместе с тем близкий и понятный. Все решение спектакля было выстроено от женщины к женщине, от мужчины к женщине — переплетение судеб, лиц, возрастов, чувств. Герои

*Объяснение в любви. Ракидин — Р. Акопян,
Наталья Петровна — М. Мхитарян*

отражаются друг в друге, поскольку в равной степени чувствуют себя оскорбленными: молодые не могут смириться с тем, что слишком молоды, а те, у кого за плечами опыт и возраст, не хотят стареть, и потому с удвоенной силой пытаются любить.

Каждая деталь интерьера, странного и вычурного, начинает работать на общий смысл постановки. Искусственные цветы как увядшие чувства и погубленная страсть, которая еще и любовью-то не успела стать, подушки как иллюзия семейного уюта и теплоты дома, а потому, когда Аркадий Ислаев (Юрий Игитханян) убеждается в неверности своей жены, он с неистовством швыряет эти подушки по сцене, разметаю иллюзию в прах. В то же время, когда герои уверяют друг друга в кажущейся искренности и глубине своих чувств, они подкладывают подушки под себя, садясь на них, как бы создавая зону несуществующего комфорта.

Весь спектакль пронизан желанием любить и отчаянной болью. Перед зрителем не просто разыгрывается трагедия ломающихся у них на глазах судеб. Мы становимся невольными свидетелями запретного, того, что пытаются всегда скрыть от посторонних глаз или, по крайней мере, облечь в приличную форму. Две женских истерики — беспредельных, на изломе физических и духовных сил, болезненных даже для зрителя. Одной заканчивается первый акт: на коленях, не задумываясь над тем, как она выглядит со стороны, ползает, раздирая в клочья свои чувства,

Ракитин – Р. Акопян,
Наталья Петровна – М. Мхитарян

Наталья Петровна (Марианна Мхитарян). Ей кажется, что она слишком стара, и молодой учитель ее сына Алексей Беляев (Ашот Метевосян) не может ответить взаимностью на ее чувства. Но истинность чувств Натальи Петровны сразу ставится под сомнение, поскольку за несколько минут до своего искусственно-искреннего надрыва она признавалась в любви Михаилу Ракитину (заслуженный артист Армении Роберт Акопян), и тот поверил и позволил вырваться наружу чувствам к жене лучшего друга, которые ему удавалось подавлять долгие годы.

Второй акт начинается с истерики Верочки, воспитанницы Натальи Петровны (Яна Габриелян), светлой и милой девочки, которая целый час порхала по сцене, поскольку «на ощупь» влюблялась, и эта любовь казалось ей взаимной. А сейчас, когда она осознает, что чувства ее возлюбленного принадлежат не ей, Верочка превращается в подбитую коростель.

Рефрен спектакля: «Не надо убивать коростель». Необычайно интересная режиссерская находка: Наталья Петровна дарит учителю новый пиджак, он набрасывает его на плечи таким образом, что рукава оказываются пустыми, и Вера, на пике мощного выброса своих первых, а потому неимоверно сильных и настоящих чувств, просовывает руки в рукава, и, размахивая ими, как подбитая птица, в экстазе боли и отчаяния, сливается телесно и душевно с человеком, которого она столь глубоко и проникновенно любит. Пиджак тот песочного цвета в мелкую клетку — самая популярная расцветка оперения коростели.

Тургенев объединил актеров из разных театров.
А. Тер-Матевосян, Р. Акопян, М. Мхитарян, Я. Габриелян,
Ю. Изитханян

И в этот момент без ложного пафоса зрители в зале переживают собственную боль утраты первой любви, настолько силен накал страстей на сцене, и никто из актеров не стесняется вживаться в роль по-настоящему, без позы, пошлости и морализирования. Бесподобно грациозна Анна Семеновна (Евгения Мкртумян), которая нежится в своем кажущемся комфорте, хватается за любовь сына, видит, как невестка готова в любой момент изменить мужу, но вместе с тем продолжает с наслаждением менять шляпки и играть в карты.

Пародийна, иронична и одновременно беззащитно жалка Лизавета Богдановна, экономка (Лия Сарксян), реплики которой практически все построены на строчках из русских романсов. Она пытается казаться счастливой и довольной, а на самом деле одинока — и все. Одиночество — ее естес-

Ракитин – Р. Акопян, Беляев – А. Тер-Матевосян

твенное и нормальное состояние, как и для Игнатия Шпигельского, пронырливого доктора (заслуженный артист Армении Карен Джангиров), который везде и во всем хочет урвать свою выгоду, но также безнадежно и обреченно одинок. Как все герои пьесы. Как все зрители в зале и вне его.

Спектакль получился пронзительно экзистенциальным. Тургенев через столетия заговорил с нашими современниками об их страхах и проблемах, о боли и отчаянии и об истории неразделенной любви, которая у каждого своя. В спектакле много музыки, что делает общую атмосферу необыкновенно изящной и легкой в противовес разыгрываемым трагедиям любви и жизни. Актеры, сыгравшие пьесу — из разных коллективов, а оттого подвиг режиссера, объединивших чужих, по сути, людей в ансамбль, вызывает уважение. В постановке принимали участие актеры Национального академического театра имени Г. Сундукяна, Государственного русского драматического театра имени К.С. Станиславского, экспериментального театра «Гой», ереванской консерватории имени Комитаса. Постановка убедила, что для талантливых и влюбленных в театр людей нет ничего невозможного, и проблем со светом, звуком и сценой в принципе не существует. Кстати, режиссер Ваге Шахвердян был чрезвычайно доволен своими вынужденными сценическими находками и даже решил использовать их и впредь. После спектакля зрители благодарили всех за искренность, глубину и любовь к русскому языку. ИБ

Про уродов, любовь и людей

Татьяна Одыня
Фотографии автора

К 130-летию Рижского русского театра им. М. Чехова

Спектаклю «Якиш и Пупче», поставленному известным режиссером Евгением Арье и его командой на сцене Рижского русского театра им. Михаила Чехова, уже почти год. Пьеса израильского драматурга Ханоха Левина специально для этой постановки была даже заново переведена на русский. А в феврале 2014 рижский «Якиш и Пупче» отправился на гастроли в Израиль, чтобы со сцены театра «Гешер» рассказать израильтянам — по своему, по-русски! — историю страданий и любви, вечную историю о том, какая красота, существующая в недрах души человека, становится явной, преображая его, обнажая живое и настоящее, скрывавшееся до поры под струпами уродства...

Режиссер Евгений Арье хорошо известен в театральном мире. Создатель израильского театра «Гешер», увенчанный множеством наград и премий (в том числе премия К.Станиславского и «Золотая Маска» за постановку «Враги. История любви» в Московском театре «Современник»). Много раз он был «Режиссером года» у себя в Израиле, а за развитие израильского театрального искусства удостоен звания Почетного доктора Еврейского университета в Иерусалиме. В Риге к режиссеру относятся трепетно: когда-то на сцене Рижского ТЮЗа (еще у Адольфа Шапира) он поставил легендарный спектакль «Дорогая Елена Сергеевна». Потом — уже с театром «Гешер» — стал главным героем фильма документалиста Герца

Франка «Вечная репетиция». А в 2002 году Рига была первым городом на постсоветском пространстве, куда театр «Гешер» приезжал на гастроли...

...Согласитесь, есть некая дерзость: рассказывать одесситам — об Одессе, москвичам — о Москве, а израильской публике представлять героев популярного еврейского драматурга... Ведь «Якиш и Пупче» — в собственной постановке театра «Гешер» — спектакль уже почти культовый. А вот с переводом пьесы на русский все обстояло непросто: что на иврите здорово, то по-русски... не очень-то и смешно. Темперамент, культура, традиции — все иное... Отсутствие узнаваемости и контекста потребовало деликатного перевода. Ведь Ханох Левин в текстах своих саркастичен, и на

острое словцо быстр, и речь его героев — очень даже «с перчиком»...

Хотя рижская версия «Якиш и Пупче» в репертуарной афише театра уже без малого год, зрительские споры по поводу спектакля не стихают. Одни говорят: да! Вот это настоящий театр, вдохновенный и красивый праздник зрелищности! Другие более прочего ценят в работе мудрость философской притчи. А третьи категорически не принимают происходящего на сцене: мол, пошлятина, гадость... зачем ТАКОЕ вообще тащить на сцену?.. Уместны ли в истории о ЛЮБВИ все эти клоунские носы и надувные шарик?

Про что, собственно, эта история на сцене? Про молодых людей, которым не везет в любви: ведь живут же на свете не только красавцы, но и очень-даже-не-красавцы... просто-таки уроды. Но и им хочется счастья: быть любимыми, единственными, неповторимыми, любить, плодиться-размножаться... В судьбе бедолаг и недотеп активнейшим образом участвуют сочувствующие — как на этапе сватовства, так и после свадьбы, когда непутевые молодожены набираются опыта плотской любви. Помогая им добрым советом, открывают тайны собственной души все соучастники процесса — родители жениха, родители невесты, сват Лейбех, мастер на все руки, а также шурин, проститутка, призванная молодым в помощь, и какой-то умирающий старик...

*Пупче — Екатерина Фролова,
Якиш — Анатолий Фечин*

Главные герои — увалень Якиш (Анатолий Фечин), который далеко не самый завидный жених: собой он не хорош и не умен, а еще робок, беден и закомплексован. Оттого-то и девушки нет (и никогда не бывало!), а ведь уже пора, играет в жилах кровь, да и настряпать внучат на радость папе с мамой надо... А вот девушка Пупче (Екатерина Фролова): она тоже засиделась в девках, очень уж лицом страшна... Настолько, что даже Якиш, мечтающий хоть о какой-нибудь невесте, от Пупче поначалу шарахается. И вот еще: Якиш и Пупче ребята вполне старомодные, сексуального опыта у них меньше, чем у современных продвинутых подростков...

История на сцене — из тех, что не расскажешь с серьезным выражением лица. Потому-то спектакль и играется как веселый балаганчик с клоунадой — живая музыка, оркестрик на сцене, переезды всего этого табора «паровозиком» из Плачки в Палаченки и обратно,

Сцена из спектакля

и декорации, которые рисуют на рулонах оберточной бумаги актеры прямо на глазах у зрителя ... Зажигательно-веселый и яркий спектакль! Не все в нем всем смешно. Но вот лично я — посмотрев «Якиша и Пупче» дважды, с интервалом в полгода — не вижу там ни грана пошлости. Откровенность запредельная, шутки на грани фола — да, есть, но так бережно, так щепетильно и смешно говорят о житейском горе герои! Однако есть зрители — в том числе и из преданной театру публики, — которые считают иначе и которые этой блестящей работы нашего театра с Евгением Арье категорически не приняли.

Может быть, полярность мнений и зрительских чувств — и есть настоящий успех этой работы театра?.. Ведь профессионалами — критикой, многими из театралов, коллегами из других театров — этот спектакль оценен вполне. Например, «Якиш и Пупче», как одна из лучших режиссерских ра-

бот 2013 года, претендовал на победу в главном латвийском театральном конкурсе «Ночь лицедеев», а в зале на этом спектакле особенно много латышской публики. И все же многие зрители предпочитают что-то более привычное, так что «Якиш и Пупче» в кассе не самый продаваемый спектакль...

Постановка этой пьесы в Риге — идея директора театра Эдуарда Цеховала. Выбор для совместной работы с израильянами был сделан почти экс-

тремальный. Ханох Левин и на родине славится именно как мастер провокаций. Над созданием спектакля вместе с Евгением Арье и актерами Рижского русского театра работала сильная команда — сценограф и художник по костюмам Михаил Краменко и композитор Ави Беньямин (оба — Израиль), титулованный хореограф Ольга Житлухина (Латвия), художник по свету Игорь Капустин (Эстония). И целый свадебный оркестрик, составленный из рижских музыкантов.

В спектакле Рижского русского театра сложился прекрасный актерский ансамбль. Якиш (Анатолий Фечин) и Пупче (Екатерина Фролова) в гриме меняются так, что их просто узнать нельзя!.. Работая с Арье, они — как и многие из коллег по группе — блеснули неожиданными гранями своих талантов. Сват Лейбех (Яков Рафальсон), родители жениха (Татьяна Лукашенко и Вадим Гроссман), родители невесты (Ольга Никулина и Дмитрий Палеес) и их партнеры так заразительно весело проживают спектакль, так щемяще и грустно произносят свои отнюдь не клоунские речи, что не сомневаешься: израильтянам они понравятся!.. Спектакль живой, он со временем меняется. Мне так жаль, что ушел из него блистательный сольный выход проститутки Жозефины (в исполнении Бориса Плоских это был целый спектакль в спектакле!). Актер Игорь Чернявский, введенный на эту роль, в монологах эмоционально скромнее, зато поет.

Накануне отъезда актеров нашего театра в Израиль задаю несколько вопросов актрисе Екатерине Фроловой.

— Как настроение перед гастрольной поездкой?.. Волнуетесь?..

— Конечно, волнуюсь!.. Все мы немного нервничаем, чувствуем очень большую ответственность перед публикой театра «Гешер». Волнуемся, как наши трактовки образов воспримут коллеги-артисты. Ведь они же первопроходцы этой драматургии, мы шли следом. И Евгения Михайловича Арье очень хочется увидеть, расцеловать и сказать ему, какой же он замечательный!.. Потому что работа с ним для меня была настоящим праздником. Репетиционный период длился месяца полтора, и каждый день я просыпалась с ощущением праздника, счастья от того, что пора на репетицию. Евгений Михайлович — замечательный человек, талантливейший режиссер и у него потрясающее чувство юмора.

— Катя, вы восьмой сезон в театре, плотно заняты в репертуаре, а закончили Театральную академию в Санкт-Петербурге... Скажите, режиссерские работы Арье студенты в театральных академиях уже изучают?..

— Нет, во время учебы о режиссере Евгении Арье я не знала, а услышала позже, когда пришла в театр. И по фильму «Вечная репетиция», снятому Герцем Франком, тоже о нем знала... Так что когда в театре вывесили приказ с распределением ролей, я была просто в восторге, что сыграю в его спектакле роль Пупче.

— Были у вас в работе с Арье и его командой и какие-то личные открытия? Профессиональные?.. Человеческие?..

— Я поняла, что чем человек талантливее, тем он проще, доступнее, тем естественнее себя ведет. Казалось бы — Арье классик, талант!.. Я же трусила, когда репетиции начинались: как с ним, та-

Сцены из спектакля

ким великим, вообще разговаривать-то, как репетировать?.. Мне в работе важны легкость, свобода — когда ты раскрепощаешься, слышишь режиссера, понимаешь, чего он от тебя хочет, но еще можешь сама импровизировать и фантазировать... В свободном полете придумываются на ходу какие-то акценты, повороты. И у нас благодаря режиссеру такое ощущение свободы и было на репетициях!.. Вот за эту легкость, за атмосферу, в которой спектакль рождался, огромное ему спасибо!.. Потом уже я поняла: он же все время меня на-

правляя, вел... Репетиционный процесс для меня вообще очень важен. Когда что-то не клеится, это влияет на ткань самого спектакля. И наоборот... Та атмосфера легкости, радости, которую все мы вместе с Евгением Михайловичем создали на репетициях «Якиш и Пупче», она потом и в спектакле присутствует. Та энергия, тот воздух, которым мы наполняем спектакль на репетициях — ими потом спектакль очень долго «дышит», все передается зрителям. Думаю, что, работая с Арье, я и профессионально на какую-то новую ступеньку шагнула.

— *А вам не кажется, что эту работу театра с Евгением Арье больше оценили профессионалы, люди театра, а не массовый зритель? Ведь спектакль, которому от роду всего год, в афише не так уж и часто появляется?..*

— Может быть, такую форму, сам жанр клоунады кто-то категорически не любит. (Вот я, например, клоунаду обожаю! Но раньше в театре у нас ничего подобного не было). Ну, а с теми, кто говорит, что спектакль пошлый... с ними я категорически не согласна. Если тему спектакля играть бытово, без клоунады и без клоунских носов, будет действительно пошло. Речь ведь идет не о том, что поженились два урода и не знают, что им друг с другом делать... Люди, не принимающие спектакль, не захотели главного услышать и глубже копнуть! Давайте не будем лицемерить: мы же взрослые люди и не делаем вид, что нас в капусте нашли?... Клоунада как раз позволяет со сцены об очень серьезных вещах сказать. Про красоту, которая в нас, внутри нас, про любовь, про желание быть любимым. В этом спектакле каждый может найти что-то свое... И потом, театр ведь должен воспитывать зрителя!

— *Для вас «Якиш и Пупче» — это спектакль про что?*

— Про любовь!.. Моя героиня — при всем ее внешнем уродстве и прочих особенностях — в ней ведь нет ничего такого... замысловатого. Как и все женщины, Пупче хочет любви, мечтает быть любимой. Все мы, люди, одного и того же в жизни хотим, но к кому-то это приходит раньше, к кому-то позже. Звучит же в спектакле очень важная мысль: «Если вывернуть нас наизнанку, будет видно, сколько в нас красоты».

Для меня это спектакль о любви. И не только о плотской любви, но и о любви к жизни, ко всему вокруг. А любовь родителей к детям... Монологи отцов какие у нас звучат замечательные! А какие трогательные и важные слова моя коллега Ольга Никулина, играющая маму Пупче, говорит... Думаю, каждый спектакль в театре находит СВОЕГО зрителя, и у «Якиша и Пупче» на сцене нашего театра будет долгая и счастливая жизнь.

— *Родители ходят на ваши спектакли? Что они про вашу Пупче сказали?*

— Мама сказала: какая же ты тут страшная!.. Папа же многозначительно молчал... А вот один мой приятель позвонил мне в антракте: «Катя, а это точно ты? Сидишь в девятом ряду, но так и не понял...»

Русский театр, работающий за пределами России, явление особенное, организм сложный. С одной стороны, как и всякий творческий коллектив, театр переживает и подъемы, и спады. С другой — куда больше, чем русские театры в России, зависит от благосклонности зрителя. СВОЕГО зрителя — верного, постоянного и... иногданисходительного. Зритель зарубежного русского театра в большинстве случаев консервативен, это факт. Рижский русский театр им. Мих. Чехова явно сейчас на подъеме: здесь много работают приглашенные режиссеры, как молодые (в том числе из латышских театров), так и маститые, отмеченные международной известностью. Но новаторские приемы и иной театральный язык, который привносят они на сцену русского театра, не всегда принимается зрителем, верным СВОЕМУ театру на протяжении многих лет и не желающим в своих привычках перемен.

Театральный язык, привнесенный Евгением Арье, тоже требователен ко всем — актерам, постановщикам, техперсоналу приходится прилагать больше усилий. Но радость совместной работы с мастером людям театра это с лихвой компенсирует. Со зрителем — сложнее. Зритель, от которого новый театральный язык требует некоторых сверхусилий, меняться не хочет, в чем тоже по-своему прав. Вот Евгений Арье, например, считает, что с человеком, надевшим клоунский нос,

происходит нечто волшебное: он видит мир в новом ракурсе, удивляясь, как все глупо, нелепо, уродливо и смешно устроено... Примирить со всей этой нелепицей может только ирония, смех. А зрителю не смешно: он-то клоунского носа не нацепил, клоунады не принял. И совсем уж он, зритель, оскорбляется, когда со сцены в прямом обращении звучит: «А у вас, джентльмены, все ли всегда с этим делом в порядке? А вам, милые дамы, звенят ли еще иногда серебряные колокольчики любви?...»

Впрочем, не только в этом дело. Ведь кутерьма, завертевшая действие в «Якише и Пупче» вокруг деликатной проблемы, не заслоняет собой и вопросов отнюдь не шутейных. (Не зря же жанр этого спектакля обозначен в афише как ОЧЕНЬ ГРУСТНАЯ КОМЕДИЯ. Точнее: «Очень грустная комедия в сопровождении очень смешного оркестра»). Тем и знаменит еврейский писатель Ханох Левин, что очень житейскую ситуацию, посмеявшись над ней, умеет он поднять до уровня философской притчи. Монологи-откровения героев, чередуясь с пикантными сценами, сыгранными по-клоунски смешно, и спасают ситуацию от пошлости. Актеры нашего театра, сыгравшие в постановке Евгения Арье, заданной им планке соответствовать сумели. А зрители... Одни — да, другие — нет, третьи — соответствовать еще только учатся...

Как ни грустны истории любви, а после «Якиша и Пупче» выходишь из театра со светлым чувством. Потому что радость жизни, настоящая, бьющая со сцены через край — она по-хорошему заразительна.

...Театралы со стажем, наверное, помнят, какой фурор произвел в свое время театр Евгения Арье на гастролях в Москве. Ученик Товстоногова, когда-то уехавший из Москвы в Тель-Авив, триумфально вернулся, показав театральной Москве несколько замечательных спектаклей.

Рижские гастроли с этим спектаклем в Израиле, возможно, открывают двустороннее движение по мосту (а «гешер» означает на иврите именно «мост»), связывающему русские и национальные театральные культуры, независимо от того, в каких странах находятся их «родные» стены и сцены. **ИБ**

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОЮ ЖИЗНЬ»

Валентина Кошкарян

Встречи в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа

*В. Кошкарян и княгиня
Антонина Львовна
Мещерская*

Узнав о том, что в парижском предместье Сент-Женевьев-де-Буа есть дом, в котором живут русские люди, уехавшие во Францию после 1917 года, я решила во что бы то ни стало найти его, тем более, что поселилась я неподалеку, в соседнем городке Морсан-сюр-Орж. И вот в декабре 1993 года я, наконец-то, стояла перед этим домом. Войдя в большой двор и осмотревшись по сторонам, увидела на одной из входных дверей табличку на французском языке — «Bureau». Решила, что мне нужно сюда. Постучалась, кто-то за дверью ответил, вошла. В просторном кабинете стояло несколько письменных столов, за одним из них в одиночестве сидела симпатичная пожилая дама — худощавая, элегантно одетая, белоснежные волосы аккуратно уложены. «Снегурочка», — подумала я. Дама заговорила со мной по-русски, спросила, кто я и что меня сюда привело. Представившись, я протянула ей объявление — маленький прямоугольный лист бумаги, на котором красивым разборчивым почерком написала, что ищу работу воспитательницы, русской няни или учительницы. Мне

до этого знакомые советовали: в подобных случаях, если будут спрашивать: «Что вы умеете делать?» — отвечать не задумываясь: «Все». И этот вопрос не заставил себя долго ждать, дама спросила:

— А что вы умеете делать?

— Вообще-то, я умею все... — неуверенно и смущенно сказала я и, испытывая неловкость от сказанного, тут же добавила, — но по образованию я учительница и несколько лет преподавала в школе русский язык.

После непродолжительной беседы, подумав, дама неожиданно сказала:

— А знаете, мне всегда очень хотелось брать уроки русского языка, но на это никогда не хватало времени. Да и учителя профессиональные как-то не попадались, все студенты неопытные. Я вам позвоню... только не сейчас, не сразу, а после праздников. Конец года, много дел... Подумаю и позвоню.

Я поняла, что больше злоупотреблять вниманием собеседницы не стоит, и перед тем как уйти все же поинтересовалась:

— Скажите, пожалуйста, а как вас зовут?

— Я Антонина Львовна, княгиня Мещерская.

«Чудеса! — подумала я, — не померещилось ли?!». Княгини и графини с моим советским прошлым как-то не совмещались. Разве что в романах и сказках...

Кузен, который показал мне, где находится Русский дом, сказал, чтобы я не надеялась и не ждала, никто звонить мне не собирается. Просто французы — народ вежливый и никогда сразу не отказывают. Я ответила: «Ничего, зато я теперь знаю, где этот дом и здесь, наверняка, есть люди, с которыми можно просто пообщаться».

После новогодних праздников, в начале января, когда я уже перестала ждать звонка, кузен позвал меня к телефону. Женский голос в трубке, поздоровавшись, с упреком спросил:

— Почему вы мне не позвонили? Я куда-то дела вашу бумажку и только что совершенно случайно ее нашла. Вы мне нужны, я хочу брать уроки русского языка. Не

— Как?! — восклицала она, — два раза «я»? Можно так писать?!

— И можно, и нужно, — отвечала я с улыбкой. — Антонина Львовна, зачем вам учиться писать? Вы хорошо говорите по-русски, да и пишете тоже прилично.

— Что вы! Я делаю ошибки, а мне нужно научиться писать грамотно. Ведь мне часто присылают письма из России, иногда пишут священники, и я должна им отвечать.

Уроки и последующее общение очень сблизили нас и я узнала, что княгиня Антонина (Антуанетта) Львовна Мещерская, урожденная де Геенек де Буаю¹, русских корней не имела вовсе и была самой настоящей француженкой, но, как оказалось, с большой русской душой. Выйдя замуж за русского князя Мещерского, белого эмигранта, с которым, нужно сказать, прожила совсем недолго, она полюбила все русское, выучила язык, приняла православие и преданно

Княгиня Антонина
Львовна Мещерская
и Валентина Кошкарян

могли бы вы прийти? Нам нужно поговорить.

В тот же день Антонина Львовна угощала меня в своем рабочем кабинете красным «порто». Мы продолжили наше знакомство в непринужденной обстановке и договорились о предстоящих уроках. Позже я узнала, что княгине тогда было 85 лет.

— Больше сорока лет я управляла этим домом, — сказала Антонина Львовна, — потом директором стала моя невестка, жена моего сына, Элизабет. Она тоже будет брать у вас уроки, я с ней поговорю.

— Вы станете моей первой ученицей во Франции, — заметила я гордо.

— Дай Бог, чтобы не последней! — ответила она шутливо, и мы рассмеялись.

По-видимому, Бог услышал ее слова и сделал так, что впоследствии я стала преподавать в университетах Парижа и Ниццы. Антонина Львовна была очень старательной и внимательной ученицей. Искренне, как ребенок, удивлялась, когда в окончаниях прилагательных, в таких словах, как «синяя, нижняя», нужно было писать дважды букву «я»:

служила русской культуре всю жизнь. Русский дом был основан ее свекровью, княгиней Верой Кирилловной Мещерской, урожденной Струве, о чем посетители Русского дома могут прочитать на мемориальной мраморной доске, установленной на стене парадного салона: «В память княгини Веры Кирилловны Мещерской, основавшей Русский дом 7 апреля 1927 года. Княгиня Вера Кирилловна открыла Русский дом благодаря щедрому дару Доротти Пэджет, она создала убежище для престарелых русских. Ее же трудами в доме была сооружена русская православная церковь. Самоотверженно посвящая себя заботам о Русском доме, княгиня управляла им с твердостью и любовью в

1. Княгиня Антонина Львовна Мещерская (урожд. Antoinette de Guéhéneuc de Boishue) — родилась 28 ноября 1908 года в городе Лаваль (Франция), скончалась в Сент-Женевьев-де-Буа в конце декабря 2008 года, прожив, со слов ее сына, «ровно сто лет, один месяц и один день». С 1949 года и до последних дней жизни княгиня руководила Русским домом, была президентом Ассоциации помощи русским беженцам во Франции, кавалером ордена Почетного легиона.

продолжение 22 лет. Она почилла в этом доме 17 декабря 1949 года. Кто не имел счастья лично знать и любить покойную княгиню, пусть, прочтя эти строки, вознесет молитву к Господу о вечном упокоении ее светлой души».

Княгиня Вера Кирилловна, попав в эмиграцию, открыла в Париже вместе со своей сестрой пансион для благородных девиц. Одна из ее воспитанниц, англичанка мисс Доротти Пэджет, неожиданно получила большое наследство и решила помочь своей любимой наставнице, захотела подарить ей дом. Княгиня отказалась, сказав, что они с сестрой еще молоды и в состоянии сами заработать на жизнь. Но добавила, что неплохо было бы помочь пожилым русским эмигрантам, которым некуда деваться. Англичанка загорелась этой идеей, купила старинный особняк, который мы сейчас называем Русским домом, и вплоть до Второй мировой войны помогала содержать его. Мне рассказывали, как однажды мисс Доротти решила устроить праздник пожилым обитателям Русского дома и на новогоднюю ночь арендовала для них номера в гостинице в центре Парижа на набережной Сены. Она хотела, чтобы русские беженцы имели возможность полюбоваться праздничным салютом и чтобы за ужином им прислуживали лакеи в белых перчатках. Сейчас в честь Доротти Пэджет названа улица, ведущая к дому.

Антонина Львовна стала постепенно приобщать меня к жизни Русского дома. Я неожиданно попала в какой-то параллельный мир — в этом Зазеркалье были свои порядки и говорили на другом русском языке, более мелодичном и мягком.

— Валантина, — говорила княгиня, произнося на французский манер мое имя (она хорошо владела языком, но говорила с акцентом), — почему русские, которые приезжают сейчас из России, говорят как-то резко, грубо? Вас я хорошо понимаю, а их мне трудно слушать, как будто стреляют?

Видимо, за годы работы в школе, где я преподавала русский язык как иностранный, у меня появилась привычка говорить медленно и четко выговаривать каждое слово. А здесь я стала привыкать к плавной речи эмигрантов. Княгиня обращалась ко мне со словами «душка, душечка», Николай Александрович Тиран (с такой грозной фамилией) называл меня «дусей» или «утешительницей». Слово «княгиня» по-французски звучит как «принцесса» и французский персонал дома, соблюдая законы иерархии, обращался к Мещерской со словом «*princesse*», русские эмигранты говорили ей «княгиня», только я — по имени и отчеству. По воскресеньям я ходила на службу в церковь Русского дома. — Почему вы обращаетесь к княгине по имени и отчеству? — упрекнула меня одна из прихожан.

— Потому что она мне так представилась во время нашего знакомства, — ответила я.

Познакомившись с некоторыми из пожилых жителей дома, я почувствовала, что им как воздух необходимо общение друг с другом. Вскоре мы объединились в условно названный нами «русский кружок» и стали регулярно собираться раз или два в неделю. Лишь спустя годы я поняла, как мне тогда повезло — судьба свела меня с такими людьми и они не оттолкнули меня, приняли в свой духовный союз.

Мы собирались в каком-нибудь укромном уголке, я за-

давала им наводящие вопросы, предлагала вспомнить что-нибудь из русской классики. Они любили слушать, как я читала в лицах одноактные комедии Чехова, «Анну Каренину» прочла всю от начала до конца. Слушали внимательно, сопереживали, обсуждали, хотя текст романа им был хорошо знаком. Но самой интересной частью наших встреч были их «живые» рассказы. Каждый из них хранил в памяти свой образ утраченной России и прошел свой путь в изгнании. Они участливо слушали и дополняли друг друга.

Иногда читал свои философские стихи Мишель Астров, скрипач и художник. Громко декламировал что-нибудь в самом начале, потом вставал и уходил: вероятно, считал бессмысленным оставаться и слушать других, так как очень плохо слышал. Юлия Георгиевна Барсова, дочь белого генерала, вела свои рассказы о «великом стоянии» частей белой армии на острове Галлиполи. Ее отец вывез из России и спас от уничтожения очень важные архивные документы.

Одним из первых наших рассказчиков стал Борис Николаевич Лосский², сын известного философа, высланного на так называемом «философском корабле». Он жил в Русском доме со своей женой Надеждой Константиновной с сентября 1993 года. Борис Николаевич в момент эмиграции был еще мальчиком, рассказывал о том, как они с братом Владимиром, не осознавая всей глубины трагедии, которую переживали их родители, бегали по кораблю, принимая ссылку за увлекательное путешествие.

История семьи Лосских хорошо известна. В ноябре 1922 г. вместе с семьями ученых и литераторов, изгнанных за пределы родины как «потенциальные друзья возможных врагов советской власти», Б.Н. Лосский покинул с родителями Петербург. Первые годы изгнания жил в Праге, потом учился и получил высшее образование в Париже, в Сорбонне и Школе Лувра. Принял французское гражданство, в 1939 году был мобилизован, попал в плен и провел пять лет в лагере для военнопленных в Австрии. С 1945 по 1947 год занимал пост «офицера по делам искусств» при французском правительстве в Инсбруке, затем служил хранителем музеев в городах Тур, Амбуаз и Ришелье, с 1965-го по 1970-й год — хранителем национального дворца-музея в Фонтенбло.

Борису Николаевичу было о чем вспомнить и рассказать. Он начал с воспоминаний о далеком детстве, о бабушке — основательнице известной в дореволюционном Петербурге «Стоюнинской гимназии»³. И мы, его слушатели, словно перемещались вместе с ним во времени и пространстве, становились его попутчиками. И такие мельчайшие подробности выплывали из лабиринтов его памяти, что слушали и диву давались, как можно все это помнить!

В «День открытых дверей», который во Франции устраивается раз в год, Борису Николаевичу, как историку и

2. Б.Н. Лосский — (1906–2001) — французский искусствовед, историк архитектуры, мемуарист, кавалер ордена Почетного легиона, сын выдающегося русского философа Н.О. Лосского.

3. Гимназия Марии Николаевны Стоюниной, основанная в 1881 году, считалась одной из самых престижных гимназий для девочек, курс обучения в которой соответствовал курсу мужских гимназий.

искусствоведу, поручалось вести экскурсию по Русскому дому. Он рассказывал приезжавшим историю дома, говорил о происхождении царских портретов и бюстов, украшавших салоны, о сохранившихся здесь царском троне и старинной мебели. Все это после официального признания Францией Советской власти передал в Русский дом, и тем

Валентина Кошкаря
и Лосские

Николай Александрович Тиран
и Юлия Георгиевна Барсова

самым спас от уничтожения, представитель Временного правительства в Париже В.А. Маклаков.

В парижской газете «Русская мысль» Борис Николаевич так описывал обстановку Русского дома: «Кроме царских портретов, украшающих парадный зал, в правом углу под иконой Богородицы стоит императорский трон, тонко вырезанный из дерева эбенистами середины прошлого столетия, с позолоченными на белом фоне рельефными извивами, с обитыми пунцовым бархатом сиденьем и спинкой, с рельефным изображением российского двуглавого орла, увенчанного тремя коронами.

С памятью Николая I красноречиво связан его великолепно исполненный в начале 1850-х годов портрет с подписью Н. Ktuger, на котором император изображен в достоинстве главы придворного полка кирасиров.

Там же стоит покрашенный черным слепок с бюста последнего государя работы знаменитого в начале века скульптора М. Антокольского, а над ним поколенный пастельный портрет последней государыни, сделанный в год ее свадьбы 11 ноября 1894 года, в подвенечном платье, еще в бытность ее принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской»⁴.

4. Б.Н. Лосский и В. Кошкаря «Сент-Женевьев-де-Буа, уголок дореволюционной России». — «Русская мысль» №4177 — Париж, 5–11 июня 1997 г.

Однажды жители дома поехали на концерт. Машины, которые привезли их слушать камерный хор, вытянулись в длинную автоколонну, напомиравшую свадебный кортеж.

— Дело в том, что мы люди немного странные, мы одновременно и русские, и французы, — сказал в своей речи сын княгини Мещерской Жан де Буаю, который был тог-

да мэром города Бретины. Он вручил золотую медаль города руководителю хора «Воскресенье», приехавшего на гастроли из Москвы.

После официальной части началось общение, встреча зрителей с артистами. «Странные французы» жаждали встречи с земляками из России. — Позовите кого-нибудь из Петербурга! — слышалось с одной стороны. — А мне кого-нибудь из Москвы! — звучало с другой. — А из Сибири есть кто-нибудь?

Из Сибири никого не нашлось, но у одного из артистов был дед сибиряк. Завязался оживленный разговор, обмен адресами. Я подумала: «А вот и долгожданная встреча прошлого с настоящим». Неподалеку сидел в инвалидной коляске Николай Александрович Тиран, с ним разговорились два певца, один из них спросил:

— А сейчас вы вернулись бы в Россию?

На лице Николая Александровича появилась по-детски стеснительная улыбка, он опустил глаза, задумался. Вопрос повис в воздухе. Молодой человек ждал ответа с нетерпением и любопытством, уверенный, что сегодня в России все изменилось и нельзя не захотеть вернуться! Но Николай Александрович молчал. В затянувшуюся паузу он мог бы рассказать, что той России, из которой «первые» русские эмигранты уехали когда-то, уже нет. Туда нельзя вернуться, как невозможно повернуть реку вспять. Пришлось бы начать рассказ с того, как ждали возвращения, «сидя на чемоданах», в самом начале эмиграции, как старались выжить на чужби-

не, жили бедно, брались за любую работу и создавали свою «эмигрантскую Россию», как верили, надеялись и любили ее и постепенно становились «странными людьми», пускали во Франции корни, и что теперь у них здесь не только дети, внуки и правнуки, но и свои могилы. Николай Александрович мог бы ответить на трудный вопрос словами из песни своего кумира, любимого эмигрантами певца Александра Вертинского: *«Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой. / Мы жили тогда на планете другой. / И слишком устали мы, / И слишком мы стары, / И для этого вальса, и для этой гитары».*

— Спасибо вам за то, что вы так любите Россию, — сказала на прощанье одна из певиц хора.

— Не забывайте нас, приезжайте в Сент-Женевьев-де-Буа, когда будете во Франции, — сказала я и подумала: «Ведь старость — это всегда одиночество, независимо от того, беден ты или богат, есть у тебя родственники или нет».

Однажды Николай Александрович, постоянно присутствовавший на наших чтениях, обратился ко мне с просьбой: — Не могли бы вы мне помочь разобрать один из моих чемоданов с книгами? Я лет десять его не открывал и уже забыл, что там.

Николай Александрович был частично парализован и передвигался в инвалидной коляске. После литературного кружка мы пришли в его комнату и стали рассматривать содержимое чемодана. Среди книг лежала старая картонная папка, на которой перьевой ручкой кто-то написал: «Княгиня Д.Н. Косаткина-Ростовская. Мой путь служения Театру». — Что это? — спросила я.

— А... это воспоминания одной дамы...

Он рассказал о том, как его дядя, Александр Тиран, познакомился в Русском доме с вдовой князя Косаткина-Ростовского, а затем женился на ней.

— Я навещал дядю, и однажды дама отдала мне свои воспоминания, попросила найти издателя, который согласился бы их напечатать. Я попытался исполнить ее просьбу, но ничего не получилось — кому интересна чужая жизнь? К тому же рукопись на русском языке. С тех пор папка так и осталась у меня. Дядя давно умер, а княгиня после его смерти еще долго жила, кажется, ей было больше ста лет.

— А где они похоронены?

— Дядя мой здесь, в Сент-Женевьев-де-Буа, а княгиня — даже не знаю. В первое время после смерти дяди я навещал ее, но потом и сам состарился, не помню... Возьмите эти воспоминания, если хотите, почитайте в нашем кружке. Может быть, вам больше повезет, чем мне, и вы сможете найти издателя, опубликуете, выполните данное мной обещание.

Открыв папку, я обнаружила более четырехсот страниц текста, отпечатанного на машинке по старой русской орфографии. На титульном листе была дата: «27 марта 1943 года», на последних страницах описывались события конца Второй Мировой войны. Я окунулась в мир занимательной рассказчицы, жизнь которой для меня,

тоже эмигрантки и беженки⁵, не казалась «чужой». Из первых строк узнала, что Дина Никитична Кирова — в замужестве княгиня Косаткина-Ростовская — родилась в крестьянской семье. В начале века добилась успеха на петербургской сцене, а в конце 20-х годов основала в Париже русский театр. Листая пожелтевшие страницы, я думала о том, какая интересная и незаурядная личность оставила эти записи.

— Помните ли вы жительницу вашего дома Дину Кирову? Она была артисткой и основала в Париже русский театр, — спросила я у Антонины Львовны.

— Нет, что-то не припоминаю.

Я решила начать поиски с кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа. Но здесь в журналах фамилии Кировой не было, нашлась только могила ее мужа князя Ф.Н. Косаткина-Ростовского. На простом цементном кресте я прочитала: «Поэт князь Федор Косаткин-Ростовский, 14 ноября 1875 — 22 июля 1940». Выше проволокой была прикручена маленькая черная дощечка с загадочно лаконичной надписью: «Е. Туран — 1982» — и все! Почему указана всего одна дата? Кто бы это мог быть, и какое отношение имеет Е. Туран к князю Косаткину-Ростовскому? Ответов на свои вопросы я не находила. По записям установить личность Е. Туран не удалось, но внутренний голос подсказывал: «это она — Дина Кирова». Я вновь вернулась к этой теме в разговоре с княгиней Мещерской, но на этот раз задала вопрос иначе:

— Не помните ли вы господина Тирана, он жил в Русском доме?

— Конечно, помню. И даже очень хорошо помню, потому что он просил меня быть посаженной матерью на его свадьбе, а я долго не соглашалась.

— Почему?

— Потому что он был старше меня лет на двадцать! Вот мне и не хотелось. Тогда он даже встал на колени, чтобы уговорить меня. Пришлось согласиться.

— И что, была настоящая свадьба?!

— Конечно! В Русском доме всякое бывало, эти стены помнят многое — вся эмиграция через этот дом прошла. Если эмигранты сами не жили здесь, то навещали знакомых или родственников. Бывали артисты с концертами. Раньше ведь сюда приезжали жить довольно молодыми, в шестьдесят лет.

Антонина Львовна предоставила мне все необходимые сведения из картотеки Русского дома. Выяснилось, что Е. Туран — это Евдокия Тиран, урожденная Кирова, родилась 31.07.1886 г. в Осташкове Тверской губернии. Во Франции с 1923 года, в Русском доме поселилась в 1946 году. Овдовев в 1940 году, вышла замуж за А.Тирана в 1963 г., умерла 8 июля 1982 года, похоронена в могиле князя Косаткина-Ростовского в Сент-Женевьев-де-Буа.

В 1948 году был опубликован сборник стихов князя Ко-

5. 13 августа 1992 года я поехала из Сухуми в Москву, уезжала на неделю (к сестре), а получилось — навсегда. На следующий день, 14 августа, в Абхазии началась война (грузино-абхазский конфликт) и дорога домой была отрезана лини-

ей фронта. Став беженкой и прождав в Москве около года окончания войны, в октябре 1993 года я приехала во Францию (к родственнику), получила здесь беженский статус, потом французское гражданство.

саткина-Ростовского «Крестным путем к воскресению», там есть сноска: «Д.Н. Кирова готовит книгу «Мой путь служения Театру»⁶. Значит, книга эта так и не была издана, и рукопись пролежала у Николая Александровича до нашей с ним встречи, больше 40 лет.

Воспоминания, написанные живым и образным языком, были прочитаны нами несколько раз. Их можно было с увлечением читать, открыв на любой странице. Я стала собирать сведения об авторе, о парижском Интимном Театре и, наконец, в 2006 году книга воспоминаний Дины Кировой «Мой путь служения Театру» была издана.

Надежда Константиновна Лоская была самым активным членом нашего кружка, всегда суетилась, помогала мне собирать людей в дни наших собраний. Как-то она сказала, что хочет представить меня одной новой жительнице дома. Ею оказалась Зинаида Алексеевна Шаховская⁷, известная писательница и журналистка, в прошлом главный редактор «Русской мысли». Она была очень любезна со мной, подарила свою книгу воспоминаний «Отражения», но, как только я заикнулась о «русском кружке» и попыталась позвать ее посидеть с нами, разозлилась, топнула ногой и замахала руками: — Никаких собраний, никого видеть не хочу! Я напишу на дверях «злая собака», чтобы меня никто не беспокоил!

Испугавшись такой реакции, я стала ее успокаивать, сказала, что ухажу, и даже подаренную книгу поставила обратно на полку. На что она еще больше рассердилась и закричала: — Что вы делаете!? Заберите сейчас же!

И действительно, ведь это был подарок. Я взяла книгу и скрылась за дверь, решив для себя, что больше никогда в эту комнату не войду.

Примерно через неделю секретарь Русского дома сказала мне, что госпожа Малевская-Малевиц (фамилия Зинаиды Алексеевны по мужу) просит зайти к ней. Я подумала, что секретарь ошиблась, и ответила шутя:

— Госпожа Малевская хочет меня видеть, чтобы сказать, что не хочет меня видеть?

Решила проверить информацию через Надежду Константиновну — все подтвердилось, и я, не без страха в душе, пошла в гости. На этот раз меня встретил совершенно другой человек. Зинаида Алексеевна вся радостно

Борис Николаевич Лоский
и Зинаида Алексеевна Шаховская

светилась, обласкав меня, подарила еще одну свою книгу «В поисках Набокова».

— Душечка, приходите ко мне, когда хотите, в любое время дня и ночи. Я выбрала вас из толпы, которая ходила с поздравлениями по коридору. Вы одна среди этих унылых лиц (здесь она вернула словечко покруче) сияли такой солнечной улыбкой!

И действительно, по большим праздникам я ходила с группой людей, которые вместе со священником поздравляли постояльцев, не пришедших на службу в церковь по состоянию здоровья.

— Зинаида Алексеевна, получается, вы выбирали меня по зубам, как лошадь? — пошутила я.

Мы виделись почти каждый день, она могла позвонить мне даже в 5 часов утра. Несмотря на то, что ей трудно было ходить и передвигалась она, в основном, в инвалидном кресле, иногда мы совершали вылазку в близлежащий ресторанчик, — ей хотелось сменить обстановку. Через некоторое время Зинаида Алексеевна начала приходить на наши собрания в «русский кружок» и, конечно же, стала главной нашей рассказчицей. Она вспоминала о своем детстве в России, о том, как ребенком ловила с детьми раков в пруду: «Опустишь руку в воду, а рак тебя как цапнет за палец! Тут ты иловишь его». Потом в лихие 1917–1918-е годы одиннадцатилетняя Зина на несколько месяцев осталась одна в родительском имении, в Матово под Тулой, в доме была только прислуга. Но девочка ничего не боялась и выходила гулять далеко за пределы имения в сопровождении дворовых собак.

Обитатели Русского дома всегда интересовались моей жизнью и знали обо мне все, ну, или почти все. Я тогда преподавала в Институте Восточных языков, устраивала студенческие вечера, ставила спектакли. Однажды Зинаида Алексеевна заметила, что я чем-то огорчена, пришлось рассказать о том, что некоторые из коллег, которым я, видимо, мешаю спокойно жить, строят против меня козни.

6. Кн. Косаткин-Ростовский Ф.Н. Крестным путем к воскресению. Зарубежный Союз Инвалидов. — Париж: 1948. — С. 15.
Дина Кирова «Мой путь служения Театру» — Воспоминания — Париж — Нижний Новгород, издательство «Дятловы горы», 2006.

7. З.А. Шаховская (по мужу Малевская-Малевиц) — поэт, прозаик, критик, журналист. Родилась в Москве 30.8(12.9).1906 года в старинной княжеской семье, потомок Рюриковичей, в эмиграции с 1920 года. Во время Второй Мировой войны участвовала во французском и бельгийском Сопротивлении. Работала военным корреспондентом в Германии, Австрии, Греции, Италии. В Париже была в главной редакции французского радиовещания (1961–1964), с 1968 по 1978 год — главным редактором газеты «Русская мысль». Кавалер Ордена Почетного легиона и Командор Ордена Искусств и Словесности. В Русском доме поселилась 19.11.1998, последние несколько месяцев лежала в больнице, где скончалась 08.06.2001 года.

— Душенька, завидуют... А ты будь дипломатом, переводи разговор на другую тему, отшучивайся и улыбайся, — советовала она по-матерински.

— Пробовала, не помогает...

— Если не помогает, смело подойди и дай по морде! — Мы рассмеялись.

Однажды Зинаида Алексеевна сказала, что ее хочет навесить писатель Николай Боков, которого она когда-то первая заметила, оценила как журналиста и пригласила работать в «Русскую мысль». Объявила, что это будет последняя официальная встреча, на которую она согласилась, и поэтому я должна воспользоваться случаем и научиться брать интер-

обаживать гостей. Я, включив диктофон, задавала вопросы Бокову, который принес в подарок свою последнюю книгу. В какой-то момент он начал сам задавать вопросы, видимо, не понимая, кто я и что здесь, вообще-то, делаю. Отвечая ему, я стала рассказывать что-то о себе.

— Ты должна задавать вопросы и слушать, сейчас речь не о тебе, — оборвала меня моя наставница.

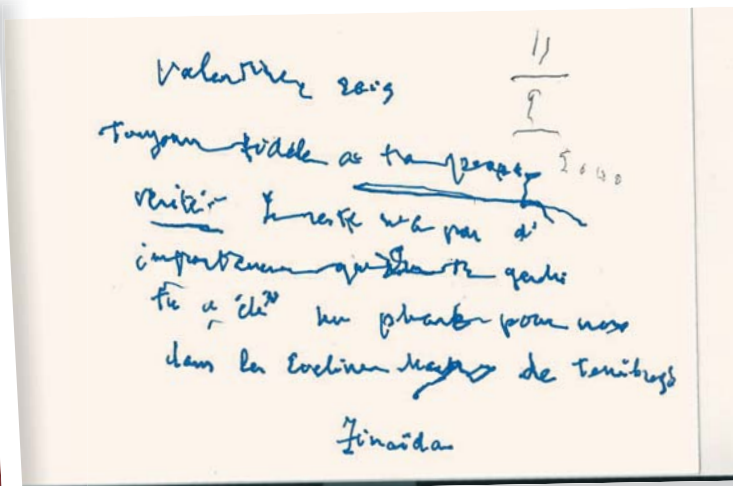
Но через некоторое время все условности были отброшены, и Зинаида Алексеевна рассказывала, что считает себя прямым потомком княгини Рогнеды, гордой и непокорной жены великого князя Владимира. Киевский князь взял в жены Рогнеду силой, против ее воли, убив на глазах у де-

Зинаида Алексеевна Шаховская и Валентина Кошкарян

вью. Решив дать мастер-класс по журналистике, она вооружила меня диктофоном, поручила подготовиться к встрече, продумать вопросы и прийти пораньше. Мы ждали Бокова, он сильно запаздывал. Когда напряжение от ожидания достигло своего апогея, вдруг раздался телефонный звонок. Зинаида Алексеевна была уже взвинчена до предела, из разговора я поняла, что посетитель заблудился и спрашивал у нее, как найти Русский дом. Тут она вспылила не на шутку: — И вы еще спрашиваете у меня, древней старухи! — где этот притивый дом находится!?

Наконец, в дверях появился Боков, он пришел в сопровождении француженки по имени Анжелика — я впоследствии шутила: «Боков с ангелом приходил». Гнев Зинаиды Алексеевны сменился на милость, и она начала

Записка З.А. Шаховской

вухи двух ее братьев и отца. Даже спустя годы Рогнеда не смирилась и попыталась отомстить мужу, предприняв неудачную попытку убить его. Великий князь за столь дерзкий поступок приказал казнить непокорную жену, но она осталась жить, благодаря собственной мудрости. Рогнеда подговорила уже подросткового сына, и он вышел к отцу с кинжалом в руках, став на защиту матери. Зинаида Алексеевна рассказывала эту притчу, считая, что некоторые черты своего характера унаследовала от великой гордой княгини.

Когда весной 1999 года самолеты НАТО бомбили Сербию, Зинаида Алексеевна очень переживала:

— И как только русские могут такое допустить!? Ведь сербы наши братья! Была бы я на несколько лет моложе, уже была бы там, — говорила она дрожащим голосом и со слезами на глазах.

Сербия стала одной из первых стран, протянувших братскую руку помощи эмигрантам «первой волны», а такое забывать нельзя.

Получив приглашение на международный colloquium, который проходил в Париже, Зинаида Алексеевна продиктовала мне обращение к его участникам.

«Эмиграция — удивительная вещь, — читала я от ее имени, — Она обществу совершенно необходима, как особый вид сопротивления в защиту высших ценностей. А высшая ценность — это прежде всего величие человеческой личности, которое дает ему возможность даже и

умирать достойно, защищая Правду. Это один из признаков свободы человека и его величия — защищать Правду. Борьба за это надо до конца, даже на смертном одре, стараясь, чтобы последние слова были в защиту Правды. <...> Эмиграция окончилась, но она не забыта, и теперь о ней упоминается все чаще и чаще, в связи со всем, что за нею последовало. И мне, осколку русской эмиграции, хотелось, чтобы все о ней знали и помнили»...

«Добро пожаловать в мою жизнь», — написала Зинаида Алексеевна на одной из подаренных мне книг. Детей у нее не было, жить одна она уже была не в состоянии, — здоровье не позволяло. Уехав в Русский дом за тридцать километров от Парижа, она потеряла свой привычный уклад жизни, друзья не могли навещать ее так часто, как хотелось бы. В прошлом военный корреспондент, участница движения Сопротивления, она не хотела мириться с плавной текучей жизнью среди пожилых людей, винила своих племянников в том, что устроили ее сюда, и «вышла на тропу войны» с дирекцией дома. Гордая княжна⁸, десять лет с твердостью и мудростью управлявшая парижской газетой «Русская мысль», привыкшая сама принимать решения, не могла смириться с тем, что теперь решать за нее должны другие.

Она «уходила» из Русского дома трижды. В первый раз ее увезли друзья, но через некоторое время вернули. Потом Зинаида Алексеевна уговорила знакомого батюшку отвезти ее в Париж. Этот тайный «побег» закончился тем, что, растерявшись и не зная, как быть дальше, батюшка оставил ее в полицейском участке — администрация, отвечавшая за безопасность своих жильцов, искала беглянку всю ночь.

По прошествии какого-то времени Зинаида Алексеевна все-таки добилась от одного из своих племянников (Ивана Набокова, который в первое время довольно часто навещал тетю и занимался ее делами), чтобы он перевел ее в другой старческий дом, на ее взгляд, более престижный. Мы вышли провожать Зинаиду Алексеевну, уезжавшую с торжествующим видом победительницы. Она уехала на шикарной машине, которую подогнал племянник, и... буквально через неделю была опять здесь.

— Зинаида Алексеевна, зачем вы вернулись!? Вы же так хотели уйти и вам нелегко было это устроить!? — недоумевала я. — Душечка, — махнула она рукой, — везде одно и то же... все те же казенные рожи...

От «прогулки» и новых впечатлений она, казалось, посвежела и воспряла духом, но причина такой перемены скрывалась в другом... Убедившись в том, что в Русском доме ее силой никто не держит, но деваться некуда и прежнюю привычную жизнь уже не вернуть (муниципальную квартиру, в которой она жила долгие годы до переселения в Русский дом, уже забрали), Зинаида Алексеевна решила самостоятельно, без постороннего вмешательства, завершить дела земные, чтобы спокойно отойти в мир иной. Первым делом она пригласила на серьезный разговор княгиню Мещерскую, к которой, нужно сказать, относилась уважительно, после чего

стала ходить по воскресеньям в церковь Русского дома, а потом устроила свой «последний», как она подчеркивала, день рождения, на котором сама же всем раздавала подарки.

Зная, что в университете я работаю с Ренэ Герра, французским славистом, знатоком русского эмигрантского искусства, Зинаида Алексеевна сказала:

— Сейчас мне нужен такой человек, как Герра, передай, что я хочу с ним встретиться, пусть придет.

Когда-то они работали вместе над «Русским альманахом», изданным в 1981 году, потом Герра помогал Зинаиде Алексеевне устроить в Париже выставку картин ее мужа, дипломата и художника, Святослава Малевского-Малевича. Но однажды они поругались и, по словам Герра, «чуть не подрались». В ответ на приглашение профессор долго посылал Зинаиде Алексеевне приветы, говорил с «Зикой, Зикулей» по телефону, но в гости не торопился — как мне показалось, он не только ценил и уважал ее, но и слегка побаивался.

— Паршивец, не хочет навесить старуху перед смертью! — начала возмущаться Зинаида Алексеевна.

Наконец, встреча состоялась и после разговора, в присутствии персонала Русского дома, Зинаида Алексеевна передала Герра портрет своего мужа Святослава Малевского-Малевича работы Анны Старицкой, который висел в ее комнате. Так она сама позаботилась о судьбе «Светика», как ласково звала она мужа, а мы наблюдали трогательную сцену ее прощания с портретом.

Иногда неразборчивым, измененным старческим почерком Зинаида Алексеевна писала мне небольшие и очень трогательные записки. Вот одна из них: «Валентина, будь всегда верна своей собственной правде, все остальное не имеет значения. ...Ты была для меня лучом света в этом темном царстве. Зинаида».

— Почему ты никогда мне не пишешь? — упрекнула меня как-то она.

— Зинаида Алексеевна, мы же с вами видимся почти каждый день! — удивилась я. Но потом поняла, что для нее — писательницы — слово написанное важнее и дороже слова сказанного.

У меня хранится библиотечка — собрание сочинений Зинаиды Алексеевны. Она писала по-французски и по-русски под псевдонимом Жак Круазе и под своей девичьей фамилией Шаховская. В некоторые книги вложены пожелтевшие вырезки из газет, на страницах пометки, сделанные ее рукой. «Я с необычайной смелостью писала и говорила, что думала», — признается Зинаида Алексеевна, и это действительно так. Хотелось бы завершить рассказ о русской княжне с героической судьбой строками из ее стихов: «*И в страшный час земной разлуки / Благословенно бытие, / Прими, Христос, пустые руки / И сердце полное мое.*»

Остается только поблагодарить судьбу за то, что однажды привела меня сюда, в этот уголок русской культуры, дала возможность пообщаться с последними «белыми» эмигрантами, вернее, с теми, кто уехал еще в детском возрасте, — старшее поколение я уже не застала. Здесь, в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа я встретила тех, кому «белые на синем ночью о России снятся сны», видела воочию, как цветет буниинская Роза Иерихона — живет Память. **ИБ**

8. «Я не княгиня, а княжна, — любила уточнять Зинаида Алексеевна, — потому что родилась в княжеской семье, а не приобрела этот титул в замужестве».

Серебряный мой
9.01.2004. [Signature]

«ПЕПЕЛ ПОД ГРАНАТОВЫМ ДЕРЕВОМ»

Арменуи Эмин

Сергей Параджанов — Сержик, как его звали в детстве, да и потом тоже... В Тбилиси он жил на параллельной с нашей Судебной улице с отцом, матерью и сестрой. Семья была состоятельная, что в те времена особо проявлять было нельзя: мать носила дома бриллианты и снимала их, выходя на улицу. Отец занимался тем, что в нынешнее время назвали бы риэлтерством, и был известен в обществе как «Иосиф Прекрасный». Сержик учился в школе № 42 и спускался из дому на проспект Руставели по Давидовской (наш дом был второй от угла), и еще он ходил с маленьким чемоданчиком в балетную школу при опере. Мы с ним встречались в семье моей подруги Лины. Эвелина была приемным ребенком, и ее родители старались сделать все возможное для осуществления ее благополучной жизни. Они собирали у себя кучу детей и устраивали веселые утренники. На них Сержик, учившийся в балетной школе и отлично разбирающийся в танцах, затевал пляски индивидуальные и «хороводные». Во время войны нашу школу № 57 забрали под госпиталь, весь состав учащихся и преподавателей втиснули в школу № 42, и мы с Сержигом оказались в параллельных десятых классах. Учился он так себе, на уроках поигрывал в карты... В то время еще не было многоотомной «Истории КПСС», но мы должны были в ней разбираться, и директриса Лидия Юрьевна читала нам, по мере своих возможностей, лекции, а мы, тоже по мере своих возможностей (и не умели, и с тетрадями был напряг) записывали их. Кроме того, нас обучали военному делу. Все мы, и мальчики, и девочки, разбирали и собирали винтовку, и военрук таскал эту задрипанную защелку по классам. Мальчики, которые после школы должны были попасть в военное училище или прямо на фронт, отчеканивали на школьном дворе парадный шаг и лазали по воткнутому шесту на второй этаж. Девочек обучали (да какое там!) на медсестер, вернее — примитивному санитарному делу.

Юность Сергея озвучена была несколькими громкими историями. С женой и сыном Параджанова я не была знакома, сам он с ними после переезда в Ереван редко общался, ближе ему был племянник, сын сестры. В Ереване он снимал картину «Цвет граната», мой муж поэт Геворг Эмин одно время, когда считал, что это биографическая картина о Саят-Нове, был задействован в ней редактором, и Сергей бывал у нас дома.

Время шло, люди старели, наступили болезни. Мой муж и Сергей однажды оказались вместе в больнице лечкомиссии. Я навещала Геворга в палате. Параджанов был в плохом состоянии, он ощущал близость конца. В один из последних дней, когда он уже почти не разговаривал и не реагировал на окружение, он спросил меня: «Вспоминаешь Тбилиси?» Тбилиси — прекрасный город, приближенный к русской и европейской цивилизации, ставший для него началом пути...

Сергей Параджанов — необычный неосуществленный талант. Талант не для снятия одной, двух, трех картин. Это талант внесоциальный, надреальный. Может, и проявился бы в третьем тысячелетии. Мир его витающему в космосе духу.

*Сергей Параджанов.
Посмертный юбилей — 80-летие.
Замечательное фото оператора
Виктора Ефименко*

ЦВЕТ ГРАНАТА

Геворг Эмин

*Да нет, в этом мире —
Что бы ни говорили —
«Где-то, увы,
Что-то криво...»*

*...Поспевал гранат —
Награда твоего дара,
И чудо интуиции —
Как добро и причастие
Досталось бы миру,
Человеку и веку...*

*Он должен был поспеть,
Налиться, покраснеть,
Должен был надтреснуть,
Как сердце матери и поэта —
И дерево должно было
Протянуть свои зеленые ветви
И одарить его чудом...*

*Но... рядом с гранатом бывает клинок,
Но на гранат поднимают нож,
А те, кто с ножом,
Шутить не любят.*

*И гранат был убит.
Он был растерзан сапогом в застенке,
Не дойдя до мира,
Века и человека...*

Был убит, растерзан.

*И вкусили мы, увы, лишь...
Цвет этого граната
(Что был кровав),
Не насладившись ни
Его прекрасным видом,
Ни вкусом и ароматом...*

*И как мы могли
Это сделать, скажи,
Когда в этом мире,
В этом пустом мире
«Где-то, увы,
Что-то криво...»*

*Душа моя, дай-то Бог,
Чтобы подобно этому лживому миру
Ложью оказалась эта тяжкая весть,
И я мог бы порвать и сжечь этот реквием,
Рассыпав его горячий пепел под гранатовым
деревом.*

Написано Геворгом Эмином 26 сентября 1977 года в Ереване на каком-то совещании, когда по рядам прошла весть о смерти Параджанова, впоследствии оказавшаяся ложной.

Предлагаем вашему вниманию фрагмент из книги Тамары Шевченко «Жизнь как она есть».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОЦЕССА...

(Из дневника Тамары)

С утра холодно, моросит дождь, и вдруг солнце, жара и почки торопливо раскрываются, и деревья жадно впитывают своими изумрудно-зелеными листиками свет и тепло. Пробуждение... Весна. Ветреная, переменчивая, а все равно прекрасная.

А когда тебя везут в закрытой темной машине, когда наверху окошечки, как щелки, когда ты в арестантской одежде и рядом сидят два солдата, и не дают повернуть голову ни вправо, ни влево, а велят держать ее только прямо... Какая она тогда, эта весна, и чувствуется ли она вообще?

Он открыл свои солнечные и такие всеобъемлющие, полонящие тебя целиком глаза, он их открыл и посмотрел на меня. Он ответил:

— Чувствуется, еще больше чувствуется. Сегодня меня в первый раз везут по улицам города, но и спиной я вижу... И эти каштаны, открывающие почки, и этих людей, которые вольно идут, куда захотят! И не смотрят на деревья, на траву, и не глотают так воздух, как я... Четыре месяца я втягивал в себя густой махорочный дым (в камере все курят — я отдавал им деньги, чтоб они покупали курево и дымили, и наслаждались... единственная их радость).

Нет, это — не его... Он скажет — «единственное их тепло, их добро»!

А я ведь не курю. Я только дышал... И потому сейчас в машине с зарешеченными щелками для меня — весна! А вдруг перед воротами суда я увижу хоть одно знакомое лицо.

«Их было так много, — думаю я, прибавляя шаг, — где они все теперь, ваши друзья? Они зачастую не вмещались в двухкомнатной квартирке и стояли на площадке и далее на лестнице, и все шли, шли к Вам — на Ваш смех, на Ваш удивительный юмор...»

Я, Тамара Степановна, тоже ваш друг. Иду по улице, мимо здания суда, и передо мной плывут Ваши глаза, они сегодня преследовали меня всю ночь и сейчас держат, не отпускают. Я все говорю и говорю с Вами и ощущаю: машина едет, уже подъезжает, уже выводит! Увидеть, еще увидеть, только один раз..

...Светло-кофейное здание, внизу на окнах массивные решетки, стоит на самой красивой площади — напротив воздушное голубое тело златоглавой Софии, гетман Богдан с булавой на коне, скверы, заросшие старыми деревьями, с древними каменными бабами и фонтанами. Сколько раз я сюда приходила, чтобы полюбоваться памятником и Софией. И никогда не замечала. Ни этого здания, ни этих решеток.

Неужто здесь сегодня судят Вас? Судят добро и радость! Судят талант! И никого нет... Никто не может крикнуть — отдайте, не смейте, не позволим!

Оглядываюсь... Да, я тут одна. Не защищать пришла, а только взглянуть... Топчусь на месте, возле здания суда. Куда идти, где найти? Поворачиваюсь лицом к скверу — сквозь нежную зелень видна группа людей на скамейке, у фонтана. Смотрю на них, и они смотрят. И вдруг, как по команде, поднимаются и шагают через дорогу. Меня начинает знобить. Они все тут — самые талантливые, самые умные и благородные. Художники, скульпторы, архитекторы... В последний раз я видела их, когда Вы, как всегда, блистали остроумием и расставляли кузнецовский фарфор, и сами готовили сациви. Все было великолепно — изысканно сервированный стол, букетики васильков и ромашек среди больших голубых тарелок и картина Григория Гавриленко, которая висела не на стене, а на канделябре: чуть надтреснутые, трогательные и очень печальные (хотя и розовые) розы, как живые, покачивались перед глазами. И гобелен польской красавицы, так похожей на Вашу жену Светлану. И вдруг неожиданно — кусочек редкого туркменского ковра со стены и сделанный Вами портрет из мозаики.

Квартира находилась на площади Победы — внизу грохотал пыльный город. Но вы задернули окна матерчатыми шторами и создали свой мир. Необыкновенный натюрморт, неожиданная композиция из цветов и вещей, портрет из цветных осколков стекла. На двери бубенчики, в ванной комнате пустая позолоченная рама и над ней цветок. Раскроешь дверцу кухонного шкафчика, а она вся обклеена старинными фотографиями — лица давно ушедших, лица из другого времени: мужчины с аксельбантами на плечах, с орлиным профилем и гордо посаженной головой, глазастый большелобый юноша во фраке, красавица, затянутая в черные шелка, глядящая на тебя из-под ажурной широкополой шляпы-цветка. Ваши вещи, безусловно, живые. Дви-

гаются, никогда не привязаны к одному месту, сегодня так, а завтра совсем по-иному. Вы в них вкладывали столько любви и своего вкуса, что они очеловечились и по-своему заговорили. Потому и шли люди — шли насыщаться, шли почувствовать себя добрее и глубже. Вам десять лет не давали работы, Вас заживо погребли, а Вам необходимо было творить. Талант переливался через край, талант захлестывал Вас — и Вы двигались среди своих вещей, меняли их местами, переставляли, обновляли, создавали бесконечные интерьеры... Вся квартира была пронизана творческой энергией: ее излучали не только Ваши солнечные глаза, но и небольшие, мягкие руки, гибкий, музыкальный голос, и все Ваши движения, вся быстрая, легкая фигура. Вы щедро раздавали идеи, сыпали находками и откровениями. Вы не скупались отдавать, ведь от этого Вы становились богаче.

...Параджанов читал сценарии, смотрел материалы фильмов, помогал их монтировать и всегда, как дитя, радовался чужой удаче и переживал, чувствовал себя несчастным, прикаса-

«...Параджанов читал сценарии, смотрел материалы фильмов, помогал их монтировать и всегда, как дитя, радовался чужой удаче и переживал, чувствовал себя несчастным, прикасаясь к бездарному».

ясь к бездарному. Зависть была ему чужда, потому, я думаю, и открывались ему навстречу людские души. Художники и режиссеры, писатели и поэты, скульпторы и музыканты и даже авиаторы, и даже милиционеры и просто дворник, и просто солдат, обыкновенный рядовой человек всегда обогащался, попадая в его квартиру. Он их всех любил, и так же творил, как свои вещи. Есть нелюди и человеколюбцы. Параджанов относился к жаднолюбам, и в чем-то повторил поэта Максимилиана Волошина. Слова, сказанные Александром Федоровичем Кони о Волошине, можно полностью отнести и к нему: «Природа дала ему неизреченный дар: сидят за столом совсем мертвые люди, тлеющие угольки. И вдруг приходит он, берет их к себе на ладонь, дунул — и они засияли. И вот уже бушует пламя. Он интересовался каждым, и этот каждый сбрасывал всю шелуху, все наносное, и неожиданно обнажалось прекрасное, сокровенное».

И вот сейчас они стоят, эти люди, несчастные, беспомощные... Суд закрытый, за плотно затворенной дверью находитесь Вы, и Вас в чем-то обвиняют... В коридоре, у стены застыла Светлана. Она похожа на мадонну: точеный нос, выпуклый лоб, стройная шея, голубые глаза с чуть припухшими веками и две слезинки на бело-розовом лице. Все классически красиво и напоминает старинный гобелен, висящий в вашей комнате.

Тут же сидит иссохшая дама в мехах — художница Лидия Тихоновна Баикова и хрупкий, черноглазый, похожий на мальчика режиссер Миша Беликов, и заросший бородой скульптор Фуженко, и сероглазый с бледным, прорезанным

глубокими морщинами, хотя и молодым лицом, известный на Украине скульптор Рапай. Все это свидетели, они должны давать показания и говорить какие-то слова о человеке, которого судят. Но они и друзья, влюбленные в подсудимого, так же, как и я... И их призвали свидетелями?

— Значит, все обойдется хорошо, — говорят они, — значит, справедливость восторжествует, иначе нас не брали бы в свидетели! Безусловно, безусловно, это недоразумение, суд оправдает его.

Я внимательно смотрю на них, мне кажется, это сон, — ведь совсем недавно они сидели на удобной дубовой лавке, а не на этих страшных казенных стульях, и за их спиной не было серой стены, а стояли цветы. Они пили красное вино и ели сациви с орехами. А подсудимый был тогда хозяином. Смуглый, искрящийся весельем, он подбрасывал гостям сотворенную им еду, и очень радовался, когда они восхищались его кулинарными способностями.

Я быстро иду по коридору, сейчас, сейчас войду, распахну дверь, крикну:

«— Сергей Иосифович, родной, почему Вы здесь? Вы, талантливый режиссер, добрый, честный человек, — под стражей? Взперти? Пойдемте быстрее, там за дверью Вас ждут друзья...»

— Сергей Иосифович, родной, почему Вы здесь? Вы, талантливый режиссер, добрый, честный человек, — под стражей? Взперти? Пойдемте быстрее, там за дверью Вас ждут друзья. Все здесь собрались и все ужасно по Вам соскучились. Отпустите его, разве вы не видите, это же Параджанов! Он никому никогда не сделал зла, и его нельзя изолировать от людей. Он нужен им.

Но не успела я еще подойти к двери, а передо мной солдат. Я показала на дверь — «разрешите хотя бы посидеть тут, чтобы услышать голос...». Солдат, синеглазый молодой паренек (вероятно, призвался сразу после десятого класса), ответил сочувственным взглядом.

— Не могу, — шепотом, по складам произносит он и кивает в сторону сидящего на стуле, напротив заветной двери. Это человек в штатском, с закрученными колечками тонкими усиками, будто процеживает меня через острый прищур своих серых глаз.

Ага... «Сатана тут правит бал». Вас судят черти. Теперь я вижу, как их много. Соседняя с помещением суда комната набита людьми в штатском. Они распоряжаются солдатами, контролируют суд, встречают и провожают свидетелей. Пришитая Вам уголовная статья — фикция, Ваше дело ведется руками Ада!

...Дверь открылась, вышел Юрий Ильенко. Оператор, создававший вместе с Вами «Тени забытых предков» — фильм, даровавший Украине мировую известность, фильм, после которого Ильенко стал режиссером своего самостоятельного фильма — «Белая птица с черной отме-

тиной» (золотая медаль на международном московском фестивале). Теперь он свидетель. Парадоксальная личность по отношению к Вам. Вы его любите, он Вас то любит, то ненавидит. Я вздрогнула, Ильенко окружили все Ваши друзья: «Ну как? Что он сегодня? Какой у него вид?» — Я все сказал, — объявил он так, чтобы «слуги ада» не напрягали слух, — сказал, что Параджанов великий режиссер, сказал, что он мой учитель. Я сообщил о письме, которое написали в ЦК партии режиссер Тарковский и писатель Шкловский.

«На этот раз в нем торжествует доброта, — подумала я, — и лицо у него сейчас такое же красивое, как в тот незабываемый вечер, когда я познакомилась с Вами». Тогда Вы были без седины, без сетки морщин, в которую Вас со временем поймали страдания — гладко-бронзовое обличье с дерзким взглядом, черной бородкой и черными, вьющимися над громадным лбом волосами. И Вы вошли в мой дом, как победитель, окруженный свитой рожденных «Тенями» талантов — похожая на лань, красивая большеглазая женщина, сосредоточенно-углубленный в себя, мужественный бородач, и еще один бородач, высоченный, всем своим обликом напоминающий древнегреческого философа, и женщина, уже в возрасте, с классически правильными чертами до сухости худого лица, одетая по-старинному в длинное черное платье с кружевным шарфом на голове, и юноша, по моим понятиям, ни больше ни меньше, как сам Аполлон, сошедший с Олимпа.

— Мы после просмотра фильма Параджанова «Тени забытых предков», — сказал мне муж, — Это поразительно, но это шедевр! Я пригласил всех к нам. Знакомься... Нужно отметить, наконец-то! Свершилось чудо! На серой глинистой почве киностудии Довженко выросла роза!

И тут, будто прорвало плотину, все стали целоваться и поздравлять друг друга с успехом. Древнегреческий философ (художник Юрий Якутович) смотрел, как Параджанов обнимал мужественного бородача оператора Ильенко и хохотал:

— А как ругались, вы бы посмотрели на них во время съемок.

— Вы нас спасли, вы оказались миротворцем, — сказала дама в кружевах, художник по костюмам Лидия Тихонова Байкова.

— Я был и не за Параджанова, и не за Ильенко, — ответил Якутович, — я больше всего боялся, чтобы не оскорбили автора, я защищал Коцюбинского.

— А какие телеграммы шли с поля боя. Я больше всего боялся, чтобы режиссер не вызвал оператора на дуэль, — улыбнулся муж, — Ведь тогда не состоялся бы фильм...

— Ужас! Чуть поссорятся, сразу Сергей Иосифович депешу в Киев, — грудным, хрипловатым голосом сказала женщина-лань (актриса Лариса Кадочникова).

— Да, да, да! Посылали телеграммы, спорили, кричали! Но это был прекрасный шум, это была работа. Настоящая работа, — очень быстро и горячо, с мягким армянским акцентом проговорили Вы, — И главное, что нам не мешали.

Радость! Запускается «интермеццо». Киногруппа во главе с Сергеем Иосифовичем Параджановым выехала на выбор природы. На всякий случай, захватили с собой и Тамару, как талисман...

Вы, Святослав Павлович, человек новый, вы возглавляете комитет кинематографии Украины — комитет чиновников, а знаете, для чего он создан? — Параджанов обвел всех сияющими восторгом глазами, — Да для того, чтобы мешать рождаться чистому искусству. Да, да, да. Но у вас светлый и сильный ум. И вы нам не мешали. Вы сказали «серая глинистая почва»? А все почему? Мешают... Не дают удобрять. Разве у нас нет талантов? Вот посмотрите на Юру Ильенко. Он не только талантливый оператор, он может быть и режиссером, я уверен. А какой он нежный... Как ребенок! Такой мужик, а когда спит — стонет. Да, да, да, — Вы снова обвели всех восторженными глазами. — Не смейтесь! А Леня Осыка? Смотрели его диплом. «Входящая в море»?! В будущем студию могут назвать именем Леонида Осыки. Почему Довженко, только Довженко, а вдруг прорежется новый гений — Осыка? Постоянного ничего нет. Вот такой воробушек Леня Осыка тоже удивительно нежный человек...

И опять все засмеялись, очень уж был похож Осыка на взъерошенного воробья.

— А Мащенко? — продолжали вы. — Этот маленький яростный человек готов взорвать всю группу, чтобы создать шедевр.

... Вы не хотели обидеть ни Святослава Иванова, назвав его чиновником, ни Леню Осыку, ни Мащенко, вы думали о них по-доброму, но что можно поделаться: непосредственностью и образным языком Параджанова?! Он всегда приклеивал людям меткие клички, приклеивал не со зла, а от большого литературного таланта. Друзья понимали и смеялись, но обыватель не прощал и мстил. Вы наживали врагов. Это я поняла позже, много позже.

— Не мешайте нам. Не мешайте нам, и мы будем творить

гениальные фильмы... — страстно убеждали Вы нового председателя Комитета кинематографии.

— А мне фильм не нравится, — неожиданно тихо проронила я, его жена... — Он скучный и холодный, и музыка визгливая, и характеров никаких нет!

И сейчас, как вспомню, больно, и сейчас стоит передо мной то Ваше лицо. Какая-то беззащитность и детскость появились в нем. Брови полезли вверх, лоб наморщился. Вы подняли плечи, подошли к столу и схватили пышный пучок грузинской травы. Затолкали ее в рот и не удостоили меня ответом.

Потом, когда все уже сидели за столом, и много было поднято тостов, и много сказано приятных слов, Вы неожиданно повернулись ко мне, наклонились к уху и шепнули: — А вы пойдите второй раз, посмотрите еще фильм. Обязательно пойдите. Ладно?

Я вгляделась в добрые, чуть тронутые лукавством глаза. И повторила:

— Ладно...

И пошла... Сразу же, на следующий день пошла, хотя и была убеждена: иду напрасно — фильм мне все равно понравиться не может.

Смотрела в первый раз — была я одна Тамара. Второй раз посмотрела, что-то во мне изменилось, словно прозрела, и стала я другая. Новизна, необыденность, красота кадра, цвет... Я не могла уловить самое себя, и пошла в третий раз. А теперь сидела третья Тамара. Сколько же их во мне! Теперь я не видела цвета, не слышала музыки — все было совсем другое и опять новое. Добро и зло, жизнь и смерть, буднично-мелкое, суетное и большое, настоящее. Вот в чем фокус! В фильме было то, что испокон веков волновало

человека — познать тайну жизни, не пройти тенью, мимо, мимо... «Тени забытых предков» — они притягивали меня, как магнит. Опять увидела афишу и опять пошла. И снова совершилось чудо — на этот раз потрясли люди. Почему я их не видела раньше? Это больше, чем характеры, это — символы. В конце я незаметно смахнула слезы и стыдливо отвела глаза от подруги. Ей фильм явно не понравился. — Пойди, посмотри во второй раз, — посоветовала и не стала ничего объяснять.

Сейчас я думаю, что секрет «Теней» заключался в их удивительной, объемной многогранности. Они, как и «Джоконда», меняли цвет в зависимости от освещения, помогали зрителю раскрывать самого себя, в зависимости от его состояния и настроения.

Спустя несколько лет я рассказывала Сергею Иосифовичу о своих ощущениях — он небрежно махнул рукой: «Я уже ушел от этого фильма, давно его не смотрел и не буду смотреть, боюсь, что он мне остро не понравится!»

— Неправда, не верю, он бы и теперь Вам понравился.

Фильм не старел, он, как хорошее вино, от времени лишь набирал силу.

До «Теней» Параджанова как режиссера никто не знал. Теперь он приобрел известность не только в России. Призы в Аргентине, Испании, Японии, Франции (парижские газеты взахлеб писали об «Огненных конях» — так называли там «Тени»). 19 наград и такая, на удивление, долгая жизнь — фильм с триумфом кочует из одной страны в другую, годы все больше и больше приближают к нему зрителя.

А Вы, Сергей Иосифович? Что Вы делаете в это время? Ездите по «заграницам» и собираете лавры, или не сходите со съемочной площадки и снимаете новые фильмы? Нет, к сожалению, не произошло ни того, ни другого. Параджанов сидел у себя в квартире, на пыльной и шумной площади Победы и лихорадочно менял интерьеры, лихорадочно писал все новые и новые сценарии, лихорадочно принимал людей, старых друзей и новых поклонников. Сценарии браковались, люди хватали разбрасываемые идеи, пользовались советами и надолго исчезали... А потом, когда им было нужно, опять появлялись. «Дом Параджанова» был открыт для всех, и все это знали и без стеснения приходили, чтобы брать.

XX век — век, когда рвутся связи, когда цветет зависть и нарастает злоба. Стираются индивидуальности, люди все больше и больше становятся похожи друг на друга... Они не выносят явления планет, которые притягивают и вокруг которых приходится вращаться. А Вы были планетой, и, к сожалению, притягивали не только добро, но и зло.

XX век — технический век, он концентрирует и разделяет — Вы перешли в другое измерение и не умели отличать добра от зла, и выпали из века.

Чернота гушчалась.

Раньше вы делали средние фильмы, и перед Вами всегда горел зеленый свет.

Теперь он навечно стал красным. Новый фильм «Фрески Киева» был закрыт в самом начале — сразу же после про-

смотра отснятых проб. Фильм об армянском поэте Саят-Нове, который вы сняли в Армении, не пропускали на союзный экран, не выдвигали на фестивали, тщательно скрывали от западных продюсеров. «Саят-Нова» («Цвет граната») не был похож ни на одну киноленту, совсем как Вы, его создатель.

Попали в больницу с тромбом в глазу, с угрозой слепоты, нуждаясь в витаминах.

Вам приносили апельсины и гранаты, а вы ходили по палатам и раздавали плоды детям.

Как раз в это время бывший оператор и ваш последователь Ильенко отмечал премьеру «Белой птицы с черной отметиной».

Фильм получил золотую медаль на международном фестивале. Теперь уже его режиссер, Юрий Ильенко, стоял на сцене и переживал, когда утихнут бурные овации. Он был эффектен, как никогда, в черном костюме, черноволосый, со взглядом, устремленным вниз, к корзине прекрасных алых роз. Он знал, кто их прислал, они напоминали о человеке, который сейчас тоже стоял, но не на сцене, а в больничном коридоре... Не в костюме, а в старенькой пижаме. Перед ним не было такого множества лиц, а только несколько, как всегда, приобретенных уже здесь, в больнице, друзей. Но радовался он так же, как его ученик, новоиспеченный режиссер Ильенко.

— Если я и не получу работу, если я и ослепну, все равно не страшно, потому что есть Юра, — говорили Вы своим слушателям. — Молодец! Я всегда знал, что он талантлив...

И Вы достали денег, чтобы послать несколько корзинок роз на премьеру...

Розы у ног Ильенко вопили о справедливости. «Он без работы, слепнет... Он — твой учитель... Скажи хоть слово,

«Перед ним не было такого множества лиц, а только несколько, как всегда, приобретенных уже здесь, в больнице, друзей. Но радовался он так же, как его ученик, новоиспеченный режиссер Ильенко».

вспомни «Тени». Но Ильенко не мог делить успех, он до него добрался с таким трудом. И Ваши розы ему мешали...

Сейчас, на суде, Ильенко вспомнил «Тени»... Я посмотрела на его смуглое лицо и встретила взгляд, и ощутила в нем холод: он защищал, но он не верит, что оправдают, значит, засудят...

— Я сказал суду о письме режиссера Тарковского и писателя Шкловского, сказал специально, чтобы об этом услышал Параджанов, — говорил нам, стоящим под дверью, Юрий Ильенко. — Я сказал и об этих строчках, появившихся в газете, достойных лишь грязной клеветнической бульварной прессы.

... Представляю, как Вы радовались, слушая Юрия Ильенко. — Вы читали, Тамара Степановна? — обратился ко мне кто-то из присутствующих. — Вот оно, это письмо, а вот номер газеты...

По рукам ходила копия письма Шкловского и Тарковского. Они писали о необычайной ценности режиссера

Всеволод Ведин (Сева) и Сергей Параджанов. В 1954 г. Ведин работал заведующим отделом культуры в газете «Сталинское племя». Данный снимок сделан в ту пору, когда он работал в АПН, которое возглавил гонимый тогда Иванов. Туда часто приходил С.И. Параджанов накануне своего ареста.

Параджанова: он создал всего два фильма — «Тени забытых предков» и «Саят-Нова» («Цвет граната») и прославился на весь мир, он полон творческих сил, энергии и может принести большую пользу своему народу. «Мы не знаем, за что его судят, — писали Шкловский и Тарковский, — но умоляем отнестись к нему снисходительно. Взвесьте, насколько большие потери понесет государство, загубив такого режиссера. Не повторяйте печальной судьбы Александра Довженко и Дзиги Вертова».

Шкловский и Тарковский не знали, за что Вас судят, и никто не знал, и Вы сами не знали... «Цени не приобретателей, а изобретателей, — писал оператор Дзига Вертов. — Противодействуй легкой наживе. Дай сеятелям пожать плоды своих трудов. Поощряй искусство смелых садовников, а не искусство срывающих яблоки».

И он, и Вы принадлежали к изобретателям, к смелым садовникам, и он, и Вы именно за это сидели без работы, подвергались гонениям и моральным мукам.

«Пытка ожиданием, — вопит в своем дневнике Дзига Вертов, — организм как натянутый лук. Состояние тревоги и днем, и ночью. Натянутые пружины нельзя отпустить. Лучше пытки обыкновенные — иголки под ногти, жариться на костре. Думал о себе, что всегда буду неутомимым. Нет. Загнали. Мозг устал так, что тело от ветерка валится».

Вы, Сергей Иосифович, пережили эти страшные пытки ожидания, закрытия фильмов, обещаний и отказов, перечеркивания ваших великолепных сценариев, но, видимо,

этого оказалось мало — Вас подвергли пыткам «обыкновенным» — заточению в одиночной камере (Параджанов в одиночке — это равносильно сожжению на костре!)

Я передала письмо Тарковского и Шкловского сидящему рядом со мной парню и взяла вырезку из газеты «Вечерний Киев». Здесь в одной колонке с пьяницами, спекулянтами, ворами значился некий работник киностудии Параджанов. Оказалось, что он разрушил свою семью, а потом устраивал в доме оргии и осужден по 22 статье, как морально разложившийся тип. Я засмеялась, и все смеялась и смеялась, и от смеха у меня текли слезы. «Золотой волос с полотен Боттичелли, волос реальный, он из косы Светланы Щербатюк», — вспомнились мне строки из Вашей «Исповеди». Вы всю жизнь хранили этот волос, Вы всю жизнь любили единственную женщину — Вашу жену Светлану Щербатюк. «Параджанов разрушил свою семью», — какая наглая ложь. «Светлана Щербатюк — возлюбленная «Человека». «Человек» обнаружил волос спустя десять лет после развода. «...По утрам «она» расчесывала свои золотые волосы, а я, разбуженный и сонный, еле различал ее контур в первых лучах солнца... Вычесанный слиток золота небрежно наматывался на палец...

Снимался с пальца и летел в колодец моего трехэтажного дома... Квартиранты провожали его взглядом... слиток медленно опускался на ладонь айсорки-дрорничихи в пестром атласном наряде... Айсорка льстила... волосы можно сдать в «торгсин». И мне тогда так казалось...»

Из комнаты суда вышла Ваша жена Светлана. — Я объяснила суду, — сказала она сразу же окружившим ее людям, — показала документы, свидетельствующие о том, что 14 лет тому назад я сама разрушила семью. Сергей Иосифович уговаривал меня остаться, просил, угрожал, кричал, что «Бог и советские законы помогут ему сохранить семью». Но я была молода, глуха и ушла. Я сказала судьям, что все эти 14 лет Сергей оставался прекрасным нежным отцом и преданным мне другом. Мы были друзьями и после развода. Я часто посещала его дом, и никаких оргий там никогда не было. Действительно, собиралось много людей, но все это были уважаемые и талантливые люди, и не только киевляне, но и москвичи, и не только москвичи, но и режиссеры, и актеры, приезжавшие из Польши, Югославии, Франции, Болгарии и многих других стран — почитатели таланта и своеобразной, обаятельной личности Сергея Иосифовича.

«Мы были друзьями и после развода. Я часто посещала его дом, и никаких оргий там никогда не было. Действительно, собиралось много людей, но все это были уважаемые и талантливые люди, и не только киевляне, но и москвичи...»

— Что сказал председатель? — спросила я. — Меня выслушали очень внимательно, дали договорить до конца, не перебивали, но и ничего не ответили. Светлана поправила высокий берет на своей все еще «золотой» голове и приложила к глазам ажурный платочек. — А Сергей, когда слушал меня, схватился за голову: «Боже мой, что подумает обо мне мой мальчик. Бедный Суренчик, ведь он ходит в школу, и там тоже прочли эти грязные строчки!»

К нам шагнула какая-то незнакомая мне женщина в голубом пальто и сказала: — Передайте ему, что написали не только Шкловский и Тарковский. Антониони, Феллини, Пазолини, Де Сика, Лелюш и другие — 22 лучших режиссера Италии, Франции и еще писатель Сартр переслали письмо в ЦК партии с просьбой о помиловании...

Я не могла без ярости слышать этих слов — «помилование». В чем его вина? За что его судят? Ведь судить надо тех, кто не давал ему работать... Я редко бывала у Вас в тот мучительный период, когда Вас «пытали ожиданием». Знала: Параджанов бедствует, ходит на барахолку и продает старый хлам. Я не имела возможности Вас видеть, страдала от терзающей Вас несправедливости, и не решалась к Вам прийти. Но потом переборола малодушие... И вот... Я с трепетом жму на кнопку звонка, готовя на всякий случай слова утешения. И вдруг:

— Знакомьтесь, Тамара Степановна, это талантливая виолончелистка, лауреат многих международных конкурсов, Марина Чайковская. Вы не слушали ее? О... У нее сильная мужская рука. Она высекает такие звуки — дух захватывает. Когда-нибудь мы устроим тут концерт. Посмотрите, она прелестна — похожа на античного мальчика, не правда ли?

Ничего не изменилось в лице Марины после Ваших слов. Она смотрела на меня узкими, зелеными без выражения глазами. Крохотная, до предела тощая, остроносая, бледная. И, вместе с тем, действительно как античный мальчик. Трогательно, вероятно, смотреть, когда она сжимает большую виолончель, извлекая из нее могучие звуки...

— А это художник Гриша Гавриленко. Да, вы правильно взглянули — это висят его «Розы». А сейчас я вам принесу еще его рисунки к «Витязю в тигровой шкуре», — доносился уже из другой комнаты голос Сергея Иосифовича. — Великолепно, не правда ли? Ну, а вот возле вас Чиж, фехтовальщик с мировым именем. Представьте, он принес сегодня с собой все свои золотые медали! Покажи, Юрий, это красиво! Сейчас садимся, — сверкнули вы глазами к двери, над которой зазвенели колокольчики.

На пороге с блюдом в руках появился смуглый молодой человек. Его плечо коснулось колокольчиков, и они мелодично возвестили о начале застолья.

— Арсен! — представил его Сергей Иосифович. — Никто так не умеет готовить шашлык, как он. Ах, я забыл вам представить моего друга Тamarу Степановну. Она пишет хорошие сценарии и еще является супругой нынешнего председателя комитета кинематографии, который не дает эти сценарии превратить в кино.

Я взглянула в Ваши глаза и содрогнулась — в них была тоска затравленного зверя.

— Веду светскую жизнь! — как можно беспечнее сказали Вы, — Садитесь, садитесь к столу...

Около полуночи все расходились — радостные, беспечные, довольные встречей с Вами и Вашим царственным приемом. Каждого Вы провожали вниз и ловили такси, и даже оплачивали.

— Я восточный человек, иначе не могу!

А утром у Вас не было денег, чтобы поесть, и жили Вы зачастую впроголодь.

— Мне для себя ничего не нужно, ни из одежды, ни из еды, — говорили Вы и хватали со стола конфеты, яблоки, цветы, щедро награждая своих гостей в дорогу.

Нежный, любящий, всегда жертвующий собой для других Параджанов! «Зачем Вы такой, — кричало все во мне, — Не нужно! Опасно! Остановитесь!».

Сейчас, сидя на этих казенных стульях, поставленных в ряд в узком сером коридоре, среди налетевших со всех сторон «работников ада», — я вспомнила неповторимо добрую улыбку и оранжевые апельсины, которые Вы дарили детям, и свои предчувствия...

Вы давно были осуждены, Сергей Иосифович! Карьерист и толстобрюхий обыватель не простил Вам необычности и того, что называют «не от мира сего»... Свои апельсины нельзя никому давать, за это судят!

По коридору шел красногордый верзила лет тридцати семи. Испитое лицо с бегающими глазками, поднятые плечи. Его пугали наши глаза. Мы старались убить подонка-

Посылю Вам газеток, Огюво из писем
Мини Брех, Вам отгуб Слержана.
Целую всех.

Ув. Ув. не писано! Крест С.П.
Бегие истре кино. Она Ковинно
ка Брех, Мин. цное поше убога-убор
тинега дуба С. Павлова. Как не студи,
но даки. Все разношисо и прочисо.
Во стужи видна.

лжесвидетеля взглядами. Он был нанят, чтобы оклеветать Вас, он должен был показать, что режиссер Параджанов изнасиловал его — тридцатисемилетнего «ребенка»! «Робенка», который на три головы выше самого «насильника».

Это Вы-то, никогда не обидевший даже мухи, всегда ненавидевший всякое насилие!

Трудно было придумать что-либо более парадоксальное, Суд действовал под грубым нажимом, и был лишен даже самой элементарной фантазии! Вам предъявляли самые нелепые обвинения. По городу ходили слухи — один невероятнее другого! Судят за то, что брал иконы из церквей во время съемок. Нет, нашли валюту! Нет, за гомосексуализм! Неправда, он распространял листовки и спекулировал. Нет, есть письмо от родителей — изнасилование семилетнего ребенка.

В московский Союз кинематографистов и на киевскую студию Довженко пришло письмо, подтверждающее эту клевету и позорящее Вас в глазах общественности.

Параджанова забросали грязью, чтобы лишить защиты, чтобы он потерял друзей, чтобы все от него отвернулись.

Четыре месяца шло следствие, и вот ярко-рыжее, лживое дерево обвинения стояло голым. Листок за листком отпадали все вымыслы.

Налицо был документ, свидетельствующий, что вы возвратили церквям все иконы.

Валюта оказалась всего-навсего одной старинной монетой, подаренной вам фанатом-коллекционером.

Все Ваше имущество оценили в 800 рублей, и таким образом обвинение в спекуляции тоже отпало.

Медицинская экспертиза отвергла обвинение в заболевании сифилисом.

Осталась лишь 22 статья — гомосексуализм. Но ведь это слишком мало — год условно! И вот Вам срочно шьют новое обвинение — изнасилование, но только не семилетнего, а 37-летнего, запуганного «слугами ада» подонка.

Мы все, пришедшие на свидание с Вами, сидим в один ряд у стены и тянем шеи к той двери, за которой Вас мучают. За ней только что скрылась красномордая «изнасилованная» жертва, там сейчас происходит невероятно глупое и комическое, и вместе с тем трагически жуткое действие.

Чертик с усами-локаторами искоса поглядывает на нас, потом поднимается и уходит в одну из комнат, туда, где сидят настоящие вершители сегодняшнего черного дела.

Солдат делает нам знак — можно подойти к двери. Этот юный парень смотрит на нас с жалостью, он, видимо, чувствует несправедливость происходящего. Я прикладываю ухо к двери — Ваш голос — страстный, взволнованный. Он пронзает меня, как давно забытая любимая музыка. Не могу разобрать слов — лишь вибрирующие, такие искренние, интонации, и вдруг бешенство, ярость: — Да, да, изнасиловал! И его, и вас, и вас! Я изнасиловал всех сидящих здесь передо мной, и судей, и свидетелей. Всех, всех!

Молчание...

Потом спокойный голос вашего адвоката: — Сергей Иосифович, успокойтесь, этот человек подонок. — Нет, нет, он хороший парень, все хорошие, это я, я — подонок. — Он в невменяемом состоянии, — шепчет слушавший вместе

со мной Миша Беликов. — Нужно остановить заседание суда, почему адвокат не объяснит, почему не прервет!

Никто из нас этого не знает. Сестра Параджанова Рузанна Иосифовна заключила договор с московским адвокатом Витвинским. Но следователь Сергея Иосифовича категорически запротестовал — он прикинулся честным, горячо сочувствующим своему подследственному человеку. И, конечно, Вы клюнули на эту удочку. По-ребячески наивный и доверчивый, Параджанов поверил в следователя. Отсюда пошло много бед — следователь оклеветал Вашу жену, Вашу сестру, друзей. Он сказал, что все они поверили в Вашу виновность и отвернулись от Вас.

Надо знать Параджанова! Вспыльчивый, импульсивный, как капризная весна... Он замкнулся в гордыне и отказался от свидания с близкими. Все было сделано для того, чтобы вырвать у Вас согласие на киевского адвоката. Кто он такой,

«Надо знать Параджанова! Вспыльчивый, импульсивный, как капризная весна... Он замкнулся в гордыне и отказался от свидания с близкими».

этот молодой парень Тарас Довженко? Попросту подставное лицо, или, действительно, порядочный человек? Пока это остается загадкой. Факт налицо — Параджанов губит себя, он ничего не соображает, его захлестнуло обидой и слепой яростью. — Да, да, — кричите Вы. — Я плохой! Да, да, все хорошие. Я один плохой. Один!

Никто не прервал заседания.

Все выкрики заносятся в протокол. На бумаге они лишены ярости, эмоциональных интонаций, иронической окраски. На бумаге они утратили подтекст и читаются, как признание обвиняемым своей вины. И председатель суда, и судьи, и прокурор, и адвокат — все это понимают, но не останавливаются, спешат записывать. Я отохожу от двери и устало сажусь рядом с Рузанной Иосифовной. Она маленькая, кругленькая — кубышка. Всматриваюсь в нее, и нахожу в ее глазах и улыбке Ваше обаяние, а в словах тот же неиссякаемый параджановский оптимизм. Прикрываю глаза, и вдруг слышу Ваш голос — Вы страстно, взалб рассказываете мне свой сценарий «Дремлющий дворец». Разве можно повторить Ваш рассказ? Все прекрасное возникает и тут же исчезает, все прекрасное неповторимо...

Я вижу раскаленных солнцем идолов горы Чуфут-Кале и Ваши глаза и руки, жесты, строящие новый фильм. Ритм, краски, ощущения поэта и художника.

Вот она — хроника времен... «Крым XVIII–XX столетий. Крым, посещенный Пушкиным в 1823 году. Крым, посещенный императрицей. Крым, посещенный Великим полководцем. Крым, посещенный человеком в 1969 году». И Крым, увиденный мной, когда Вы говорили о нем!

Это не был сценарий — это были кадры из Вашего фильма. И как в «Тенях», я не была просто зрителем, а была участником, раскрывая новую себя в мелькающей хронике времен. ИБ

Конечно, я приду...

Наталья Казимировская

Чем дольше я живу в Швеции, тем больше удивляюсь шведской сдержанности в проявлении чувств и категорическому нежеланию шведов каким-либо образом «выпячивать» себя самих или возвеличивать своих знаменитых соотечественников. Впервые я с этим столкнулась во время интервью со шведами, в числе которых были студенты стокгольмского киноинститута, задав им вопрос об Ингмаре Бергмане. Никто из опрошенных не хотел произнести слово «великий» и признать, что Бергман — ВЫДАЮЩИЙСЯ шведский режиссер. «Да, хороший...», — это тот максимум оценки, которую можно было услышать. Отношение к классику шведской литературы Августу Стриндбергу у большей части населения еще более холодное и отстраненное. А для того, чтобы приобрести альбом знаменитого шведского скульптора Миллиса, мне пришлось специально ехать в его Дом-Музей, расположенный в отдаленном районе Стокгольма — в центральных книжных магазинах мне ничем помочь не смогли.

Можно обратить внимание и на то, что на улицах города, как правило, очень мало рекламных объявлений. Никаких тебе красочных афиш, никаких зазывных плакатов, бросающихся в глаза, изредка попадаются более чем скромные по цвету и формату афишки, развешенные по городу таким образом, что «непосвященные» могут и не понять, что это реклама новой выставки или нового спектакля. Таково отношение к собственным «звездам» и к собственным событиям культурной жизни, что уж тут говорить о «звездах» других стран, которые имели счастье бывать в Швеции и с именами которых связаны некоторые уголки страны. Всякий раз, наткнувшись на то, что в любой другой стране служило бы предметом гордости, местом поклонения туристов, разрекламированным во всех справочниках, в Швеции ты ощущаешь себя если не первооткрывателем, то, во всяком случае, одним из немногих «посвященных» в эти неожиданные «сюрпризы», которые таит в себе шведская история и шведская действительность. Так, например, совершенно случайно, путешествуя по Швеции на машине, мы наткнулись на скромную стрелочку — указатель «Монумент Пикассо» и движимые любопытством, свернув с дороги, оказа-

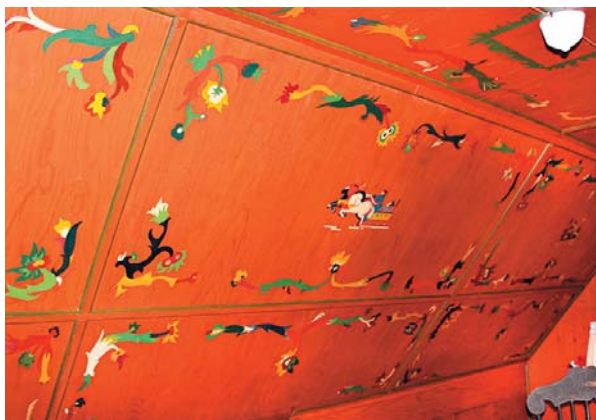
лись в лесу у пустынного озера, где одиноко возвышалась монументальная бетонная стела — портрет жены Пикассо. Почему Пикассо? Почему здесь? Почему без упоминания в туристическом справочнике? Порывшись в Интернете, мы узнали много неожиданного и интересного, связанного с историей появления этого произведения Пикассо на берегу небольшого лесного шведского озера.

Хозяева дома
на фоне
шаляпинского
автопортрета

Потолок дома, расписанный самодеятельными актерами – посетителями дома Шишкина

Сцена из спектакля любительского кружка Шишкина

Таким же неожиданным открытием оказалось для меня посещение виллы в одном из районов Стокгольма — Альвике, ничем, на первый взгляд, не примечательной и не отличающейся от десятков таких же, расположенных по соседству. На фасаде дома барельеф чайки — тот самый силуэт, что мы привыкли видеть на занавесе Московского Художественного театра. Чайка «пристроилась» на стене здания, соседствуя еще с одним барельефом: крупной еловой шишкой. Встретившая нас милейшая семейная пара Ингеерд и Манфред Мюллеры, ничего общего не имеющие ни с МХАТом, ни с театральным искусством, пригласили нас в дом и провели по комнатам, стены которых были полны фресок с яркими и, в основном, хорошо сохранившимися изображениями.

Это и орнаменты, и стилизованные фигуры, и реалистически выполненные «сцены из спектаклей». История дома такова: в 30-ые годы XX века в нем жил русский эмигрант актер Матвей Шишкин, в прошлом артист МХАТа. Он создал в этом пригороде Стокгольма любительское театральное общество, которое собиралось регулярно в его доме. Самодеятельные артисты репетировали, играли спектакли и... рисовали на стенках и даже на потолке, желая запечатлеть мизансцены, свои сценические образы, элементы костюмов и

декораций. Спектакли этого любительского театрального коллектива явно пользовались успехом, в дом Шишкина приходила и приезжала стокгольмская публика. Сохранилась небольшая афиша, информирующая о том, что студия Матвея Шишкина является членом Шведского Государственного Объединения Любительских Театров — организации, существующей в Швеции и по сей день.

Видимо, ностальгия по мхатовскому периоду своей жизни и некоторое актерское честолюбие не были чужды Матвею Шишкину, и на фасаде его дома появились в близком соседстве чеховская чайка и символический герб самого хозяина — шишка. Пройдя по двум этажам виллы, полюбовавшись росписью стен, посидев в уютной гостиной, служившей в свое время театральным залом, мы (я была в компании членов «Русского салона» — небольшого объединения русских в Швеции, которое уже много лет возглавляет энергичная Людмила Турне) спустились в подвальное помещение и здесь меня ожидал еще больший сюрприз. В уютно обустроенном салоне на одной из стен красовался легко узнаваемый портрет-шарж на Федора Ивановича Шаляпина, выполненный им самим. «Да, ваш русский певец бывал в этом доме», — подтвердили хозяева, узнавшие в свое время о существовании Шаляпина от своих русских гостей. И опять пришлось порыться в справочном материале и обнаружить книги Николая Горбунова «По скандинавскому следу Шаляпина» и «Федор Шаляпин: от Казани до Стокгольма». Оказывается, что во время своих триумфальных гастролей по Скандинавии — первых после выезда певца за рубеж — Шаляпин неоднократно выступал в Швеции и посещал дом Шишкина. И не только посещал, но и запечатлел себя на одной из его стен.

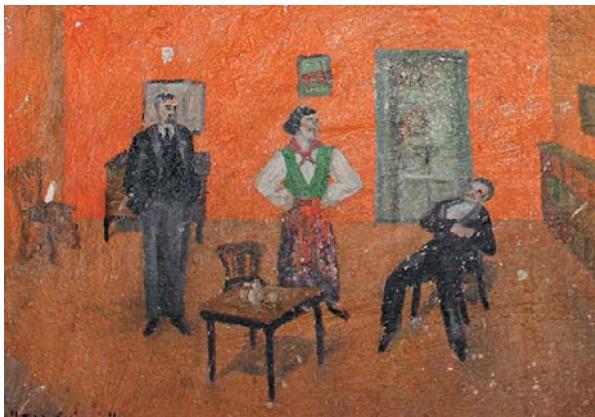
Хозяйка рассказывает гостям о своем необычном доме

Вообще, надо сказать, что связь Шаляпина со Швецией — это особая страничка биографии великого русского баса, и она явно ждет еще своих исследователей. Николай Горбунов — один из первопроходцев в этой сфере, цитирует газету «Свенска Дагбладет», которая под заголовком «Сенсація сезона — Шаляпин в оперном театре», в частности, пишет: «Поистине счастье быть человеком, когда существует такое искусство! Наверняка не один восторженный почитатель оперного искусства воскликнул подобным образом в прошлую субботу на вечернем спектакле в Королевском оперном театре. ФЕДОР ШАЛЯПИН — это чудо, появления которого мы ожидали. Он соединяет в себе крупнейшую «сенсацию» и высочайшую человечность... Не успел он пробыть на сцене и двух секунд, как мы все осознали, что это он, и более сильного впечатления ждать невозможно». В 1935 году Шаляпин был избран шведской Королевской музыкальной Академией почетным академиком. Кстати — вместе со знаменитым итальянским дирижером Артуро Тосканини.

Существуют разнообразные легенды, связанные с пребыванием Шаляпина в Стокгольме, о которых можно прочитать и в книге Горбунова, и в ряде статей и выступлений тех, кому пришлось лично встретиться с потомками Шаляпина и Шишкина (внучка Шаляпина Наташа Фиерфальд и дочка Шишкина Елена до сих пор живут в Швеции). Рассказывают, что шведский король, услышавший о феноменальном пении Шаляпина в опере «Князь Игорь», попросил повторить этот спектакль для него лично, отменив другой,

стоявший в этот вечер в репертуаре. Рассказывают, что после спектакля, вместо того, чтобы присутствовать на шикарном банкете, Шаляпин поехал в пригород Стокгольма, как раз к Матвею Шишкину... Рассказывают, что мать нынешнего короля приходила на репетиции Шаляпина. Рассказывают, что молодого в те годы, а позже ставшего оперной звездой шведского тенора Юсси Бьерлинга, исполнявшего в спектакле «Фауст» партию Фауста, Шаляпин — Мефистофель, будучи в тот вечер не в голосе, прикрыл во время выступления плащом, чтобы голос того не очень выделялся.

Во всех этих историях, как в последней, связанной с тем, что нынешние хозяева дома бережно сохранили и сохраняют следы прошлого, связанного с историей чужой им страны, есть что-то глубоко трогательное и человеческое. Нет пока никаких оснований думать, что дом этот превратится в музей или что хозяева его получают некие дивиденды за свой вклад в сохранение уникального прошлого. Они просто живут в красивом доме, с красивыми стенами и потолками, их простые будни простых шведских пенсионеров изредка нарушаются приходом «гостей», которых они гостеприимно и без всякой экзальтации проводят по дому, в котором живут. «Звоните, заходите...», — сказали они и мне на прощание. Конечно, я приду... **ИБ**

Сцены из спектакля любительского кружка Шишкина

Фотографии Г. Морозова с сайта www.russalon.se

Воспоминания Костантина Кечека

Предлагаем отрывок из неизданных мемуаров армянского инженера Костантина Кечека, написанных в США на русском языке о событиях в России 1917–1923 гг.

Константин Кечек (Кечемян) родился в 1907 году в Санкт-Петербурге, в семье хирурга Амбарцума Кечека, выпускника Петербургской военно-медицинской академии, с 1910 г. главного врача городской больницы и члена городской думы Нахичевани-на-Дону (близ Ростова, откуда он был родом, и где с давних пор существовала армянская община), а в двадцатые годы — профессора медицины и декана медицинского факультета новообразованного университета Советской Армении, внедрившего в Армении принципы научной хирургии.

В 1930 г. Константин Кечек закончил Ленинградский Институт инженеров путей сообщения и поступил на работу в качестве инженера на строительство одной из старейших гидроэлектростанций Армении Дзорагэс. В 1942 году его призвали в армию и отправили служить в инженерные войска в Крым. После разгрома Крымского фронта Константин Кечек попал в немецкий плен и до окончания войны пробыл в концентраци-

онных лагерях. Незадолго до окончания войны он бежал из лагеря во Вроцлаве в американскую зону оккупации (Штутгарт), чтобы избежать насильственной репатриации в СССР. Затем до эмиграции в США в 1949 г. он жил в Германии, где с группой армян зарабатывал на жизнь изготовлением игрушек и шитьем обуви.

В США он перебивался случайными заработками, и только в 1955 г. ему удалось устроиться на работу инженером в фирме Erdman Anthony and Associates (Рочестер, штат Нью-Йорк), специализировавшейся на строительстве мостов, где проработал до 1983 года. В 1981 году Нью-Йоркский Совет Американской ассоциации гражданских инженеров удостоил его звания «Инженера года».

К. Кечек умер в Рочестере в 2000 году.

В течение своей бурной и трудной жизни К. Кечек вел дневник, на основании которого в 1971 году начал писать воспоминания, не надеясь, что они когда-либо попадут на родину.

Предлагаемый читателю фрагмент мемуаров — редкий по драматизму и откровенности документ эпохи.

Гоар Мурадян, Марк Григорян

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ. 1917–1923. Нахичевань, Новороссийск, Тбилиси, Озургети

Открываю сегодня еще одну страницу моих воспоминаний, относящихся к периоду, следующему за нашим отъездом, вернее, бегством из Нахичевани-на-Дону, в конце 1919 года. Для того, чтобы понять причину, вынудившую нас к бегству из давно насиженного семейного гнезда, где наша семья прожила более десяти лет, мне придется дать краткое описание событий, произошедших в предшествующие годы, и картину создавшейся политической обстановки в это время.

Мой отец Амбарцум Кечек (1872–1948) происходил из небогатой армянской семьи, проживавшей в этой армянской колонии, состоящей из города Нахичевань-на-Дону и нескольких деревень и поселков, расположенных вблизи

города, на расстоянии 10–15 км. Эта колония образовалась во время царствования Екатерины Великой, которая, желая заселить этот плодородный, но почти пустынный край, еще со времен Петра отвоеванный у Турции, предоставила всяческие льготы всем переселенцам, желавшим там обосноваться. Воспользовавшись этой благоприятной ситуацией, группа крымских армян, выходцев из турецкой Армении, переселилась в низовья Дона и основала город Нахичевань-на-Дону и ряд поселков.

К описываемому времени город Нахичевань имел около 25 тысяч человек и являлся как бы предместьем большого промышленного города Ростова с населением в 150–200 тысяч жителей. Оба города были соедине-

ны трамвайной линией, шедшей от Ростовского вокзала по главной улице Ростова, именуемой Садовой, а затем, пройдя через полузастроенный участок длиной с полкилометра, переходила в главную улицу Нахичевани, именуемую Соборной. Линия кончалась на окраине Нахичевани, и вся длина ее была 7–8 км. Других трамвайных линий в Нахичевани не было, но Ростов имел в центре еще две перпендикулярные линии трамвая, шедшие от Дона к северным окраинам.

Мой отец был врачом. После окончания Ростовской казенной гимназии он поступил в одну из лучших медицинских школ России, Петербургскую Военно-медицинскую академию, готовившую врачей для русской армии. После окончания Академии он был послан для усовершенствования в области хирургии за границу и в течение двух лет побывал в Берлине, Париже и Лондоне. Вернувшись обратно, он остался ассистентом на кафедре хирургии Академии, где проработал до 1910 года.

В начале века (полагаю, в 1900 году) он женился на моей матери, петербургской армянке Юлии Георгиевне Евангуловой (1880–1960). Ее отец, мой дед, был выходцем из грузинских армян, живших в Кахетии (западная область Грузии) и занимающихся выращиванием винограда и виноделием. Его имения сохранились за семьей Евангуловых вплоть до советизации Грузии, но дедушка еще в середине прошлого века переселился в Россию и занялся коммерцией. Ко времени рождения моей матери он имел магазин ювелирных изделий Кавказа, а также кавказской мебели и ковров. Был он достаточно успешным коммерсантом и жил довольно комфортабельно. Он был женат на очень интеллигентной женщине, происходившей из Риги, из семьи по-видимому обрусевших немцев, что было официальной версией, тем более, что по религии она была лютеранка. Но я допускаю возможность, что она происходила из еврейских выкрестов (т.е. принявших христианство), что, впрочем, никого из нашей семьи не интересовало, потому что мы с самого детства были воспитаны в духе космополитическом, и круг наших друзей и знакомых включал людей самого разного происхождения.

Моя мама была одной из восьмерых детей... дедушка, сам почти без всякого образования, дал всем своим детям хорошее профессиональное образование. Моя мать была зубным врачом. После замужества в Петербурге она открыла свой кабинет и в течение 10 лет занималась частной практикой, вплоть до самого отъезда в 1910 году.

Успешная профессиональная деятельность моих родителей давала им возможность обеспеченной жизни и не помешала обзавестись семьей из четверых детей: двух старших братьев Александра и Георгия, старшей сестры Нины и меня, родившегося в 1907 году. Жили скромно, трудолюбиво, папа же за это время написал свою научную диссертацию на тему «Хирургическое лечение волчанки» и получил звание доктора медицины. В 1910 го-

ду папа принял предложение от города Нахичевань на должность главного врача городской больницы, и мы всей семьей переехали в Нахичевань. Я, будучи трех лет от роду, конечно, всего этого не помню и пишу эти строки по рассказам моих родителей и, отчасти, старших братьев, которым в то время было девять и семь лет. Нине было года четыре.

Наша жизнь в Нахичевани шла тихо и мирно до начала войны 1914 года. Впрочем, даже и в военные годы было так, хотя жизнь и несколько осложнилась и была сопряжена с тяжелой работой моего отца, который, будучи опытным хирургом, был занят не только в своей больнице, но и в нескольких военных лазаретах операциями и лечением раненых. Но в целом на юге России, который всегда изобиловал продуктами питания, кризиса в снабжении не было, и, кроме нормирования некоторых продуктов, таких, как чай или сахар, всего было в достатке. Никто из нашей семьи не был военнообязанным, что также уменьшало напряжение в семье. Конечно, военные поражения с потерей части Польши и Прибалтики тяжело переживались всеми, и вместе со сведениями о тяжелом продовольственном положении в Петрограде, бездарностью правительства, скандальными слухами, связанными с именем Распутина и т. п., ложились тяжелым бременем на психику населения. А в Нахичевани с преобладающим армянским населением вести о трагедии армян в Турции также действовали угнетающе. И я, даже мальчиком семи-восьми лет, слушая разговоры старших, критику правительства и слухи о возможной революции, также приобщался к тревоге, переживаемой всеми окружающими.

«Я, даже мальчиком семи–восьми лет, слушая разговоры старших, критику правительства и слухи о возможной революции, также приобщался к тревоге, переживаемой всеми окружающими.»

Многие либеральные интеллигенты, к числу которых принадлежал мой отец, сочувствовавший партии кадетов, стали уже поговаривать о том, что чем хуже — тем лучше, понимая под этим, что ухудшение позиций правительства и все возрастающее недовольство народа могут привести к установлению конституционной монархии, что было мечтой многих умеренных интеллигентов.

В Ростов стали прибывать в большом количестве беженцы из Польши, а также целые учреждения, эвакуированные из Варшавы, в числе которых был Варшавский университет, нуждавшийся в научных работниках. Был объявлен конкурс, и мой отец был назначен на должность приват-доцента на кафедру хирургии и урологии.

Таким образом, к многочисленным обязанностям папы в госпиталях и больнице добавилась еще и эта работа. Мы буквально не видели его целыми днями.

К этому времени Нина и я, закончив подготовительную школу, поступили в гимназию. Но проучились мы недолго.

С начала 1917 года атмосфера в городе стала тревожной. Из Петрограда поступали вести о продовольственном кризисе, волнениях и даже забастовках рабочих и антиправительственных демонстрациях, что было запрещено в военное время. На фронте в течение зимы не было особых перемен, но ходили слухи о волнениях в армии. Война всем осточертела, и солдаты рвались домой. Шли разговоры о необходимости сепаратного мира, но правительство об этом и думать не хотело. Оно оставалось верным своим союзникам — Англии и Франции, и такова же была позиция верховного командования армии (ставки) и царской семьи.

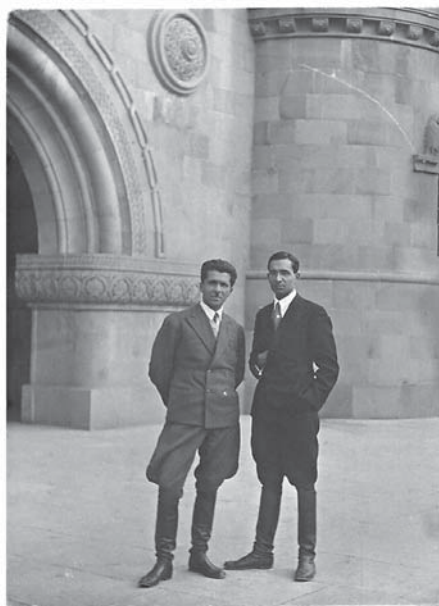
И вот в конце февраля 1917 года наконец революция разразилась, и, хотя умеренные партии не требовали отречения от престола, Николай Второй принужден был отречься под давлением левых партий, большинства народа и, главное, армейских масс. Было образовано Временное правительство, где ведущие роли играли умеренные партии. Временное правительство издало манифест, обещавший созыв Учредительного собрания при равноправном участии всех партий для выработки конституции, но одновременно объявило, что впредь, до созыва этого Собрания, Россия будет верна договорам, заключенным с союзниками, и будет продолжать войну до победного конца. Многие шаги Временного правительства и, в частности, девиз о верности договорам с союзниками, были явно недостаточны для удовлетворения чаяний народа, добившегося свержения царской власти. Лозунги и прокламации о продолжении войны до победного конца показывали, насколько правительство не понимало настроения масс и армии, где уже намечались следы разложения и протеста.

Временное правительство назначило военным министром Керенского, пользовавшегося популярностью в армии. Позднее, летом 1917 года, он стал премьер-министром, чтобы укрепить престиж правительства и усилить борьбу против все возрастающего влияния оппозиционных советов рабочих депутатов. И даже было предпринято генеральное наступление против немцев на западном фронте. Однако все это не имело успеха, ибо армия не хотела воевать ввиду все усиливающейся пропаганды со стороны левых кругов и большевиков...

К этому времени, помимо указанных оппозиционных групп, стало развиваться движение национального характера, выставлявшее требования автономии для областей, населенных иными национальностями, вплоть до самоопределения и отделения от Российской Империи.

В таких условиях неустойчивости центральной власти и политического хаоса проходил 1917 год, в конце которого должен был собраться всероссийский съезд депутатов всех партий для организации Учредительного собрания, которое должно было выработать Конституцию новой республики и избрать законодательную и исполнительную власть.

Понимая, что в случае сбора депутатов от всех партий со всей России численность депутатов, представляющих фракцию большевиков, будет в меньшинстве и не смо-

К. Кечек с неизвестным

жет отстаивать интересы большевистской фракции, которая сделала в это время своим лозунгом «Вся власть Советам», лидеры большевиков во главе с Лениным стали готовиться к срыву Учредительного собрания и, пользуясь брожением в армии и среди рабочих крупных петербургских заводов, стали организовывать захват власти путем вооруженного восстания. Одним из сильнейших лозунгов большевиков, импонирующим рабочим и солдатским массам, был призыв к немедленному завершению войны путем заключения сепаратного мира...

Установление Советской власти было встречено в нашей семье со страхом, тем более, что имели место случаи арестов и даже расстрелов из среды интеллигенции и местной буржуазии. Но, к счастью, профессия врача, которая уважалась всеми, предотвратила применение каких-либо актов насилия или произвола в отношении нашей семьи.

В городе в течение зимних месяцев было очень тревожно, и иногда до нас доходили отголоски канонады, так как к югу и востоку от города все еще шла война.

Конечно, всякая регулярная жизнь прекратилась. Школы и гимназии были закрыты. Многие предприятия и учреждения также не функционировали. Многие люди, находившиеся прежде в подчинении своих господ, сводили личные счеты, донося на своих прежних хозяев и требуя возмездия. Бывшие офицеры, оставшиеся в городе и не ушедшие на Дон или Кубань, скрывались, опасаясь возмездия. Каждый день доходили слухи об арестах и других эксцессах.

Между тем с начала 1918 года события назревали с необычайной стремительностью. Полный развал украинского фронта и дезертирство из армии, а также сотрудничество антирусских элементов на Украине с немцами, которые подогревали их лидеров обещаниями о независимости, привели к тому, что почти всякое сопротивление на фронте прекратилось, и немецкая армия стала

окупировать Украину, где после занятия Киева было создано фиктивное правительство во главе с гетманом Скоропадским. Другие, более революционные или анархические элементы, образовали ряд местных отрядов (Петлюра, Махно и др.), ведущих партизанскую войну против немцев и Скоропадского. В общем, на территории Украины был полный хаос.

Ростов-на-Дону, находившийся в глубоком тылу на более чем 1000 км от немецкой границы, был теперь под угрозой немецкой оккупации...

В марте 1918 года большевики приступили к эвакуации Ростова, стараясь при отступлении на север вывести как можно больше всяких продуктов и разных ценностей. Когда уже слышалась канонада приближающейся немецкой артиллерии, преодолевающей слабое сопротивление остатков Красной армии, в городе было объявлено, что все магазины и склады частных владельцев должны быть открыты. Большевистские отряды подходили с грузовиками к каждому магазину и забирали все, что было возможно. При малейшем сопротивлении этому открытому грабежу владельцев расстреливали на месте. Так погиб друг моих родителей — коммерсант Кечеджиев, владелец ювелирного магазина, который был также разграблен. Бесчинства продолжались два дня, и к концу второго дня в город вошли в полном порядке отряды немецкой армии. Одно из подразделений заняло Нахичевань.

В Нахичевани-на-Дону до прихода большевиков была городская Дума из выбираемых городом депутатов. Мой отец тоже был членом Думы, но, конечно, большевики после захвата власти эту Думу не признавали и организовали городской Совет рабочих депутатов, выбираемый только рабочими заводских предприятий. К большому удивлению всех жителей, немецкое командование вызвало некоторых руководителей бывшей Думы, включая городского голову, и предложили им тотчас же созвать собрание Думы и возобновить правление городом. Первым вопросом они поставили необходимость подыскать помещение для размещения солдат и офицеров. Они просили сделать это в возможно добровольном порядке, чтобы не ущемлять местных жителей...

Хотя на русском фронте война после заключения Брест-Литовского мира подошла к концу, немцы с Украины и Ростова еще не сразу эвакуировались, и под их защитой все антисоветские элементы и донское казачество сумели организовать под командованием генерала Деникина, образовав так называемую Добровольческую армию. После вывода немцами своих войск из Ростова, войска Деникина заняли прочные позиции на юге России. Советам в это время приходилось очень туго ввиду образования Польши, создавшей армию, а также возникновения восточного фронта со стороны Сибири, с армией под командованием адмирала Колчака. Отрезанная со всех сторон от центров снабжения как продуктами питания, так и топлива, центральная часть России, управляемая Советами, была в критическом положении.

Мы все в это время верили в то, что скоро советская власть будет сломлена, и в России будет установлен демократический образ правления.

Жизнь в Ростове была ключом, и всего было в достатке. Деникин развил стремительное наступление, и к лету 1919 года Добровольческая армия продвинулась далеко на север, заняв

«Отрезанная со всех сторон от центров снабжения как продуктами питания, так и топлива, центральная часть России, управляемая Советами, была в критическом положении».

Харьков и значительную часть Украины. Образовавшаяся независимая Польша также угрожала Советской России, оттягивая силы красных от южного фронта. Народы Прибалтики — Латвия, Литва и Эстония также отделились от России, как и страны Закавказья — Грузия, Армения, Азербайджан, объявив себя независимыми республиками...

Но между противниками Советов не было единения, общего целеустремленного руководства и даже доброжелательства. Так, лозунг Деникина о восстановлении «Единой неделимой России» вызывал недоверие к его правительству со стороны национальностей, стремившихся к независимости...

В том же году, когда после отхода немцев весь юг России, включая Северный Кавказ, был объединен под властью Деникина, к нам из Петрограда приехал со своей семьей — женой тетей Соней и четырьмя детьми — мамин двоюродный брат дядя Миша Евангулов. Сам он был профессором металлургии Петроградского Технологического института.

В том же году к нам со всей семьей переехала семья Тер-Микеловых, включавшая мамину сестру — тетю Женю, с мужем и тремя детьми. Приехали они из Баку, где дядя Коля был инженером, работал на нефтяных промыслах и жил припеваючи, будучи на хорошей работе... После революции, когда образовалась независимая республика Азербайджан со столицей городом Баку, там начались национальные беспорядки с насилием над буржуазией и особенно армянами, занимавшими в городе и промышленности солидное положение. Одного из наших родственников, женатого на маминной двоюродной сестре тете Маше, тоже инженера (дядя Коля Цуринов) при этих бесчинствах убили, и перепуганные армяне, в том числе и Тер-Микеловы, бежали...

Наша семья в то время состояла из семи человек, плюс гувернантка-армянка, учившая нас армянскому языку, и прислуга — горничная и кухарка. Прибавив к этим десяти персонам шесть человек Евангуловых, шесть Тер-Микеловых (включая француженку) и дедушку, получается 23 персоны!...

Вспоминая дни начала и середины 1919 года, я бы сказал, что для нас, детей, еще не понимавших происходящей в России трагедии и надвигающейся катастрофы, эти дни были одними из самых богатых по впечатлениям и переживаниям.

Однако последние месяцы 1919 года стали для нас всех сплошной агонией, и чувство страха перед надвигающейся

угрозой преследовало нас. Даже мы, дети, стали понимать неизбежный трагический конец наших надежд на победу. Еще недавно успешное наступление деникинской армии, дошедшей уже до Курска и наступающей на Орел, внезапно превратилось в еще более стремительное отступление. Сколько ни старалось правительство Деникина убедить население, что успехи большевиков временны, волнение и страх охватили всех тех, кто сочувствовал Деникину. И когда бои уже дошли до Донской области, и оплот деникинской армии — донское казачество — не оказало наступлению сколько-нибудь серьезного сопротивления, то всем стало ясно, что дни режима Деникина сочтены.

У всех еще была надежда, что Ростов так легко не сдадут, и еще будет возможность длительного сопротивления и эвакуации за пределы России. Но события развивались так быстро, что конец пришел совсем неожиданно.

Нужно добавить, что и у нас в семье, как и во всей ма-тушке-России, были жертвы болезней возвратного и сыпного тифа, свирепствовавшего кругом...

Это было уже в 20-х числах декабря 1919 года, как вдруг, в силу каких-то причин, положение на фронте стало катастрофическим, и папе было приказано в течение двадцати четырех часов эвакуировать Офицерский госпиталь. В госпитальном поезде был один пассажирский вагон для персонала госпиталя, и папа решил забрать всю семью и всем выехать из Нахичевани. Он позвонил маме по телефону и приказал быть готовой к отъезду через несколько часов. Он сообщил, что сам лично приедет на санитарном автомобиле, чтобы забрать своих обоих больных [тифом] и всех остальных на ростовский вокзал, где происходит формирование поезда...

Конечно, «санитарный поезд» в те трудные страшные времена не был сколько-нибудь похож на современный и состоял из ряда двухосных товарных вагонов с печкой посередине, называемой «теплушкой», где на полу была постелена солома, или в лучшем случае стояли койки с грубыми матрасами, а вагон для медицинского персонала был каким-то допотопным и назывался «вагоном 4-го класса». Во всю длину вагона, несколько большего, чем товарный, но короче пультмана, был устроен широкий стол, вокруг которого, также по обеим сторонам, шли скамьи для сидений. Поверху были полки для вещей. Гого и меня на носилках поставили на один край стола, а все остальные, наверное человек 40 или 50, сидели вокруг стола или даже забирались на вещевые полки. В двух тамбурах были уборные и печки для обогрева вагона.

Помню, что уже на следующее утро поезд, ко всеобщему облегчению, двинулся. Куда мы едем, мы не знали, но позже выяснилось, что мы следуем в Кисловодск.

Ехали мы пять дней. На каждой станции нас осаждали беженцы, умолявшие взять их с собой, но мы сами едва дышали, и к тому же был приказ не допускать никого в наш госпитальный поезд...

Наконец, на шестые сутки мы прибыли в Кисловодск. Этот веселый, кипевший жизнью курортный город был пуст и уныл. Нас разместили в каком-то санатории, где было достаточно посетителей, были и удобства. Мы, то есть

К. Кечек вместе с дочерью Людмилой. Ереван, 1930-е гг.

семья Кечек, получили отдельную большую палату... Уже в Кисловодске мы узнали, что Ростов пал вскоре после нашего отъезда, но что дальнейшее продвижение большевиков задерживалось, и через Дон они еще не перебравшись...

Наконец, полагаю, в конце января нам было объявлено об эвакуации из Кисловодска к Екатеринодару. На этот раз санитарный поезд состоял из тех же «теплушек», с той лишь разницей, что наш вагон четвертого класса был заменен пультманом третьего класса с отделениями, разделенными перегородками.

От Кисловодска до Екатеринодара (нынешний Краснодар) ехали пять-шесть дней. Здесь мы застряли на продолжительное время. Екатеринодар был большим городом и значительным железнодорожным узлом. Десятки и сотни путей были забиты всевозможными поездами, ожидающими отправления. Все стремились в Новороссийск, очевидно с теми же мыслями, что и мы. И все терпеливо ждали своего часа. И мы простояли в Екатеринодаре и прожили в нашем вагоне примерно целый месяц...

Наконец, в конце февраля мы тронулись в путь и вскоре достигли Новороссийска. Несмотря на то, что с момента нашего отъезда из Ростова прошло два месяца, госпиталь на колесах с одним классным вагоном для персонала продолжал свое существование. Товарная станция Новороссийска — это необъятное количество путей, идущих параллельно береговой линии порта, откуда ответвляются железнодорожные линии многочисленных пирсов и пристани для причала грузовых и пассажирских пароходов. На берегу располагается колоссальный зерновой элеватор, откуда до войны экспортировались миллионы тонн кубанской и ставропольской пшеницы во все страны Европы. Даже и в это время у причалов было много

иностранных пароходов, на рейде стояло несколько военных судов союзников, а в порту и в городе попадались матросы и офицеры с иностранных судов.

В Новороссийске папа встретил своего брата, дядю Христофора (Хачереса), который служил в отделе интендантства Белой армии ...

Так мы обосновались в Новороссийске, что было для нас все же значительным облегчением, так как стало возможным готовить кое-какую горячую пищу, чего мы были лишены долгое время. Папа также часто ночевал в вагоне, когда его присутствие было необходимо для госпиталя.

Одним из бедствий нашей вагонной жизни были частые пожары, возникавшие в забитых до отказа товарных вагонах. Зима была холодная, и для поддержания тепла надо было энергично топить установленные в теплушках примитивные железные печки. Из-за этого деревянные стенки или потолок, откуда выводились трубы, часто загорались. При почти полном отсутствии противопожарных мер и забитости путей, пожар иногда распространялся на целые поезда, перекидываясь с пути на путь.

Мы несколько раз перенесли такие пожары, возникшие по соседству с нашим санитарным поездом...

Дядя Христофор с папой каким-то чудом устроили нам всем с семьями поход в БАНЮ! Это было великим облегчением, после трехмесячного существования без этого элемента роскоши, который на православной Руси был доступен даже самым бедным и убогим.

Время между тем шло, и все, кто боялся за свою жизнь, старались выехать из Новороссийска либо на Кавказ, либо за границу. Но выехать могли только те, кто получали визу от консулов иностранных держав. Желавших выехать было так много, что получить визу можно было только за солидную сумму денег. Конечно, главари правительства Деникина, а также частные лица, владеющие валютой, имеющей хождение в Европе, обеспечили возможность выезда себе и своим ближайшим помощникам. Каждый день из порта уходили иностранные пароходы, вывозившие тысячи счастливых, купивших английскую или французскую визу, а у нас не было такой возможности. Мой папа был чрезвычайно популярным хирургом, и в Ростове он имел немало богатых клиентов и знакомых из интеллигентных кругов, к которым, не будучи богатыми, принадлежали мои родители. Многие из них также оказались в Новороссийске, но число их быстро убывало, так как они постепенно уезжали за границу. Я не знаю, кто из них, а может быть не один, а даже несколько, оказались настолько порядочными и гуманными людьми, что, понимая опасность, грозящую отцу и его семье при падении Новороссийска, помогли нашей семье, вручив папе сумму денег в иностранной валюте, достаточную для оплаты английской визы и стоимости проезда на пароходе...

Нашу радость по поводу возможности выехать из Новороссийска омрачило одно обстоятельство... моему старшему брату Антику [Александру] было уже более 18 лет,

и он был военнообязанным, и, согласно существовавшему закону, ему визу на выезд не дали. Единственным формальным поводом для него мог стать выезд в Армению, бывшую в то время самостоятельным государством, не принадлежавшим к коммунистическому блоку и даже враждебным ему. Для лиц призывного возраста переезд на Кавказ оформлялся как перевод в армию той или иной кавказской республики. Со ссылкой на этот пункт, Антик получил армянскую визу с переводом в армянскую армию... И вот наконец мы всей семьей погрузились на солидный товарно-пассажирский пароход...

Измученные переездом и тяжелыми мыслями о неизвестном будущем, мы примерно к полудню прибыли в Поти... В Поти произошло вдруг совершенно неожиданное событие, которое повлияло на всю дальнейшую судьбу нашей семьи. Пользуясь довольно продолжительной стоянкой, мы вышли на набережную, чтобы освежиться от тесноты и сутолоки на переполненном пассажирами пароходе.

И вдруг — о чудо! К папе подходит какой-то незнакомый молодой грузин в военной форме и горячо приветствует его, величая господином доктором. Папа его узнает как бывшего офицера русской армии, находившегося еще во время Мировой войны в ростовском госпитале после ранения. Тот участливо спрашивает папу, как он попал в Поти, и папа объясняет ему нашу ситуацию. Офицер, узнав о нашей трагической судьбе и тронутый нашим положением, говорит вдруг: «Зачем вам всем ехать в неизвестность, в заграничку? Вас вероятно ждут большие трудности в пути и карантин на Принцевых островах, о котором рассказывают страшные истории. Оставайтесь здесь, в Грузии. Здесь теперь свободная, демократическая страна, жизнь уже достаточно налаженная и мирная. Нашу самостоятельность признали и поддерживают страны Антанты. Вы как опытный врач всегда найдете здесь работу и пристанище»... И молниеносно совершает

«Оставайтесь здесь, в Грузии. Здесь теперь свободная, демократическая страна, жизнь уже достаточно налаженная и мирная. Нашу самостоятельность признали и поддерживают страны Антанты. Вы как опытный врач всегда найдете здесь работу и пристанище.»

все необходимое, и мы через два часа высаживаемся со всем нашим багажом на набережную порта Поти...

И вот, на следующий день к вечеру, мы были водворены в поезд и днем следующего дня прибыли в Тифлис — большой незнакомый город.

Мы сдали наш багаж на хранение на вокзале, и всей семьей сели на трамвай, ведущий к центру города. Был чудесный день начала мая. Выехав на главную улицу города — Головинский проспект, ныне переименованный в проспект Руставели, мы увидели множество людей, гулявших по обеим сторонам улицы. Все выглядело мирно и празднично. Девушки продавали букетики фиалок. Мы в своем затрапезном виде были чужими в этой нарядной толпе.

Мы сошли с трамвая, чтобы найти бюро адресов и чез-рез него — маминых родственников. И вот, среди людей, гулявших на тротуарах, сейчас же встретились два-три человека, узнавших папу и подошедших к нам с приветствием. То были такие же, как мы, беженцы из Ростова, где папа был весьма популярен. И тут же они помогли узнать адрес тети Маши Цуриновой, маминой двоюродной сестры, и мы двинулись туда...

После нашей тяжелой эпопеи беженства жизнь в Тифлисе показалась нам раем. Папа нашел много знакомых коллег, и многие из них пытались помочь ему устроиться на работу. Но положение в то время для интеллигенции негрузинского происхождения было весьма трудно, так как после образования Грузинской Демократической Республики масса грузинской интеллигенции из России хлынула в Тифлис, и, естественно, им, знающим язык и имеющим большие связи, отдавалось предпочтение, особенно в государственных учреждениях. Поэтому попытки папы с получением какой-либо должности в Тифлисе не приводили к успеху. А жить у тети Маши в переполненной квартире, без средств, было также затруднительно. Мама и папа продавали все, что у них еще оставалось ценного, но и эти ресурсы подходили к концу. В конце концов добрые

«... попытки папы с получением какой-либо должности в Тифлисе не приводили к успеху. А жить у тети Маши в переполненной квартире, без средств, было также затруднительно. Мама и папа продавали все, что у них еще оставалось ценного, но и эти ресурсы подходили к концу».

люди подсказали возможность устроиться где-либо в провинции, где многие маленькие города нуждались во врачах. Вскоре выяснилось, что есть возможность получить место заведующего хирургическим отделением городской больницы уездного городка Озургеты в юго-западной части Грузии, недалеко от города Батума.

Озургеты располагались в восемнадцати километрах от железнодорожной станции Нотанеби, в 30–40 километрах от Батума, по железнодорожной линии Тифлис-Батум. От станции к Озургетам шла шоссейная дорога, которая обслуживалась в основном извозчиками с парой резвых лошадей, так как автомобили в это время были редкостью. Квартира, которую нам выделило Озургетское городское управление, помещалась в небольшом доме...

И вот, примерно в июле 1920 года мы всей семьей переехали в Озургеты... Эта часть юго-западной Грузии именовалась Гурия. Эта низменная и очень влажная страна, лежащая к востоку от побережья Черного моря, имеет мягкий климат, близкий к субтропическому. Лето бывает хоть не слишком жаркое, но влажное, а зима дождливая, но не холодная, что позволяет культивировать некоторые породы цитрусовых фруктов, особенно мандаринов, и даже чайных кустов. Бананы растут, достигая нормальных размеров, но плоды не вызревают, так что они выращиваются только для

декоративных целей. Из других декоративных растений очень хороши мимозы, магнолии, азалии и ряд других вечнозеленых кустарников. Но основные насаждения в обычных крестьянских хозяйствах — это груши, яблоки, абрикосы и, главное, виноград, из которого получают некрепкое, но приятное красное вино. Из злаков сеют кукурузу, и из кукурузной муки делают хлеб и варят мамалыгу... нам пришлось привыкать к кукурузному хлебу, который несравненно менее съедобен, чем пшеничный или ржаной... Что касается остальных продуктов питания, то в них недостатка не было. А изобилие и разнообразие фруктов и овощей было поражающе. В общем, после мытарств, через которые мы прошли после нашего отбытия из Нахичевани, жизнь в Озургетах показалась нам весьма привлекательной.

Но были, конечно, и проблемы, во-первых, образование. [Мои старшие братья] Антик и Гога, заканчивающие гимназический курс, должны были поступить в последний класс гимназии, а затем продолжить свое образование в Тбилиси, где был политехнический институт. Оба хотели стать инженерами и уже в конце августа они отбыли в Тифлис, где определились в последний класс русской мужской гимназии...

С образованием моим и Нины дело обстояло более сложно, так как в Озургетах хоть и были гимназии, мужская и женская, но преподавание было на грузинском языке, которого мы не знали. Поэтому был принят следующий план: в течение 1920–21-го учебного года мы должны будем брать интенсивно уроки грузинского языка и одновременно подготавливаться по другим предметам за четвертый класс гимназии, чтобы на следующий год после сдачи эк-

заменов экстерном поступить в пятый класс Озургетской гимназии... Мы с Ниной стали брать уроки грузинского языка и истории и заниматься регулярно по другим предметам. Папа учил нас математике, физике и общей истории, мама — немецкому языку и природоведению.

В остальном жизнь стала налаживаться в полугородских, полудеревенских условиях нашего маленького, гостеприимного городка. Нужно сказать, что в Грузии, а особенно в Тифлисе, жило довольно много армян. Среди интеллигенции, как грузинской, так и армянской, русский язык был довольно распространен, но, конечно, все уроженцы Грузии в большинстве говорили по-грузински. И в правительстве, и в военном командовании, с большим количеством чиновников и служащих, русских было много. И поскольку русскому владению Закавказьем было уже более ста лет, среди интеллигенции было много обрусевших грузин и армян, вроде нашей семьи. Но все же национальная принадлежность на их родине, грузин в Грузии и армян в Армении, проявлялась значительно заметнее, чем у тех, кто жил в России...

После Октябрьской революции в России в 1918–1919 гг. в Закавказье образовались три самостоятельных республики: Грузия, Армения и Азербайджан. Во всех трех республиках господствующее положение занимали партии социал-демократов, враждебных большевистскому

режиму и стремившихся к установлению государства на демократических принципах. В течение гражданской войны эти республики были ограждены от Советской России территорией Северного Кавказа, находившегося под властью Деникина и его Белой армии.

Чувствуя шаткость своего положения, правительства Грузии и Армении старались установить тесные связи со странами Антанты и добиться признания независимости и поддержания их суверенитета. Обе республики добились этого признания со стороны Англии и Франции и их заверения в том, что они и в будущем будут поддерживать территориальную неприкосновенность от посягательства других государств, особенно России.

Нужно сказать, что природные богатства Закавказья давно привлекали внимание европейских предпринимателей, и многие коммерческие компании имели финансовые интересы в промышленности этих районов и бакинской нефти. Поэтому правительства Англии и Франции охотно шли на признание и поддержку Закавказских республик, имея в этом политическую и экономическую заинтересованность. Однако, во многих кругах Закавказских республик было опасение, что после окончания гражданской войны, вне зависимости от победы той или иной стороны, Россия примет более решительные меры для включения Закавказья в состав Российской Республики. И в случае таких посягательств с применением военной силы Англия и Франция вряд ли останутся верны своим заверениям. Ход истории вскоре подтвердил обоснованность этих опасений. И хотя на протяжении нескольких лет страны Антанты оказывали Закавказью некоторую экономическую помощь и даже демонстрировали свою военную мощь вводом в порты Черного моря своих военных кораблей, при всех дальнейших операциях со стороны России (и Турции по отношению к Армении) никакой помощи оказано не было, и иностранцы «благородно» ретировались.

Первой из Закавказских республик пал Азербайджан. Тактика Советов обычно была такова: сначала они вели в стране подпольную коммунистическую пропаганду, высылали туда своих людей, нелегально снабжали оружием, тайно организовывали вооруженные отряды. Затем, пользуясь экономическими трудностями или сфабрикованными конфликтами и забастовками, поднимали вооруженное восстание и от лица восставших призывали на помощь братскую Советскую республику. И тогда Советская Армия, заранее подготовленная на границе, с которой, конечно, не в силах была бороться атакованная страна, оккупировала ее территорию и провозглашала в ней «волею восставшего народа» Советскую власть. Советам до разреза была нужна бакинская нефть...

Следующей по очереди пала Армения. Несчастливая страна вела уже почти двухлетнюю войну с Турцией, которая после заключения мира в 1918 году, нарушив обязательства мирного соглашения, начала завоевательную войну против армян. Англия и Франция, которые обещали поддержку независимой Армянской Республике, кроме дипломатического нажима, никакой помощи не оказывали, и турки, имея колоссальный перевес в численности, посте-

пенно продвигались на восток. Турки захватили Карскую область, принадлежащую России уже с 1860-х годов, со времен русско-турецкой войны. Турки продолжали наступать и вторглись уже на территорию Армении, присоединенной к России с начала XIX века, заняв город Александрополь (в советское время Ленинакан, ныне — Гюмри) и продолжали наступление в направлении Еревана.

При таком критическом положении не оставалось иного выхода, как обратиться за помощью к Советской России, имевшей к этому времени армию на территории Азербайджана, граничащего на северо-востоке с Арменией. Местные коммунисты пришли к соглашению с правительством независимой Армении, приняли власть и запросили помощь у Москвы. Русские войска тотчас оккупировали страну и вытеснили турок из занятых ею территорий, исключая Карскую область. Таким образом, 29 ноября 1920 года Армения стала Советской Республикой*.

Грузия еще сохраняла свою независимость, и Англия на словах продолжала оказывать ей поддержку, но после падения Армении мы уже не верили в это и были убеждены, что в недалеком будущем та же судьба ожидает и Грузию. Многие беженцы из России вроде нас из опасения репрессий после советизации пытались уехать за границу, но наша семья решила предоставить себя воле судьбы и никаких попыток не делала. По существу никто из нас не боролся с советской властью с оружием в руках, и роль моего отца ограничивалась только оказанием медицинской помощи в госпиталях Белой армии. С тех пор прошло уже три года...

После отступлений возвращаюсь к краткому описанию этих лет, проведенных в Озургетах. Мама была озабочена тем, как она сможет справиться со всем домашним хозяйством одна, в городе, где не было водопровода... нужно было пилить дрова и разводить огонь в печах и на кухне. Электрическое освещение подавалось с перебоями, и жители пользовались керосиновыми лампами... кто-то из знакомых привез нам для переговоров одну из сирот, девушку лет восемнадцати-девятнадцати, беженку из турецкой Армении. Вся ее семья погибла при трагических событиях 1915 года, а ей удалось спастись и бежать вместе с другой семьей, которая после долгих мытарств добралась до Тифлиса, где она и жила с ними. Девушка была простая, деревенская, не знала русского языка, но уже довольно бойко говорила на грузинском. Звали ее Ахавни, но ввиду трудности этого имени для мамы, она окрестила ее Гаянэ.

Ужасы, перенесенные ею, когда во время их бегства на ее глазах погибли все ее родные вместе с тысячами других, нанесли ей психический и нервный урон, в результате которого зрачки ее глаз все время находились в состоянии горизон-

* В своем написанном по памяти историческом экскурсе К. Кечек несколько нарушил реальный ход и хронологию событий и опустил один очень важный факт, а именно Сардарабадское сражение (26-28 мая 1918 г.), в котором армянские регулярные войска совместно с ополчением одержали победу над турками. Эта победа спасла значительную часть Восточной Армении от захвата турками и геноцида. Независимая Республика Армения была провозглашена уже после описанных событий, 28 мая 1918 г.

тальной вибрации. Но время сгладило следы прошлых бедствий, и в целом она выглядела нормальной, уравновешенной. Мы ее взяли с собой в Озургеты, и она жила с нами в течение двух лет и была верной помощницей мамы в хозяйстве...

В начале осени Антик и Гога отбыли в Тифлис, и в нашей семье стало скучно...

И хотя по сравнению с прошлой жизнью в Ростове новая обстановка была чуждой и убогой, мама и папа были счастливы, что из всей заварухи войны и революции мы вышли живыми и здоровыми, чего не многие семьи в то время были удостоены. А главное, мы были сыты, одеты и имели крышу над головой, чего многие в это трудное переходное время были лишены на необъятных просторах матушки России.

К моменту нашего переезда в Озургеты (лето 1920 года) настроение в Грузии было бодрое, а экономическое положение — удовлетворительное. Инфляция была незначительная, продуктов местного производства — в изобилии. В начале нашего пребывания в Озургетах кроме жалования, получаемого в больнице, у папы образовалась порядочная частная практика, дававшая возможность скромного, но безбедного существования. Однако постепенно, особенно после падения независимости сначала Азербайджана, а позже — Армении, Грузия оказалась в полной экономической изоляции, ее экономическое положение стало ухудшаться, а недостаток многих товаров и их подорожание способствовали инфляции. Советизация Азербайджана отрезала Грузию от бакинской нефти, создала топливный кризис, а прекращение экспорта нефти через батумский порт привело к прекращению товарообмена с иностранными фирмами. Все это уже в 1921 году значительно снизило жизненный уровень Грузии и, в частности, нашей семьи...

В отношении папы должен отметить, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не занимался грубой ручной работой, так как он должен был беречь свои руки от малейших повреждений или царапин, потому что в те времена хирурги за неимением резиновых перчаток делали операции голыми руками. Руки перед каждой операцией мыли долго в теплой воде и затем обтирали спиртом. Малейшая царапина на руках могла вызвать заражение, вот почему руки так оберегали от поверхностных повреждений...

Одной из основных трудностей этого времени в Грузии был вопрос обеспечения обувью и одеждой. Кризис достиг такой степени, что стали носить деревянную обувь. Она состояла из вырезанной по размеру ступни деревянной дощечки, разрезанной на месте изгиба при ходьбе и соединенной кусочком кожи. Эта подошва закреплялась на ноге парой ремешков, наподобие сандалий. Такая обувь появилась даже в продаже и называлась «грюнантоши». Мы нашли их практичными и принялись изготавливать эту обувь для всех нас (детей, конечно) сами. Грюнантоши надевались на босу ногу, ввиду почти полного отсутствия носков. С одеждой было также очень туго. Шили и перешивали, выворачивая наизнанку и латая дырки, так как в продаже ничего не было...

Летом, а иногда и в новогодние каникулы, Антик и Гога приезжали домой из Тифлиса, где они, после нескольких

месяцев житья у тети Маши, нашли комнату и уже жили самостоятельно. Приезд Антика и Гоги очень оживлял нашу жизнь. Антику удалось устроиться в Управление Городского хозяйства, где он работал чертежником. Гога иногда находил работу по сбору винограда и фруктов. Живя в Тифлисе, они оба сделались совсем взрослыми, и, хотя папа помогал им в финансовом отношении по минимуму, необходимому для жизни, они привыкли кое-что зарабатывать сами, давая уроки или иными подсобными работами.

После советизации Азербайджана и Армении, падение независимости Грузии становилось неизбежным, и нас всех волновала неизвестность папиной судьбы, и, конечно, всей семьи. Жить становилось все тяжелее. Инфляция достигла таких размеров, что за деньги мало чего можно было купить. К счастью, большинство частных больных, будучи деревенскими, зачастую платили за медицинскую помощь натурой — кто дюжиной яиц, кто курочкой или кукурузной мукой. Часто ситуация была таковой, что наличие обеда зависело от прихода пациента с курицей или овощами и фруктами.

«... Часто ситуация была таковой, что наличие обеда зависело от прихода пациента с курицей или овощами и фруктами».

А потом, не помню, под каким предлогом, русские войска вторглись в Грузию с западной границы Азербайджана, в течение двух-трех дней почти без сопротивления заняли Тифлис и провозгласили власть Советов. Через пару дней во всей стране установилась Советская власть.

Местные озургетские власти независимой Грузии исчезли и появились какие-то коммунистические правители, организовавшие Городской совет. Все новые правители были также грузины и вели себя весьма корректно, во всяком случае, никаких массовых репрессий не было, хотя, возможно, не успевшие скрыться руководящие меньшевики и были арестованы. Через несколько дней после образования Горсовета, папа был вызван к председателю, который очень любезно сообщил ему, чтобы он ни о чем не беспокоился и продолжал свою врачебную деятельность.

Возвращаясь к проблеме нашего, Нины и моего, образования... Папа решил послать нас обоих в Батум и определить в русскую гимназию.

Хотя Батум отстоял от Озургет всего на 50-55 километров, попасть туда было не так просто, ибо сначала надо было доехать до железнодорожной станции Нотанеби, расположенной на железной дороге Тифлис-Батум. Пароконный извозчик тащился до станции 18 километров по довольно разбитой дороге не менее трех часов. Кроме извозчиков имелся один так называемый «автобус», переделанный из какого-то ветхого грузовика, где были установлены две скамейки для восьми-десяти пассажиров. Автобус курсировал только раз в сутки, и так часто портился, что все извозчики его обгоняли. Бывало, рейсы совсем отменялись ввиду отсутствия бензина...

В августе 1922 года мы с Ниной, в сопровождении папы, поехали в Батум и остановились у доктора Тахтаджяна,

К. Кечек вместе с дочерью Людмилой и ее мужем Саркисом Мурадяном в Вашингтоне, 1978 год.

который жил в небольшой комнате с женой и матерью. Через день начались экзамены...

За период экзаменов папа с помощью своих знакомых нашел для нас возможность устроиться в одну грузинскую семью, состоящую из пожилых супругов и их троих детей. Папаша, выдавший, очевидно, лучшие дни, имел маленькую продуктовую лавочку, где, по причине продуктовых трудностей, имелись для продажи лишь картошка и бочки с соленьями. Эти соленые огурцы и зеленые помидоры в изобилии подавались к обеду, но нам и их младшему сыну их не предлагали, потому что это было «вредно для ребонку». Мамаша, в общем, славная грузинка, была властительницей дома и занималась хозяйством. Иногда по вечерам она бряцала на гитаре и пела грустные грузинские песни.

Старшая дочь была зубным врачом, только что закончившей учебу, и принимала редких пациентов на дому. Старший сын был партийным и работал в каком-то учреждении. Младший сын был, как и я, учеником шестого класса грузинской гимназии. Квартира у них была хорошая, мы получили одну большую комнату, а столовались вместе со всей семьей. Жили они, как и все в то время, очень бедно, и взяли постояльцев, очевидно, по финансовым соображениям...

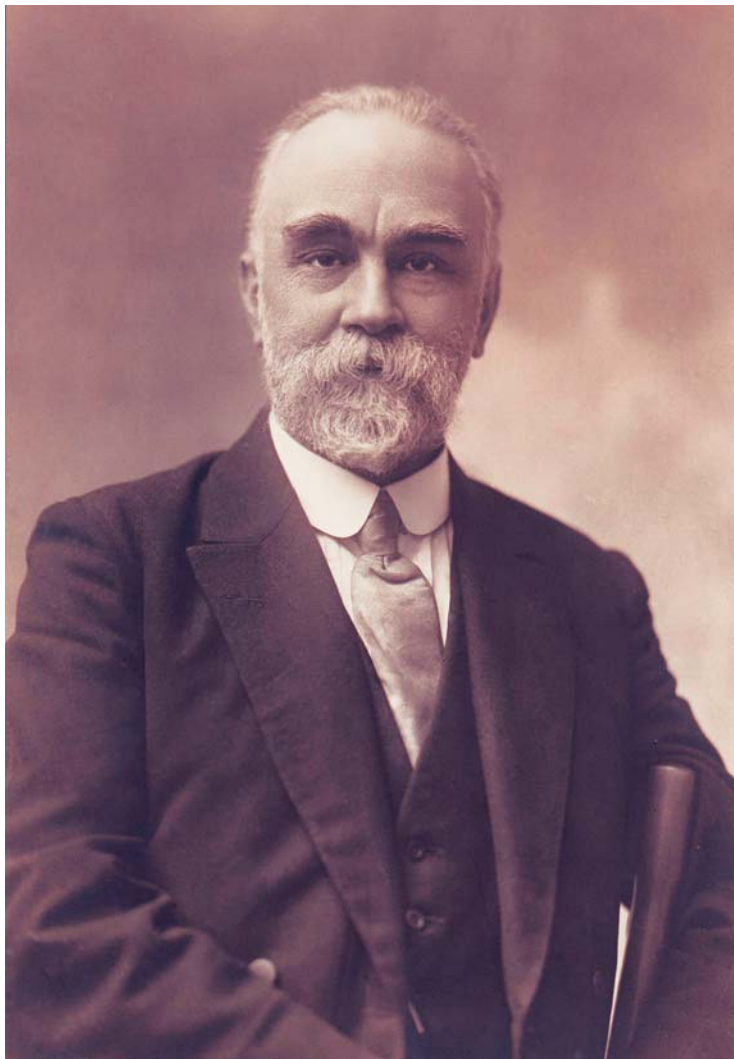
Жизнь в Батуме вскоре стала для нас интересной и полноценной. Гимназии, как мужская, так и женская, были старыми русскими гимназиями с хорошим составом преподавателей и интересным составом учеников. Никогда до этого я не попадал в такую интересную среду. В числе сорока учеников нашего класса были русские, армяне, евреи, грузины и греки, и никакого расового, национального, религиозного или классового разногласия между ними не было. Каждый оценивался по своим личным качествам и способностям, и спортивные качества стояли наравне с интеллектуальными и личными. Такой товарищеской сплоченности я не встречал ни до, ни после. Ни фискальства, ни жалоб друг на друга учителям не переносили. Если в чем-либо провинились, то принимали вину всем классом...

Говоря по существу, это было очень трудное время. Недавно лишь установившаяся в Грузии советская система, как и в России, была еще слабой и неорганизованной. Хотя с продуктами питания в этой части страны было не так плохо, и мы питались прилично, но во всем остальном испытывали жуткий недостаток. Одежда и обувь были жалкими. В классах зимой было так холодно, что мы сидели в пальто и даже в перчатках. Учебные пособия, а также карандаши и бумага, доставались с трудом. Но мы ко всему этому привыкли и как бы не замечали этого, и мирились без ропота.

Хорошая школа и особенно некоторые даровитые преподаватели — вот что в основном вызывало в нас подъем духа. Кроме того, Батум впервые открыл мне глаза и приобщил нас с Ниной к любви к искусству и литературе. После нескольких лет нерегулярного домашнего образования и одного года обучения в провинциальной озургетской гимназии и тусклой жизни в Озургетах, Батум с его высокой интеллектуальной средой был для нас своего рода чудом...

Вторым важным открытием, сделанным мною в Батуме, был мир театрального искусства, как драмы, так и оперы... Живя до прибытия в Батум в маленьком уездном городке Озургет, где не было никаких сценических представлений, кроме очень редких киносеансов, я ни разу в жизни не слышал оперы и только пару раз в детстве был в театре на спектаклях. Конечно, и в Батуме в то время театральное искусство не было особенно блестящим, но все же там я впервые услышал оперу «Евгений Онегин» и несколько драматических представлений, неплохо исполненных. Это было открытием нового мира, полного эмоций и переживаний. А когда в Батуме гастролировали такие известные тогда артисты, как Сумбатов-Южин или братья Адельгейм, то это было действительно прекрасно! Без сомнения, как любовь к литературе, так и любовь к театру и опере, зародилась во мне в батумский период жизни.

Мы благополучно и успешно закончили наш учебный год в батумских гимназиях, Нина — женской, я — мужской, и с грустью расстались с нашими друзьями. В школу мы не вернулись, ввиду нашего переезда в Эривань... ИБ

Жизненный путь Сергея Владиславича Завадского

Вячеслав Нечаев

Сергей Владиславич родился 18 февраля (по старому стилю) 1871 года в Казани, которая в те времена была городом помещичье-университетским. Его отец, активный деятель эпохи великой судебной реформы, Владислав Ромулович в то время служил товарищем прокурора Казанской палаты, а прокурором окружного суда в те же годы был известный Анатолий Федорович Кони. Завадские жили в Казани с ноября 1870 года по июнь 1873 г. Здесь в доме Печенкиной, что на Малой Красной улице, и появился на свет Сергей...

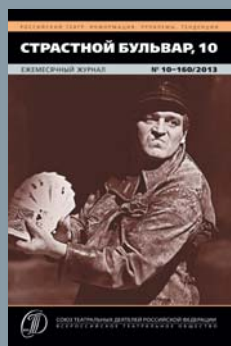
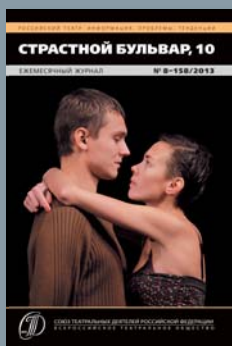

СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 10

Проект Союза театральных деятелей
Российской Федерации

Новый выпуск № 6-166/2014

Предыдущие номера
журнала вы можете
приобрести по адресу:

107031 Москва, Страстной бульвар, 10/34, стр. 1,
(495) 650-30-89, strast10@stdrf.ru

Ежеквартальный журнал для всех,
кто интересуется культурой

ИНЫЕ БЕРЕГА

журнал о русской культуре за рубежом

1 (33) 2014

107031 Москва, Страстной бульвар, 10/34 стр. 1
Тел.: (495) 650 30 89
e-mail: inie-berega@mail.ru, berega@stdrf.ru

